СВЯЗНОЙ ХРУЩЕВА

ВСЯ ПРАВДА О ПОЛКОВНИКЕ ГРУ ГЕОРГИИ БОЛЬШАКОВЕ, СПАСШЕМ МИР В 1962 ГОДУ

ЩИТ И МЕЧ ОТЧИЗНЫ
РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ДЕЛА ГРУ

АНДРЕЙ ОРЛОВ
ОЛЕГ РОЙ

Связной Хрущева

Андрей Юрьевич Орлов, Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Андрей Орлов, Олег Рой. Связной Хрущева
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая

Аннотация

Вы думали, что знаете всё о Карибском кризисе? Вы ошибались.

Вашингтон, октябрь 1962 года. Она уходит, бросив на него виноватый, прощальный взгляд. Секунду спустя он видит в окне машину и людей в черном. У него есть лишь мгновения. Бегство по пожарной лестнице, отчаянный прыжок в темноту… прямо в ловушку. В холодной тени переулка его встречает старый враг, офицер ЦРУ Шон Майлз, жаждущий реванша за прошлое унижение. Пути назад нет…

Человек, загнанный в угол, – полковник Георгий Большаков. Официально он редактор журнала. В действительности же – единственный тайный канал связи между Хрущевым и Кеннеди. Последняя нить, на которой держится мир, замерший на пороге ядерной войны.

Пока генералы по обе стороны океана готовятся отдать роковой приказ и нажать на красную кнопку, а мир, затаив дыхание, следит за противостоянием советских и американских кораблей у берегов Кубы, наш

агент ведет свою невидимую войну.

Это история о победе, спасшей человечество. Это скрупулезная реконструкция реальных событий, основанная на рассекреченных архивах. Все ее персонажи существовали на самом деле.

Андрей Орлов, Олег Рой
Связной Хрущева

Издательство выражает благодарность Главному управлению Генерального штаба (ГРУ) за предоставленные документальные материалы, а также директору проекта *Ирине Владимировне Сабеевой*

© Авторы О. Рой, А. Орлов, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава первая

Апрель, 1961 г.

Нежелательная личность возникла на отрезке между Коннектикут-авеню и 17-й улицей, недалеко от кафедрального собора Святого апостола Матфея. Субъект с непокрытой головой в сером плаще шел сзади, усердно хмурился и делал отмашку. В свободной руке он держал свернутую газету. С виду обычный госслужащий, которых в Вашингтоне, как муравьев в муравейнике. Но именно этот парень десять минут назад проследовал навстречу, когда Георгий вышел из кафе. Субъект был с дамой — маленькой, но фигуристой, в черном пальто и крапчатом берете. Даже не покосились, что уже вызвало вопросы — обычно люди смотрят на тех, кто проходит мимо. Теперь он был один. Странно устроена память — хватало мгновения, чтобы срисовать лицо и поместить в хранилище когда-то увиденного…

Георгий мог его не заметить, но обернулся, когда мимо проехал открытый автобус с джаз-музыкантами, — и заметил. Пришлось остановиться у афишной тумбы. В Национальном театре на

Пенсильвания-авеню давали премьеру: остросоциальную пьесу Эдварда Олби «Не боюсь Вирджинии Вульф» о нравах и пороках буржуазного общества. Георгий задумался. Театры он любил, остросоциальную драматургию — особенно. Когда придет тот день — он разгребется с делами и с чистой душой отправится в театральное турне? Горький опыт подсказывал, что никогда. Шпик проследовал мимо. Чем обязан такому удовольствию? Он простой журналист, заместитель редактора журнала «Советский Союз», издающегося в Америке на английском языке… Георгий постоял у тумбы, ознакомился с соседней афишей. С театрами в американской столице проблем не было. Хвост из подворотни не показывался — даже не подглядывал. Хоть этому научили. Вряд ли его в чем-то подозревали — обычное «дежурное» наблюдение. Не он один удостаивался такой чести.

Георгий оторвался от афиши и отправился дальше. Гудел большой город, по проезжей части мимо зданий, построенных в георгианском стиле, ползли машины. Начало апреля в Вашингтоне выдалось солнечным. Про снег забыли — это не шестая часть суши, где снегом можно удивить только в июле. Следующую остановку Георгий

сделал у застекленной витрины обувного магазина. Там было на что посмотреть. Продукция преобладала итальянская, да и сам магазин назывался «Альберто Гардиани». В витрине отражался представительный мужчина, заинтересовавшийся коллекцией осенних мужских туфель, улица, роскошные орегонские дубы на другой стороне дороги. Журналист выглядел безупречно — словно дома ждала жена, неустанно следящая за внешностью мужа. Фетровая шляпа, бежевый плащ, под плащом — дорогой костюм, сорочка идеально сочеталась с галстуком. Сверкали начищенные ботинки — к сожалению, не итальянские. Жены у Георгия не было — ни здесь, ни за океаном. Виновата, должно быть, профессия, мало располагающая к семейной жизни.

Так и есть! Сбоку обозначилась вторая участница «дежурной» слежки — маленькая, но изящная. Видимо, стажерка, еще не постигшая премудрости профессии. Она остановилась метрах в двадцати от витрины, не знала, чем себя занять. Извлекла блокнот — видимо, с телефонами сокурсников, стала в нем что-то искать, водя пальчиком. Выступать в роли учебного пособия еще не приходилось. Отчасти это было забавно.

Георгий оторвался от витрины, двинулся даль-

ше. Ситуация уже не забавляла, обеденный перерыв не резиновый. Улыбнулась девушка, идущая навстречу, задержала взгляд — явно превысив отпущенное правилами приличия время. На другой стороне дороги возводили дом — взамен снесенного. Строители закончили восьмой этаж, оформляли крышу. Здание идеально гармонировало с соседними. Высотные дома в Вашингтоне не строили. Шутили, что высота строений не должна превышать Капитолий — дабы не упрощать жизнь снайперам. На самом же деле имелось распоряжение городских властей — высота зданий должна быть не больше ширины соседней улицы. На краю карниза сидел белобрысый парень в спецовке, снисходительно посматривал на мир под ногами и ел бутерброд — по-американски бургер. Местные трудящиеся повышенных обязательств не принимали, но работали на износ, чтобы прокормить свои семьи. К тротуару подъехал желтый «Чеккер-Марафон» с шашечками, высаживал пассажиров — немолодую чету. Георгий ускорился, и когда пассажиры ступили на тротуар, он уже протискивался на заднее сиденье. Водитель — рыжеволосый потомок ирландских переселенцев — даже ухом не повел. В центре города никогда не бывало перебоев с

пассажирами.

— Флорида-авеню, сэр, Нортвест.

Водитель покладисто кивнул, отъехал от тротуара, чуть не подрезав громоздкий «Форд» с наплывами над передними фарами. Брюнетка в берете заволновалась, стала суетиться. Опустила блокнот мимо кармана, бросилась поднимать. Такси проехало мимо, Георгий отвел глаза — не надо злить хороших людей. Барышня подбежала к бордюру, вскинула руку. Но других такси поблизости не оказалось. А как вы хотели, мэм? Георгий Большаков — не только замредактора местного филиала журнала «Советский Союз», но и полковник военной разведки, работающий под прикрытием этого самого журнала…

Таксист выбирал короткую дорогу — свернул на боковую улочку, двинулся параллельно Пенсильвания-авеню. Район был фешенебельный — опрятные дома, магазины. Ирландец ушел в очередной боковой проезд. Георгий обернулся — хвост не висел.

— Знаете, сэр, я передумал, — сообщил он удручающее известие. — Забыл, что должен находиться в другом месте. Не могли бы вы остановиться? Заплачу, сколько скажете.

Водитель вздохнул и прижал машину к му-

сорным бакам. Через несколько минут Георгий вышел на 15-ю улицу, пересек по светофору проезжую часть. Работали приобретенные инстинкты — несколько раз проверился. В переулке шумели — полицейские в черной униформе выводили из здания темнокожего юношу. Особо не церемонились, заламывали руки с такой силой, что у парня от боли искажалось лицо. Он попытался вырваться — получил по затылку. Копы стали заталкивать его в полицейскую машину. Задерживаться не стали — чихнула выхлопная труба, и стражи порядка повезли добычу в участок. Возможно, этот парень не совершал ничего противоправного, просто дерзко себя повел. Темнокожих в Вашингтоне было много, обитали в основном в бедных восточных кварталах, прав и свобод толком не имели. Заведения, куда пускали чернокожих, можно было пересчитать по пальцам. Ситуация к 60-м годам двадцатого века сложилась нетерпимая. Негритянское население роптало, люди выходили на протесты. Нередко выплескивали гнев, сопротивлялись полицейским, били витрины, поджигали автомобили. В прошлом месяце Большаков был свидетелем подобного «народного шествия». Не дай бог попасть под горячую руку! Это, конечно, не русский

бунт, бессмысленный и беспощадный, но тоже приятного мало…

Через пять минут он вышел к небольшому скверу между жилыми домами. Прошел по тротуару, не переходя дороги, двинулся обратно. Слежки не было. Местечко — спокойное и малолюдное. ФБР, безусловно, знало, кем является редактор популярного издания, но высылать из страны не спешило. Для этого требовались основания. Георгий Большаков вел размеренную добропорядочную жизнь, неплохо вписавшись в местный социум. Законы не нарушал, дорогу переходил в положенном месте; управляя автомобилем, никогда не превышал разрешенную скорость. Сегодняшний маневр мог насторожить ФБР, но разве человек не вправе сесть в такси?

Он пересек дорогу, шел по скверу мимо лавочек. На кустах зеленели побеги, кое-где проклевывались листочки. Приятно пригревало весеннее солнце. Он сел на лавочку, закурил. По дороге проезжали машины, и за время перекура ни одна не сделала остановку. Временами он ловил себя на мысли: перестраховывается даже там, где не надо. Соседнюю скамью занимал пожилой мужчина с тростью, печально смотрел в пространство. Еще дальше — миловидная женщина в модной шляп-

ке и с волнистыми волосами. Вокруг ее лавочки вился забавный щенок-пинчер. Хозяйка ослабила поводок, и непоседливое животное постоянно в нем путалось. Георгий выбросил окурок в урну, поднялся и двинулся по дорожке. Подтянул ноги печальный пенсионер — хотя и не мешал. Насторожился пинчер, бросился знакомиться. Тут же запутался в поводке и чуть не сделал кульбит. Женщина засмеялась. Георгий опустился на корточки, потрепал собачонку за ушами. Пинчеру понравилось, и он полез брататься.

— Излишняя предосторожность, Георгий Никитович, за нами не следят, — тихо сказала женщина. У нее было приятное открытое лицо, обрамленное волнистыми волосами. Вблизи можно было различить морщинки, но лучше этого не делать.

— Это не лишняя предосторожность, Мария Владимировна, — уверил Большаков, — а дополнительная. Двадцать минут назад за мной тащились двое, пришлось плутать. Великодушно прошу простить за опоздание. Вы сегодня отлично выглядите.

— Только сегодня? — удивилась собеседница. — Вы, кстати, тоже. Надеюсь, ничего серьезного, Георгий Никитович? В противном случае вы бы

пропустили встречу. Присаживайтесь. Фанни, прекращай! — Она машинально перешла на английский. Собачка поджала уши, села посреди дорожки и выжидающе уставилась на хозяйку.

— Вы назвали собаку Фанни? — Георгий присел рядом.

— Назвала, — огласилась дама, — Это не связано с Фанни Каплан. В Москве у меня была подруга, ее звали Фанни Эстеркина. Очень, кстати, симпатичная девушка. Мы вместе поступали в институт международных отношений. Дальше приемной комиссии Фанни не ушла, хотя на что-то рассчитывала. Подруга погибла в 54-м году, после того как удачно вышла замуж. Они разбились вместе с мужем на их новой «Победе» — машину смял военный грузовик, у которого отказали тормоза…

— Сочувствую, Мария Владимировна. У вас есть информация?

В Соединенных Штатах внедренную сотрудницу ГРУ знали как Элен Хартман. На другом конце земного шара — как Марию Добрянскую. Блестящий изворотливый ум, несгибаемый характер и — да простится это слово — предприимчивость. Элен владела косметическим салоном на 13-й улице, в нескольких кварталах от Капитолийско-

го холма, умело вела бизнес и даже расширялась. История умалчивает, как ей удалось этого добиться. Салон был не дешевый, пользовался популярностью. К Элен регулярно захаживали жены и любовницы правительственных чиновников, высокопоставленных военных — и по ходу процедур они болтали о чем попало. Язык у этой публики был как помело. Иногда проскакивала и любопытная информация. «Особо почитаемых» клиенток Элен обслуживала сама. Серьезные источники информации тоже имелись. В числе последних был некий тип, имеющий отношение к отделу оперативно-стратегического планирования Комитета объединенных штабов. В детали получения сведений коллеги тактично не вмешивались, добытая информация отправлялась по назначению — и в целом являлась достоверной.

— ЦРУ и Пентагон готовятся сместить режим Кастро на Кубе, — сообщила Элен. При этом продолжала загадочно улыбаться — видимо, для пенсионера, который вышел из ступора и завертел головой.

— Да, Мария Владимировна, они собирались это сделать еще при Эйзенхауэре, — согласился Георгий. — Объединить кубинскую оппозицию — как внутри острова, так и снаружи; усилить

пропаганду; создать на Кубе подрывную разведывательную сеть; подготовить военизированные отряды…

— Скажу иначе, Георгий Никитович, — поправилась Мария. — Подготовка к вторжению на Кубу завершена. Избран силовой вариант. Подготовка шла все последние месяцы, и, как ни странно, ее удалось скрыть. ЦРУ разработало план еще в январе. Высаживается десант порядка тысячи человек, захватывается и удерживается плацдарм. Место высадки неизвестно — прости, не знаю. Но наиболее вероятно южное побережье Кубы. Со стороны Америки они не пойдут. Контрас работают в условиях полного превосходства в воздухе. Силы вторжения могут увеличить. Одновременно в Гаване и других крупных городах начинается так называемое народное восстание против режима Кастро и власть переходит к повстанцам… прости, к мятежникам. Выдвигаются силы с плацдарма, а дальше — по канонам. Если мятеж провалится, в районе плацдарма высаживают временное правительство, которое будет признано США. Правительство запросит помощи США, и ее предоставят. Это будет прямая военная интервенция Соединенных Штатов. А сейчас они как бы ни при чем, в случае неудачи

все свалят на кубинскую оппозицию. Это достаточно серьезно? План разрабатывали сотрудники ЦРУ — из числа тех, кто до 59-го года работал на Кубе и хорошо знают страну. На базе Пуэрто-Кабесас в Никарагуа готова к вылету эскадрилья B-26. В указанный момент они нанесут удар по военным объектам Кубы. Контрас готовы к отправке из тренировочных лагерей в Никарагуа и Гватемале. Их натаскивали больше года. Это кубинцы, сбежавшие от Фиделя, а также всякий сброд, готовый воевать за деньги — их называют «солдаты удачи». Диверсии и саботаж на Кубе уже ведутся, в управление страной вносится сумятица. Будет задействовано несколько морских транспортов — с наемниками и вооружением, вплоть до танков. Готовятся к отправке бульдозеры и прочее оборудование — для строительства временного аэродромного поля. Для транспортов, находящихся в нейтральных водах под флагом, например, Либерии, достичь побережья Кубы — дело нескольких часов. Я не эксперт, но скажи, Георгий Никитович, насколько сильна военная разведка Кубы — и вообще их армия?

Георгий задумчиво помалкивал. Напряглась Фанни и, мягко перебирая лапками, начала движение к хозяйке. Мария остановила ее строгим

взглядом. Вооруженные силы Фиделя были, мягко говоря, не сильны. Одним революционным энтузиазмом горы не свернешь. Одолеть бывших соотечественников — еще ладно. Но противостоять всей мощи Соединенных Штатов… это утопия.

— Когда начнется операция?

— В любой день с 16 по 19 апреля. Точных данных получить не удается.

— Кеннеди в курсе?

— Разумеется. Как президент может быть не в курсе такого? Ему непосредственно подчиняется директор национальной разведки Даллес. Насколько же ему по душе сама идея вооруженного вторжения — сказать не могу. Но согласись, иметь под боком такого врага, который прибирает к рукам собственность американских корпораций…

Мария не стала продолжать. Все и так понятно. Поднялся пенсионер, заковылял к выходу из сквера. Подошло облачко, закрыло солнце.

— Спасибо, Мария. Это действительно важно.

— Оттого и просила о встрече. Отправлять эти данные по моим каналам — долго и хлопотно. Можем опоздать. Ты сделаешь это быстрее.

— Я понял, — кивнул Большаков. — Все уйдет уже сегодня. Ну, все, Мария Владимировна, до

новых встреч, работа ждет. — Он начал подниматься. Фанни подлетела, стала тереться о ноги. — Как дела-то, Маша? — спросил он. — Про личное не спрашиваю, только про работу. Продолжаешь эксплуатировать трудящихся?

— Продолжаю, — фыркнула Мария. — За день так наэксплуатируюсь, что еле живая домой приползаю. А эти мои хитрюги — все такие угнетенные — только щебечут весь день да свежим маникюром сверкают… Но ты прав, — вспомнила разведчица. — Использую наемный труд — значит, эксплуататор и кровопийца. Не волнуйся, не приду к победе капиталистического труда… Знаешь, коллега, — сокрушенно вздохнула Мария, — иногда так хочется в свою двушку на Котельнической набережной, забыть, что человек человеку волк…

Редакция журнала «Советский Союз» размещалась на четвертом этаже старого здания на 11-й улице. Район был приближен к центру, в плане криминала — сравнительно спокоен. Подобные помещения назывались «лофтами» (последний этаж, голый кирпич, странные конструкции на потолке), сотрудники же называли свое рабочее место «голубятней». Здесь было уютно, недавно провели косметический ремонт. Нижние

этажи занимали небольшие фирмы, редакция еженедельника, выпускающего комиксы для не желающих взрослеть американцев. Из окна открывался вид на кирпичные здания в глубине квартала. В редакции трудились около дюжины советских граждан, мелькали журналисты ТАСС и «Известий», сотрудники корпункта газеты «Правда». Обед закончился полчаса назад. Отдышавшись от подъема по крутой лестнице, Георгий отправился на рабочее место. Покосился из-за стеклянной перегородки редактор Стариков — уважаемый в коллективе человек, специалист с многолетним опытом работы, промолчал по поводу опоздания. Пришел — уже хорошо. То, что должность замредактора — прикрытие, Олег Николаевич прекрасно знал, но держал эти знания при себе. Свою работу в журнале Георгий исправно выполнял. Олег Николаевич просил об одном: хотя бы информировать о том, что собираешься не прийти.

Стучал на машинке Кирилл Забелин — молодой способный журналист. Кого-то обзванивала Изольда Юрьевна, ставила в известность об отправке фотоснимков. Работница была грамотная, общительная, но совершенно не во вкусе Большакова. Отыскать к сорока годам своего

Тристана Изольда Юрьевна не смогла, и это превращалось в драму. Она закончила обзвон, положила трубку и с каким-то смутным сожалением уставилась на Большакова. Он учтиво улыбнулся, стал перебирать лежащую на столе стопку. Редакция занималась важным делом. Сам журнал издавался в Москве — с 30-го года. Часть тиража, изданного на английском языке, переправлялась за океан. Почта СССР и Почтовая служба США в этом деле неплохо скооперировались. В распространении журнала участвовали посольство Советского Союза, Общество советско-американской дружбы. К журналу полагались несколько приложений — спортивное, для детей. Иллюстрированный общественно-политический журнал имел ярко выраженную пропагандистскую направленность. Издавался на разных языках (даже на монгольском и бенгальском). Публиковались статьи о событиях внутренней жизни СССР — народных стройках, достижениях советских ученых и деятелей искусств. Во главе угла — преимущества жизни в Советском Союзе. Подробно разъяснялась политика КПСС и советского правительства.

Георгий задумчиво полистал журнал. Иллюстрации были яркие, фотографии — отличного

качества. Стране было чем гордиться — и пусть подавятся критики и злопыхатели! В ноябре минувшего года в Москве открылся Университет дружбы народов, а полтора месяца назад ему присвоили имя Патриса Лумумбы. В мае 1960-го специалисты из Ленинградского электротехнического института осуществили первую цветную телепередачу. В августе того же года с космодрома Байконур вывели на орбиту корабль «Восток» — СССР осуществил первый в мире пилотируемый полет в космос! В качестве космонавтов выступили знаменитые Белка и Стрелка. Проведены успешные ракетные испытания — с подводной лодки Б-67 выполнен первый в СССР прицельный пуск баллистической ракеты Р-21. Залп произведен из-под воды, цель на полигоне поражена. Заступила на боевое дежурство атомная подводная лодка-ракетоносец с баллистическими ракетами Р-13, способными поражать любые цели на любой территории. В ноябре 60-го советские специалисты помогли братскому Китаю осуществить запуск баллистической жидкостной ракеты — точной копии советской Р-3.

И не только оборонкой жил Советский Союз. К ноябрьским праздникам открылась первая очередь киевского метро. Двумя неделями позд-

нее запорожский завод «Коммунар» выпустил первую партию малолитражных автомобилей «ЗАЗ-965». Машина вышла шустрой и маневренной. «Запорожцы» разлетались, как горячие пирожки — цена изделия была божеской. Теперь советским гражданам ничто не мешало обзаводиться личным автотранспортом. В декабре произошло еще одно значительное событие: Генассамблея ООН по инициативе СССР приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Георгий закрыл журнал, покосился на стучащего по клавишам Забелина. Парень выполнял редакционное задание: напомнить американским читателям о подвиге советских людей годичной давности. Грузовую баржу оторвало в бурю от причала на Курилах. На борту находились четверо солдат срочной службы. Произвели разгрузку, покинуть пост не успели. Снег стеной — и никто не видел в этом снежном аду, что происходит. Прижаться к берегу не смогли, несмотря на все усилия. Баржу унесло в открытый океан. Практически без воды, без провианта — пацаны три месяца дрейфовали в открытом море, не встретив ни одного судна. Изможденные, живые скелеты — но не сдались. Подобрали мальчишек

моряки США с проплывающего мимо авианосца, доставили в Сан-Франциско. Никто не верил, что они могли выжить после трех месяцев дрейфа. Но факт оставался фактом. Пацанов окружили заботой, усиленным питанием, всячески расхваливали преимущества жизни в США. ФБР и ЦРУ из кожи лезли, чтобы сделать советских героев американскими. Но дьявольский искус не сработал, парни остались верны своей стране — о чем и заявили на расширенной пресс-конференции с представителями мировой прессы. Солдат переправили в СССР. Москва встречала цветами, ковровыми дорожками, ликовала вся страна. И ведь не зазнались, не надели на головы короны — до последнего не могли понять, что такого героического они сделали…

Георгий погрузился в работу, попеременно используя машинку и шариковую ручку. Необходимая символика находилась в голове. Со стороны казалось, что человек готовит статью. Украдкой косилась, прикусив губу, Изольда Юрьевна. Никто не вмешивался в творческий процесс. Закончив работу, Георгий убрал листы в папку, завязал тесемки и снял телефонную трубку.

— Добрый день, Михаил Ильич, Большаков из

редакции беспокоит. Пришлите курьера — пусть заберет наброски для новой статьи и передаст в отдел печати. Надеюсь, до конца рабочего дня они ознакомятся с текстом. Это касается ярмарки советских производителей, которая пройдет в июле.

— Понял вас, Георгий Никитович, — отозвались на другом конце. — Ждите, курьер будет.

Помянутый товарищ прибыл через двадцать минут — видимо, на ракете доставили. Вошел подтянутый молодой человек с улыбчивым лицом, стал лавировать между столиками, здороваясь с присутствующими. Изольда Юрьевна переключила внимание на посетителя. Молодой человек воткнул ей в стаканчик для карандашей искусственный цветочек, хитро подмигнул. Сотрудница зарделась. Этот парень был такой милый.

— Давайте, Георгий Никитович, что там у вас? — подошел он к Большакову.

— Держи, Максим. — Георгий подтолкнул папку. — Передашь Надежде Алексеевне — она разберется. Не потеряешь?

— Обижаете, Георгий Никитович, — хохотнул курьер. — Когда мы что теряли? Надежда Алексеевна вам позвонит, когда получит материалы.

Он забрал документы и удалился, послав воздушный поцелуй Изольде Юрьевне. Надо же чем-то поддерживать хиреющий боевой дух. Георгий проводил курьера глазами. Потерять наброски статьи тот никак не мог — не случалось еще такого. Кража, грабеж тоже исключались — передвижения курьера отслеживались. Равно как и происки официальных лиц — например, полиции или ФБР. Обыскивать дипломатических работников не позволял закон. Пусть даже произойдет невероятное — все равно не расшифруют. Это были всего лишь наброски, пусть сумбурные и нелогичные.

Самому светиться в посольстве не хотелось. Имелось смутное беспокойство. Он мог бы проживать в дипмиссии — в жилом секторе за Большаковым числилось отдельное жилище: двухкомнатная квартира площадью сорок метров. Но там он появлялся нечасто, предпочитал жить в городе на Портсмут-драйв, в паре кварталов от работы. Отсюда он мог пешком попасть в любую часть центра, незачем использовать числящийся за ним «Форд». Квартира арендовалась, начальство не возражало. Район был сравнительно благополучный. С некоторых пор Георгий пользовался полным доверием. Имелись

в текущем положении и некоторые неудобства, но они успешно преодолевались.

Мысли переключились. В январе 59-го года на Кубе произошла революция, режим Батисты пал. Диктатор бежал в свои разлюбезные Соединенные Штаты и быстро сделался политическим трупом. К власти пришло революционное правительство Фиделя Кастро. Начались сокрушительные перемены — в общественной жизни, в экономике. Фидель придерживался социалистического курса, но не спешил ссориться с Америкой и дружить с Советским Союзом. Понимал, что дразнить тигра, сидящего рядом, — не самое умное занятие. Но реформы, тем не менее, шли, национализировались крупные американские компании, традиционно работавшие на Кубе. Американцы теряли сахарные заводы, добывающую промышленность, несли колоссальные убытки. Но представители корпораций еще на что-то надеялись. И Фидель действовал последовательно, не рубил сплеча. Но через три месяца все стало ясно — отката в прошлое не будет. Фидель явственно обозначил свой курс. К тому же объявил крестовый поход на оппозицию. Спецслужбы врывались в дома, забирали людей. Закрылись все оппозиционные издания,

радиостанции. Недовольные режимом устремились в Майами. Их ловили в море, возвращали на родину, кого-то уничтожали физически. Но многим молодым людям удалось бежать — из них и формировались подразделения контрас. В мае 60-го года были установлены дипломатические отношения между Кубой и СССР. В страну потекли грузы, во многих отраслях брались за работу советские специалисты. Как-то незаметно усилились спецслужбы и народная армия. Все чаще в речах и лозунгах звучали социалистические мотивы. Надежды на исправление экономической ситуации развеялись. В октябре 60-го года американское правительство ввело эмбарго на торговлю с Кубой, началась экономическая блокада. Но эффекта не дождались — кубинский сахар потек в СССР. Взамен поставлялось промышленное и сельскохозяйственное оборудование. Речи команданте становились решительнее и агрессивнее. Кастро чувствовал растущую поддержку заокеанского брата. Ситуация для американцев становилась нетерпимой. Сменить власть на Кубе мирным образом уже не получалось. Оставался старый добрый метод — насильственное свержение. В принципе ничего удивительного, логичное решение проблемы…

Телефон зазвонил через полтора часа. Большаков снял трубку. Ладони почему-то вспотели.

— Георгий Никитович? — осведомился приятный женский голос. — Это Быстрюкова из отдела печати. Ваши черновики получили, отдали в работу. Пока замечаний и предложений по улучшению нет. Благодарим за интересное освещение событий.

Собеседница попрощалась и положила трубку. Это означало примерно следующее: посылка доставлена, ваши закорючки расшифрованы, а затем зашифрованы обратно — теперь в порядке, установленном системой кодирования. Зашифрованная радиограмма ушла в Москву, прибыла по назначению, и этот факт подтвержден. Большое спасибо. Информация от Марии Добрянской будет анализироваться, и по ней примут решение. Хотелось надеяться, что не постфактум.

Полковник облегченно вздохнул. По крайней мере, ближайшую ночь он может спать спокойно…

Арендуемая квартира находилась на третьем этаже внушительного каменного здания. Дом располагался в глубине квартала, шум с улицы не проникал. Две комнаты, кухня, санузел с неподъемной чугунной ванной. Все просто — но

впечатляли габариты и высота потолков. В гостиной мог разместиться небольшой танцевальный клуб. Спальню — сдавать под оргии Калигулы — с конями и массовкой. Окна выходили на разные стороны здания. В СССР тоже строили неплохие квартиры, но подобного «безответственного» размаха строители себе не позволяли. В квартире имелся телефон — старый, громоздкий, но вполне рабочий. На прослушку его не ставили — он бы почувствовал. И в квартиру посторонние не проникали — убеждался в этом ежевечерне. «Праздные» наблюдатели под окнами иногда прогуливались, но сегодня их не было. Вечер протекал размеренно, неспешно. Помылся, переоделся, задумчиво постоял возле телефона. Наступало время ужина, но готовить не хотелось. Постоял у открытого холодильника, выбрал простое решение — биточки куриного мяса. С грустью вспомнилась банка сайры в собственном соку какого-нибудь камчатского рыбного завода. Ешь, не закрывая холодильник, облизывая пальцы, потом вымакиваешь хлебом то, что осталось на дне…

Звонок в дверь отвлек от мечтаний. За порогом стояла симпатичная молодая женщина с темными волосами — коротко стриженная, кареглазая,

со вздернутым забавным носиком. В глазах мерцал хитрый огонек. Барышня была худа, но не сказать что болезненно. Необходимые выпуклости и вогнутости присутствовали. Она одевалась как-то по-мальчишески: брюки в обтяжку, черная короткая куртка. Гостья прижимала к груди пакет из грубой бумаги.

— Я не ошиблась? — спросила она.

— Нет, — отозвался Георгий, — Проходите, синьора Морелли.

Она вошла, встала на цыпочки и припала к его губам. Закружилась голова. И не только у него — Георгий перехватил пакет, выпавший из ослабевших рук. В пакете было что-то тяжелое. Ну, конечно, выпить, закусить…

— Фу, соскучилась… — выдохнула молодая особа и отстранилась. Хитрый огонек в глазах сделался ярче. Она засмеялась, обнажив белые зубы. — Все в порядке, а то я начала беспокоиться: три дня от тебя никаких вестей и телефон твой грустно молчит… В пакете, кстати, лавацца — это хороший итальянский кофе, прислали родственники из Сицилии.

— О, мы будем пить кофе? — восхитился Георгий.

— Не сразу. — Гостья покосилась на приоткры-

тую дверь в спальню. — А еще в пакете паста и красное вино. Их мы тоже съедим и выпьем — но тоже не сразу.

— У меня есть кофе, — напомнил Большаков. И макаронами человека из России трудно удивить.

— Какая пакость этот ваш американский кофе! — патетично воскликнула синьора Морелли. — То, что ты пьешь, и то, что продают в местных магазинах и даже ресторанах, не кофе! У этой страны свои плюсы, но кофейные традиции отсутствуют. Все на бегу, второпях, не понимая ни вкуса, ни запаха… Ладно, об этом позднее. Помоги же девушке раздеться! Что стоишь? У тебя в спальне кто-то есть?

Георгий засмеялся, пристроил пакет на тумбочку и снял с гостьи куртку. Не удержался от соблазна, заключил в объятия и стал жарко целовать. Франческе Морелли недавно исполнилось тридцать, но выглядела моложе. Смешливая, кокетливая, какая-то стремительная, она произвела впечатление в первый же день знакомства. И до сих пор производила. Иногда — ураган, милый очаровательный чертенок, возбуждала одной лишь улыбкой. Журналистка итальянского происхождения, работала в газете «Вашингтон таймс», где вела колонку, посвя-

щенную внутриполитическим проблемам, а особенно лабиринтам выборной системы страны, запутаннее которой могла быть только ее же налоговая система. А в последней, как говаривал Большаков, даже с бутылкой не разобраться. У Франчески был дар докапываться до сути вещей, и это причудливо сочеталось со взбалмошностью и наивностью. Большаков познакомился с ней на одном из приемов в «Дейли ньюз», куда приехал по приглашению приятеля Фрэнка Холлмана. И впоследствии ни разу об этом не пожалел. Всю свою сознательную жизнь Франческа провела в Америке, куда приехала с отцом, порвавшим с ее матерью. Отец скончался пять лет назад, другая часть большой семьи проживала в Палермо, Франческа летала туда раз в два года, шутливо называя эти события «семейным биеннале». По-английски она частила без запинки, с забавным итальянским акцентом. Впрочем, что бы Большаков понимал в итальянских акцентах? Английским он владел в совершенстве, немецким — со словарем, французским — с переводчиком…

Вечер оказался отнюдь не испорченным. Франческа льнула к нему, обвивалась, словно вьюнок вокруг дерева, сдавленно хихикала: что это мы тут такие возбужденные? И правильно, в ее

присутствии он должен быть только таким, а в прочие дни — великая депрессия… Блестела кожа в свете матовой лампы, капельки пота на груди. Оторваться невозможно, как ни стыди себя — ничего у вас, дескать, святого, товарищ полковник, посмотрело бы ваше начальство… Они лежали, обнявшись, болтали ни о чем. Франческа ахнула: вот же память дырявая, она так голодна! Подхватила халат, убежала на кухню, сверкая пятками. Георгий покурил, тоже отправился в путь. Франческа в халате колдовала у плиты. Потешно выругалась по-итальянски, затрясла обожженным пальчиком. Дымила турка на плите, источая соблазнительный аромат, что-то бурлило в кастрюле. Кофе в преддверии ночи — довольно странно, какие бы ароматы он там ни источал. Полезла пена из кастрюли. О, мама миа! О, батона мерда! Франческа бросилась запихивать обратно разбухающую пасту, и вспомнился рассказ Николая Носова, как два голодных пионера варили кашу. Но все закончилось благополучно. Франческа стремительно сервировала стол. Обязанностью Большакова стало лишь открыть бутылку.

— Много не будем, — сказала Франческа, разливая кофе в чашки, — потому что рано или поздно

нам придется спать. А вот утром я заварю тебе такую лаваццу, что ты за день все дела переделаешь.

— Позволь предположить — ты останешься на ночь? — Улыбка на лице Большакова расползалась от уха до уха.

— А я не сказала? — удивилась Франческа. — Странно, я не могла об этом не сказать. Впрочем, это следует из вышесказанного. Ты же никого не ждешь? Отлично. Утром я выкину тебя на пороге твоей редакции и поеду дальше. У меня масса дел, ты даже не представляешь, насколько я занята. Статью, где я разнесла махинации выборщиков в округе Колумбия, зарубили на корню. Это ожидалось, поэтому большого скандала я не устраивала. Хочу предложить эту статью газете «Вашингтон пост». Ты же знаешь, я не хочу работать в «Вашингтон таймс» — хочу работать в «Вашингтон пост»! Предыдущие мои попытки не увенчались успехом, у них своя мафия. Но как там говорят у вас в России… — Она прервала эмоционально насыщенный монолог и задумалась. — Нет, я отдаю должное вашей русской культуре, в частности вашим пословицам, поговоркам. Но эта фраза про лежачий камень, под который не затекает вода… Камень должен бегать и прыгать? Или он веками

лежит на одном месте? Вам там хорошо — сидите и ничего не делаете. А нам, чтобы заработать на кусок пиццы, нужно постоянно что-то делать…

Большаков смеялся, вставлял в этот поток короткие ремарки. Диалог Франческе не требовался — по крайней мере сегодня. Голос его знакомой звенел как колокольчик, менял октавы.

— Ну, что ты сидишь, как на премьере Джакомо Пуччини? — патетично воскликнула Франческа. — Уже разлил вино? Достал все соусы и специи? Ладно, сама сделаю, сиди, мечтай. — Она забралась в холодильник, стала выбрасывать все, что, по ее мнению, не входило в конфликт с пастой. Так не хотелось, чтобы заканчивался этот вечер. Георгий мыл посуду, Франческа щекотала ему подмышки, шутила, что моющий посуду мужчина — это сущий афродизиак! Они не спали до половины второго ночи, иногда выбирались из постели, блуждали по квартире. Франческа уснула, разметавшись по кровати. Георгий лежал рядом, смотрел на спящую женщину, пытался разобраться, что происходит у него в душе. Но разве можно это дело разложить по полочкам? Все, что он мог, — это отделять личные дела от общественно полезных. До сих пор удавалось. Но что дальше? Американская журналистка очень

нравилась полковнику военной разведки. И не скрывал, начальство было в курсе. Утаить такой факт было бы неправильно. Восторга начальство не выражало, но куда деваться? Дело молодое, людям надо жить. Больше всего на свете он боялся влюбиться, и, похоже, эти опасения имели почву. Франческа тоже привязалась к нему, ей было хорошо в обществе русского журналиста. И ее поначалу раздирали конфликты: почему русский? Откуда он взялся на ее голову?! Он же коммунист! А это вещи, с которыми не шутят… Но серьезных препятствий, по сути, не было. Она не замужем (сбегала по молодости, не понравилось), он не женат. Франческа искренне верила, что единственное его занятие в Америке — писать статьи в иллюстрированный журнал. Почему нет, ведь кто-то должен? Все не могут быть шпионами. Гениальная актриса, втайне работала на спецслужбы? Теоретически — могла, но Большаков не верил. Он считал себя неплохим психологом, давно раскрыл бы фальшь. Могла догадываться, кто он такой, но боялась спросить? Детский сад какой-то. Хотя и может быть. Но Франческа в первую очередь умная девушка и не хочет ничего знать (неблагодарное занятие — баловаться с ящиками Пандоры), он просто

нужен ей — именно такой, как сегодня. Журналистку проверяли — было бы странно, не сделай это советская резидентура. Синьора Морелли была именно той, за кого себя выдавала. И зачем спецслужбам подбрасывать Большакову своего человека? Он просто винтик в механизме, не имеющий большой ценности…

Глава вторая

12 апреля в 9 часов утра по московскому времени с космодрома «Байконур» стартовал космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Им оказался майор ВВС Юрий Алексеевич Гагарин, 27 лет, уроженец Смоленской области. Это был первый случай появления человека в открытом космосе! Событие стало полной неожиданностью — в том числе и для советских граждан. Предстоящее событие держалось в тайне, подробностей не знали даже многие специалисты, участвовавшие в проекте. Летчик облетел вокруг Земли за 108 минут со скоростью 2,7 тысячи километров в час, совершил благополучное приземление. Как только стало понятно, что полет удался, новость попала на ленты мировых информационных агентств. В Советском Союзе ее озвучил диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан. Это был полный триумф советской космонавтики! Страна ликовала, по всему Союзу прокатились праздничные митинги, собрания. Еще одно весомое доказательство преимуществ социалистического строя! Улыбка

простого деревенского парня озарила весь мир. Захлебывалась в восторге пресса дружественных стран. Остальному миру тоже надо было как-то реагировать. В числе первых это сделал президент Джон Кеннеди, выступив с обращением к нации. Он поздравил Советский Союз и выразил сожаление в связи с отставанием американской космонавтики от советской. «Нам понадобится время, чтобы догнать конкурентов, — сказал президент. — И, думаю, нас ожидают определенные неприятные моменты, прежде чем мы сможем улучшить эту ситуацию». В той же колее реагировали западные средства массовой информации. От восторга не захлебывались. Агентство ВВС грустно заметило, что Советский Союз обошел Америку в космической гонке. Плюс сухие технические характеристики полета. Плюс то, что советский лидер Никита Хрущев поздравил майора Гагарина, не выезжая из своей резиденции на берегу Черного моря. Газета «Нью-Йорк таймс» выпустила лаконичные строчки: «Советы отправили человека на орбиту и вернули обратно. Во время полета астронавт сообщил, что чувствует себя нормально». «Дейли уоркер» драматично сообщила: «Коммунист в космосе. Москва готовится встречать своего героя — космонавта Гагарина».

Менее ответственные издания задавались вопросом: а правда ли, что Гагарин побывал в космосе, или это большая мистификация кремлевских фантастов? Нездоровая ревность звучала чуть не в каждом сообщении: ну, слетал, подумаешь. Мы бы тоже могли слетать…

Настроение в пятницу 14 апреля было приподнятым. Выходные — они и в Америке выходные. В субботу обещала приехать Франческа — и остаться на ночь. «А утром в воскресенье долго вылеживать не будем, собираемся и идем в Национальную галерею — повышать твой культурный уровень». На последнее у полковника Большакова жалоб не было, но отказываться не стал. Национальную галерею он посещал уже дважды, но от просмотра мировых шедевров отвлекал служебный долг — в галерее назначались встречи. Закончив работу в редакции, он съездил на такси в посольство на 16-ю улицу, переговорил с резидентом Слуцким. Срочных дел пока не было. Парой часов ранее в редакцию звонил приятель-журналист Фрэнк Холлман, предлагал встретиться в баре «Чарлиз». Георгий не возражал — при условии, что не возникнут срочные дела. Почему бы не зайти? С Фрэнком не виделись больше месяца, машины сегодня нет

— можно и согрешить. Автомобили с шашечками пока бегают, довезут, куда прикажет…

В баре было многолюдно. Сюда захаживали местные госслужащие после работы, забегали сотрудники советского посольства, расположенного в соседнем квартале. Не раз замечались девушки сомнительного поведения, но вели они себя сдержанно, на коленки не просились. Если ФБР и следило за этим местечком, то достаточно тактично, не забывая, что их советские коллеги за этим местечком также наблюдают. Приветливо помахал рукой работник консульского отдела Черкасов — но навязываться не стал. Поглядывали без выражения незнакомые американцы. Бармен смотрел с таким видом, словно пиво здесь отпускалось только членам профсоюза. Но наполнил кружку густым элем, кисло улыбнулся. Георгий поблагодарил, отправился в дальний угол, где имелся свободный столик. Что-то подсказывало, что, окажись на месте Гагарина американский астронавт, бармен улыбался бы шире.

Георгий развернул свежий выпуск «Вашингтон пост», пригубил из кружки. Непонятно, почему Франческа рвалась работать в этой газете. С объективностью у этого издания тоже были се-

рьезные проблемы. На первой странице — Юрий Гагарин в скафандре на фоне опереточных серпа с молотом и жирного знака вопроса. Фрэнк Холлман появился минут через десять. Расплатился с таксистом, вошел в заведение, стал придирчиво озирать присутствующих. Он был высок, спортивно сложен, скуласт. Стричься предпочитал коротко и часто. С Фрэнком Холлманом Георгий познакомился еще в свою первую командировку в Вашингтон в 55-м году. Имелось у них обоих что-то общее — оба рослые, представительные, хорошо одевались. Оба серьезно относились к своему ремеслу и не имели привычки подставлять ближнего. Холлман любил пошутить — и Большаков от него не отставал. Георгий знал его жену — белокурую Шелли, двух дочерей. Девочки выросли, стали девушками, и Фрэнк страшно переживал, что недалек тот день, когда они станут женщинами и он никак не сможет на это повлиять. Фрэнк Холлман трудился в редакции «Дейли ньюз», дорос до редактора отдела международной политики. Со спецслужбами не сотрудничал, это ему и не требовалось — Фрэнк входил в президентский журналистский пул, а скрытая неприязнь Джона Кеннеди к спецслужбам была не такой уж скрытой. Если Фрэнк

кому-то и отчитывался, то только людям из администрации. О «второй» работе Большакова он, безусловно, знал, но в разговорах этой темы не касались. Странно, но их отношения были почти дружескими.

Фрэнк заулыбался, обнаружив в углу знакомую личность, стал петлять между столиками. Обменялись рукопожатием. Это был второй человек после Франчески на этом континенте, кого он был страшно рад видеть.

— Приветствую, дружище, вечность не виделись…

— Четыре недели, — поправил Большаков.

— Вот я и говорю. Ты бы совесть поимел — когда приедешь в гости? Шелли заждалась, и Кристина с Барбарой постоянно спрашивают: не уехал ли дядя Джордж в свою великую и ужасную Россию?

— Не дождетесь, — ухмыльнулся Большаков. — Надоем еще. Выпьешь?

— Обязательно. — Фрэнк знаком подозвал официанта и показал на кружку собеседника: такую же.

— Ну, что, приятель. — Фрэнк откашлялся. — Скажу тебе честно, как есть. Лично я бы предпочел, чтобы первыми в космос полетели

мы. Но что случилось, то случилось. Вы нас переплюнули, глупо отрицать. В связи с чем и прими поздравления, вы молодцы.

— Принимается, — кивнул Георгий.

— Но не расслабляйтесь. — Фрэнк погрозил пальцем. — Это было ваше последнее достижение в этой области. НАСА сделает работу над ошибками, получит необходимое финансирование, и на Луну мы полетим раньше вас.

— Хорошо, Фрэнк, я предупрежу наших чиновников в Звездном городке.

Засмеялись одновременно. Фрэнку принесли пиво, и он тут же сунул в него свой гордый «греко-римский» нос. Они могли говорить на любые темы, спорить до хрипоты: чей строй лучше, что такое справедливость, долго ли способно просуществовать советское государство. Георгий считал, что за социализмом будущее, а Запад пусть себе загнивает. Фрэнк при этом смеялся: «Но согласись, красиво загниваем». Холлман считал, что социализм — во всяком случае, его советская разновидность — явление противоестественное, нелогичное и может существовать только из-под палки. А главное, недолго. «Вы провозглашаете общественную собственность на средства производства. Но это не так, дружище. Собственность

у вас — ГОСУДАРСТВЕННАЯ. Кто хозяин? Кто печется и заботится об этих средствах? Государство — это никто и ничто. Скажем, макаронная фабрика. Все подсчитывается, делится поровну между работниками. Выпускаются акции, и у каждого — свой пакет. Хочешь — продавай, хочешь — держи у сердца и получай прибыль. Или наоборот, разоряйся. Это можно назвать общественной собственностью. Но у вас ведь не так? Вы категорически это не приемлете. Нет у вас, дружище Джордж, никакой общественной собственности на средства производства...»

До драки ни разу не ссорились, как-то расходились по углам ринга. Когда у Фрэнка заболела Барбара, Большаков разбился в лепешку, но добыл через посольство необходимый антибиотик. Купить его в аптеках Вашингтона оказалось невозможно. Когда у Большакова угнали машину в не самом благополучном районе, именно Фрэнк, используя свои рычаги, поднял на уши копов, и через день машина стояла у подъезда — с небольшой вмятиной на капоте.

Сегодня дискуссия не предвиделась. Фрэнк вдруг замолчал, не спеша тянул пиво и как-то изучающе разглядывал собеседника. Это было что-то новенькое. Полковник насторожился.

— Как дела в редакции? — издалека начал американский журналист.

— Нормально. Дела идут, контора пишет. Догадайся, о чем будет ближайший выпуск и кого изобразят на обложке.

— Ясное дело, — вздохнул Фрэнк. — Добивайте нас, чего уж там. Мнение высших государственных лиц интересует? Беседы, интервью и все такое? Вы же не избалованы подобными вещами?

— Можно, — согласился Большаков. — А нормальным языком можешь сказать? В чем проблема?

Холлман колебался. Только в эту минуту Георгий обнаружил, что приятель волнуется. Всячески скрывает этот факт, но он упрямо выползает. Фрэнк отпил из кружки, как-то подался вперед. Он въедливо смотрел в глаза собеседнику. Варианты возможных объяснений перекладывались в голове. Собирается завербовать? Даже не смешно. Фрэнк прекрасно знает своего приятеля — такие родину не продают. И с каких это пор он стал подрабатывать на спецслужбы? Заняться больше нечем? Наоборот — хочет сдать советской госбезопасности важную информацию? Тоже мимо. Фрэнк — патриот своей страны, как бы это

пафосно ни звучало.

— Как насчет прогуляться по некоторым адресам? — тихо сказал Холлман. — Пенсильвания-авеню, 960, Пенсильвания-авеню, 1600… Некоторые лица хотели бы с тобой поговорить, дружище. Насчет интервью я, конечно, загнул, извини. Насчет беседы — нет. Ты будешь на этой встрече не как журналист…

А как кто? Как полковник советской разведки? Третьего варианта не было. Что-то начинало происходить, и надо быть настороже. Фрэнк, конечно, друг, но… Что ему дороже? По первому адресу находилось Министерство юстиции, которое возглавлял Роберт Кеннеди (он же генеральный прокурор США) — родной брат Джона Кеннеди. Второй адрес — Белый дом, резиденция и постоянное место работы президента Америки…

— Ладно, говорю без обиняков, — решился Холлман. У приятеля активно работало боковое зрение, да и ушки были на макушке. — Не будем забегать вперед насчет Пенсильвания-авеню, 1600, но это, поверь, не фигура речи. Ты знаешь, где я работаю и куда вхож. С тобой хочет поговорить Роберт Кеннеди, министр юстиции Соединенных Штатов. Встреча секретная, закрытая, и что бы ты сейчас ни ответил, болтать об

этом не следует — у официальных лиц могут быть неприятности. Повторяю, это не связано с твоей журналистской деятельностью. С тобой просто хотят поговорить, возможно, предложить посреднические услуги. Контакт не разовый. Роберт Кеннеди попросил меня организовать эту встречу. Тебя выбрали из многих других кандидатур.

— Меня? — усмехнулся Большаков, — Вы там ничего не перепутали?

Даже в местном диплисте он занимал «почетное» 60-е место — то есть был фигурой ведомой, от которой ничего не зависело.

— Тебя, — подтвердил Холлман. — Ты соответствуешь всем заявленным критериям. Позволь не озвучивать соображения лиц, которых я сейчас представляю.

— Посреднические услуги? — пробормотал Георгий. — Я могу спросить — между кем и кем?

— Тебе все объяснят, Джордж, — уверил Холлман. — Согласен, предложение звучит немного необычно. Но ты получишь все необходимые объяснения. Можешь не волноваться, тебе не предложат предать страну. Это другое. Предстоящие контакты лишь пойдут на пользу нашим странам.

«Немного необычно»? Предложение звучало

чертовски необычно! Холлман справился с волнением, откинулся на спинку стула и отпил из кружки. Вроде как сделал полдела.

— Технические вопросы будут решаться отдельно, — добавил Фрэнк. — В этом нет ничего невозможного. В данный момент мне нужно твое принципиальное согласие.

Мысли метались в голове. Треплом Фрэнк точно не был. И явно не нес отсебятину. Что происходило? Ничего подобного ни в дипломатической практике, ни в вопросах разведки еще не возникало. Мир меняется? С какой, позвольте спросить, стати?

— Итак, Джордж? — Холлман начал выказывать признаки нетерпения. — Твой ответ?

— Ты, наверное, догадываешься, что я не могу принимать подобные решения, — отозвался Георгий. — Даже если хочется. Я должен… обсудить этот вопрос с коллегами, и только после этого примется решение.

— Так обсуди, — не стал ершиться Фрэнк. — С коллегами. Ты же понимаешь, насколько это важно?

— Пока нет. — Георгий пожал плечами. — Ты нагнал таинственности, и я в полном тумане. Обещаю проработать этот вопрос.

— Сегодня?

— Ты серьезно? — Большаков посмотрел на часы. — Вечер пятницы, хм…

— Джордж, это правда важно, — занервничал Холлман. — Вечер пятницы, потом долгие выходные, потом торжественные мероприятия по случаю вашего прорыва в космосе, будь он неладен… Вы же так любите торжественные мероприятия… Признайся, вы завалены подобными предложениями?

— Ладно, уговорил. — Георгий с сожалением покосился на недопитую кружку. Допивать, видимо, не стоило…

Заинтригованный, он вернулся в посольство — не такая уж дальняя дорога. Глава резидентуры Слуцкий Константин Васильевич еще не покинул рабочее место, просматривал сшитые бумаги, делал размашистые пометки на полях. Он имел крайне недовольный вид. Дверца сейфа за спиной была приоткрыта. Резидент был в годах, но полон сил и свою работу знал досконально. Покосился без одобрения на вернувшегося работника, потянул носом.

— Повествуй, Георгий Никитович. — Слуцкий закрыл папку. — Раз вернулся вечером в пятницу, да еще с этим… — Он выразительно поводил

по воздуху ладошкой. — Значит, имеешь что сказать.

Он слушал молча и по мере повествования становился каким-то каменным. Выслушал, не перебивая, воззрился въедливым взглядом.

— С каких это пор мы ведемся на провокации, Георгий?

— Я не уверен, что это провокация, Константин Васильевич.

— А что же еще? — Резидент не менял тональности. — Чистого рода провокация и ничего другого. Пусть даже твой Холлман не врет — объясни, о чем могут разговаривать Роберт Кеннеди и офицер военной разведки Советского Союза? Ты же не думаешь, что они не знают, кто ты такой? Избранный ты наш, — не удержался резидент от поддевки. — Кто тебе этот Холлман? Ладно, друг — что уже само по себе странно. Пусть он порядочный, нормальный и реально испытывает к тебе дружеские чувства. Но он здесь живет, у него семья, дети, работа, которой он дорожит. Встанет вопрос: ты или все перечисленное — что он выберет? То-то и оно. Пойми, Георгий, они сейчас уязвлены тем, что их сунули в дерьмо в связи с нашей космонавтикой. Они такого не ожидали. И провокации будут, уверяю тебя. То, что предлага-

ет твой дружок, — это нонсенс, такого никогда не было и никогда не будет. Тем более это выходит за рамки наших полномочий. Наше ведомство занимается другими делами — если забыл, то изучи свод инструкций и положений. Не приходит в голову, что собираются скомпрометировать не только нас, но и президента Кеннеди? Ты знаешь про его не очень дружеские отношения с ФБР, ЦРУ, а тем более с Пентагоном. Мы же не хотим, чтобы его подвергли импичменту, а взамен посадили какого-нибудь ястреба?

— Но случаются нестандартные ситуации, Константин Васильевич… Можете хотя бы доложить о случившемся руководству?

— Ну, разумеется, я доложу руководству. — Резидент раздраженно всплеснул руками. — И доложу не когда-нибудь, а сразу после твоего ухода. Руководство обязано знать о подобных провокациях. Пусть узнают, посмеются… Нашей стране, да и нам с тобой, не нужны ведь неприятности, Георгий? — Резидент пытливо изучал собеседника. — Я запрещаю давать согласие Холлману и выходить на контакт с кем-либо приближенным к администрации президента. Это приказ, все понятно?

— Я понял, Константин Васильевич. Ника-

ких несанкционированных контактов. Может быть, вы правы, ни к чему нам лишняя головная боль…

Из таксофона у посольства он позвонил Холлману. Журналист уже добрался до дома, наслаждался общением с родными. Фоном работал телевизор, звучали женские голоса.

— И снова добрый вечер, Фрэнк, — ровным голосом произнес Георгий. — К сожалению, коллеги отклонили идею нашей совместной статьи, посчитали ее неуместной и нарушающей правила. Лично я считаю, что идея была неплоха, но мнение коллектива, увы, закон. Возможно, когда-нибудь мы вернемся к рассмотрению данного вопроса.

— Я понял тебя, Джордж, — вздохнул Фрэнк. — Ну что ж, значит, не судьба, как говорят в вашей стране. Извини, дружище, что взбаламутил.

В начале девятого он прибыл в свою арендованную квартиру, слонялся в мрачном расположении духа, не мог избавиться от ощущения неких упущенных возможностей. Или прав товарищ Слуцкий и незачем прыгать выше головы? За окном темнело, навалилось оцепенение. В последние дни за ним не следили — Георгий постоянно проверялся. Потеряли интерес к его

скромной персоне? Порой и самому казалось, что он теряет к ней интерес… Остаток вечера полковник просидел у телевизора — репортеры и ведущие обмывали косточки Юрию Гагарину и всей советской космонавтике. Произошедшие в СССР события больно задели американское общество. Не проглядеть бы за этими событиями чего-то более важного…

Телефон поднял его в восемь утра. Глухо выражаясь, Георгий дошел до аппарата.

— Доброе утро, Георгий Никитович, — промурлыкал приятный женский голос. — Это Надежда Алексеевна из отдела печати. Прошу прощения, если разбудила. Не могли бы вы подъехать — скажем, через часок? У нас завал, репортеры обрывают провода, и все забыли, что сегодня выходной. Ожидается прием иностранных журналистов, и, боюсь, собственными силами нам не справиться…

Прием в посольстве действительно намечался, но Большакова это не касалось. Он принял убойную дозу «Лаваццы», оставшейся после набега Франчески, и отправился ловить такси. В посольстве было людно — в отличие от подвального этажа, куда он спустился через черный ход. Товарищ Слуцкий с задумчивым лицом вышагивал

по кабинету. Сейф был закрыт, а на столе наблюдался неестественный порядок.

— Передумали, Константин Васильевич? — на всякий случай спросил Георгий.

— Нет.

— Но вы хоть сообщили о нашем разговоре с Холлманом?

— Да. Реакция предсказуемая: ознакомились — посмеялись. Вызвал не за этим. Давай заниматься своим делом. Подтверждается информация от агента Мейси, которую ты предоставил неделю назад. События вокруг Кубы вызывают серьезную озабоченность. Президиум ЦК уже в курсе и держит ситуацию на контроле. Сегодня 15 апреля, есть риск, что со дня на день начнется вторжение. Допустить смены власти на Кубе мы не можем. Новое правительство будет проамериканским и никаким другим. Фидель и его команда в курсе благодаря нашим донесениям. Армия, флот и ВВС находятся в боевой готовности, самолеты на аэродромах замаскированы. Надеемся, что мятежа внутри страны Фидель не допустит. Основные ячейки оппозиции обезглавлены, наиболее опасные экземпляры сидят за решеткой. Но возможны отдельные проявления — беспорядки, саботаж, диверсии. Наши коллеги

из КГБ в этом плане продуктивно сотрудничают с кубинцами. Ситуация осложняется тем, что вооруженные силы республики… — Резидент сокрушенно вздохнул. — В общем, хреновая у Фиделя армия. С боевым духом все в порядке, а вот со всем остальным… Армия — это фактически отряды самообороны со стрелковым оружием. Истребителей мало, и все устаревшие модели. Про флот и говорить нечего — горстка ржавых катеров. Они до сих пор используют наши танки Т-34, представляешь? Но с горючим проблемы благодаря экономическому эмбарго. Танкерами много не навозишь. И мы решительно не знаем, в какой точке начнется вторжение. А территория острова, извини, не маленькая, по всему периметру заслоны не поставишь. Много сил приходится держать в Гаване, хотя и сомнительно, что атакуют Гавану. Не успели мы в военном плане подтянуть Фиделя. Но сам виноват, незачем было так долго заигрывать с американцами. Наших коллег из ГРУ на Кубе практически нет… — Резидент удрученно покачал головой. — Фидель, конечно, парень наш, но весьма самоуверен и любит выдавать желаемое за действительное. А теперь сам умоляет: спасите, помогите… В общем, принято решение направить туда наших людей.

В качестве консультантов по разведке, разумеется, а не для ведения боевых действий. Ты в курсе назревающих событий, Георгий, знаешь, как работает военная разведка янки, какие у них фишки и штуки. Жалко отрывать тебя от работы в Вашингтоне, но московские товарищи попросили. Так что не думай, что я хочу от тебя избавиться, ты еще не настолько надоел. — Слуцкий невесело усмехнулся. — Готовься, в общем, в «творческую» командировку. На Кубе поступаешь в распоряжение генерал-майора Шацкого — он поставит тебе задачу. В передряги не лезть — твоя голова нам еще пригодится. Займешься кабинетной работой в столичном офисе военной разведки. Помнишь, что сражения выигрываются не на поле боя, а в кабинетах? Срок командировки максимум две недели, да и то слишком жирно. Разберешься с ситуацией — и возвращайся в Вашингтон.

— Неожиданно, — признался Большаков. — Ваша правда, Константин Васильевич, почему не провести отпуск под пальмами? Куба ведь близко? Сколько тут лететь — часа полтора?

Резидент оценил шутку, даже улыбнулся.

— Это примерно как для жителя Томска лететь в Москву через Владивосток. За пару суток уложишься. Завтра рано утром вылетаешь в Москву.

В три часа ночи будь готов, за тобой пришлют машину. Не обольщайся, дальше аэродромного поля в Москве не уйдешь. Со стыковочным рейсом проблемы, придется подождать… Черт, как всегда опаздываем, — ругнулся Слуцкий. — Все надо делать вчера… Ладно, будем надеяться, что господа наемники и прочее отребье нас подождут. Твоя задача — получить полную ясность о том, что происходит и будет происходить на Кубе. В первую очередь нас волнуют закулисные силы — те, стоящие за этим отребьем. Насколько втянуты в это дело президент Кеннеди и его команда, кому из руководства ЦРУ и Пентагона он хотел бы противодействовать. Мы возлагаем на этого парня определенные надежды, почему бы не расчистить ему дорогу?

Франческа ворвалась в квартиру в восемь вечера, прыгнула на шею, осыпала поцелуями. Затем достала из рюкзачка какое-то странное устройство, запакованное в картон, — пухлый кривобокий сосуд, отдаленно смахивающий на кофейную турку, и странную трубку с ситечком и нагубником.

— Эксперименты продолжаются? — улыбнулся Большаков.

— Да, — кивнула Франческа. — Посудина — это

калебас, делается из тыквы, но можно и из дерева. Трубка — бомбилья, смотри не перепутай. Устройство нужно для употребления чая мате — это измельченные листья парагвайского ладуба. Страшноватое такое растение с острыми и колючими листьями. Чай — здесь, — она похлопала по рюкзачку.

— Отлично, — сказал Георгий. — Продолжаем знакомство с напитками народов мира. А без этих сложных технологий чай мате пить нельзя?

— Можно, — засмеялась Франческа. — Но чай мате, откровенно говоря, редкая гадость, его ценят лишь отдельные оригиналы в Южной Америке. Так что главное в его употреблении — церемония. И мы с тобой это сделаем. Но, конечно же, не сразу… — И она с еле скрываемым вожделением покосилась на дверь в спальню. — А пока мне надо принять душ, и будет очень мило, если ты составишь компанию.

Она почувствовала неладное, стала настороженно поводить глазами.

— Что-то не так, мой хороший?

— Все хорошо, — вздохнул Большаков. — Только в Москву вызывают. Объявлено расширенное заседание редколлегии, и я должен на нем присутствовать. Потом другие дела, связанные с

выпуском журнала. Уеду на неделю. Максимум на две…

— Вот черт… — Девушка сникла. — Целых две недели… Ты обещаешь, что вернешься? — Она устремила на него умоляющий взгляд.

— А как я могу не вернуться? — Георгий засмеялся. — Здесь моя работа, здесь ты. Это обычный рабочий момент. Допускаю, что он может затянуться.

— Ну ладно, ты обещал. — Франческа погрустнела. — Знаешь, нехорошо мне как-то стало… Может, я пойду? — Она потянулась к двери. — Тебе собираться надо.

— Нет уж. — Он решительно заслонил собой порог. — У нас еще семь часов — целая вечность. Идем в душ, затем завариваем твой отвратительный парагвайский чай. Потом придумаем, чем заняться. Оставайся на ночь, утром просто захлопнешь дверь…

Глава третья

Дальняя дорога оказалась не такой уж утомительной. В столицу мятежного островного государства прибыли 17 апреля в четыре часа пополудни. С московским рейсом дико повезло. Город застыл в тревожном ожидании. Замерли высотки в районе «Центро Хабана», построенные при диктаторе-кровопийце Батисте, классические достопримечательности района Хабана Веджа — Старая Гавана. Прилетели этим рейсом втроем: генерал-майор Шацкий — невысокий, малоразговорчивый, нелюдимый; некий полковник Гайдуков и Георгий. Еще одна группа спецов из ГРУ должна была прибыть следом. Из аэропорта домчали с ветерком — на трех «газиках», в почетном окружении молодых бойцов народной милиции. В городе было много патрулей, на перекрестках в центре стояли бронетранспортеры. Информация, собранная с мира по нитке, в том числе от Марии Добрянской, оказалась верна. Вторжение началось сегодня, сразу после полуночи! Транспорты, замаскированные под торговые суда, сменили курс и вышли к южному побере-

жью Кубы. Место десантирования выбрали грамотно — бухта Кочинос, другое название — залив Свиней. Район практически безлюдный, крупных поселений в округе нет. Гавана — далеко на западе, в 150 километрах. Скалы, красивые природные лагуны, пологие пляжи с неплохими выходами в глубину острова. Подошли четыре транспорта, встали на рейде. Работали две десантные баржи. Подойти к берегу не составляло труда. По настилу на песок съезжали бульдозеры для строительства взлетно-посадочных полос, легкие танки М-41 «Уокер Бульдог», производство которых в Америке прекратили в 49-м году; шла пехота, вооруженная до зубов стрелковым оружием. Основное место десантирования — Плайя-Хирон, «Голубой пляж» — здесь высаживались главные силы. В стороне, на Плайя-Ларга (Красном пляже) выгружались с баржи бронетранспортеры М-8, мускулистые коммандос стаскивали на берег легкие орудия полевой артиллерии. На Зеленый пляж (Плайя-Верде), находящийся изрядно в стороне, сбросили парашютный десант.

Десантники рассредоточивались по побережью, лихорадочно окапывались, прятали технику. Они могли и вовсе остаться незамеченными. На счастье, по прибрежной дороге проезжал

патруль народной милиции из пяти человек. От увиденного у молодых бойцов захватило дух. Внедорожник вынесся на обрыв, их заметили. В машине имелась рация, сигнал тревоги полетел в эфир. Бойцы посыпались из машины, залегли в камнях и храбро вступили в бой. Перестрелка длилась несколько минут. Ударили гранатометы, над побережьем воцарился адский грохот. Одного бойца убили, двое получили ранения. Быстро иссяк боекомплект. Один из уцелевших вытаскивал из зоны поражения пострадавших, другой отстреливался одиночными патронами. В дыму между камнями перебегали какие-то фигурки. Потрепанный патруль отступил — жертвовать жизнями за просто так не стали. Продолжалась высадка, десантники закреплялись. Через полчаса из ближайшего городка прибыл отряд народной милиции в количестве ста человек. Это было лучше, чем пятеро, но все равно капля в море. Ополченцы растянулись в цепь, открыли ураганный огонь из автоматов Калашникова. Имелись пулеметы и несколько ручных гранатометов. Десантники открыли ответный огонь, побережье покрылось частоколом взрывов. Бой продолжался несколько часов. Выгрузка продолжалась — но теперь в затрудненных условиях.

Десантники пошли в атаку, бойцы милиции отступали, отстреливаясь. Силы вторжения продолжали осваивать территорию, бульдозеры расчищали полосу для приема транспортных самолетов. Но из окрестных городов уже спешили наспех собранные подразделения, подходил кадровый пехотный батальон в количестве 900 человек…

Фиделю о случившемся доложили только в три часа пополудни. Разгневанный лидер выступил с радиообращением к нации. Призвал дать отпор гнусным агрессорам, обозвал десантников «гусанос» — «червяками», и это слово быстро подхватили, сделали нарицательным. В стране ввели военное положение, была объявлена всеобщая мобилизация. Из города Санта-Клара, расположенного в 120 километрах от места высадки, на выручку своим братьям выступили крупные силы. В бухте Свиней тем временем громыхало сражение. Под огнем высаживались десантники, сходила на берег боевая техника. Прибывшие подразделения кубинской армии с колес вступали в бой. Но недостатки планирования вторжения уже ощущались — запаздывала авиация. Чего не сказать о самолетах Фиделя — они постоянно мелькали в воздухе, наносили

удары. Массированной атаке подверглись неповоротливые транспорты, стоящие на рейде. На палубах гремели взрывы. Команды отстреливались из зенитных пулеметов, но пользы от этого не было. Летчикам удалось потопить два транспорта — «Хьюстон», перевозивший пехотный батальон, и «Рио-Эскондидо», трюмы которого были забиты боеприпасами и топливом. Пошли ко дну обе десантные баржи. В сражении намечался перелом, однако ситуация ухудшилась, когда на Плайя-Верде был сброшен парашютный десант — две сотни вооруженных до зубов головорезов…

В столичном районе Хубана Веджа было тихо, но напряжение витало в воздухе. На восьмом этаже многоэтажного здания раньше располагался офис американского банка, теперь работали специалисты из ГРУ. В офисе имелось радио, телевидение, в соседней комнате — телетайп, постоянно бегали курьеры. Сюда стекалась информация из зоны боевых действий, поступали сводки о положении в стране, о действиях оппозиции. Информация была сумбурная, скомканная, зачастую непроверенная. Полковник Гайдуков на ломаном испанском общался с растерянным офицером кубинской армии — тот путался в

«показаниях», пытался что-то изобразить на карте. Ворчал вечно недовольный генерал-майор Шацкий: ему нужно знать реальное положение вещей, а не дежурные отписки о том, как героические бойцы народной армии громят захватчиков с именем Фиделя на устах! Ситуация складывалась противоречивая. Но перелом на поле боя все же произошел. Штурмовики кубинских ВВС перепахивали позиции, где пытался закрепиться агрессор. Наступление вглубь острова не развивалось, плацдарм оставался тем же. Противоборствующие стороны яростно схлестнулись на узкой полоске суши. Бомбардировщики B-26, поднятые с авиабазы в Никарагуа, бомбили кубинские позиции на побережье, но большого успеха не достигли. Два самолета кубинцы сбили. Уцелевшие транспорты ушли в открытое море, чтобы не соблазнять кубинских летчиков…

Ночь на жесткой кушетке прошла неспокойно. Георгий бродил от окна к окну, много курил. Поспал несколько часов, снова шатался по офису. В отдаленных кварталах кубинская оппозиция что-то взрывала, трещали автоматные очереди. Но развития эти действия не получали, все обрывалось. Всенародного восстания, на которое рассчитывали заговорщики, не случилось. А от-

дельные всплески безжалостно давили. Рассвет полковник встретил у окна. Открывался панорамный вид. На севере, за щербатой бетонной набережной голубело ласковое море, колыхались пальмовые метелки. Справа в набережную вливался проспект Прадо. На другой стороне — скопление многоэтажек — бывшие штаб-квартиры американских корпораций, офисы финансовых организаций. Еще дальше — Старая Гавана: памятники архитектуры, культурное наследие испанских колонизаторов — дворец Альбана, старинная табачная фабрика «Партагас»…

18 апреля сложная ситуация пошла на поправку. Плацдарм не расширялся. В зону боевых действий прибывали части и подразделения кубинской армии. Прибыли два артиллерийских дивизиона, танковый батальон, имеющий на вооружении танки Т-34-85. На вражеские позиции обрушились сотни снарядов. Враг ожесточенно сопротивлялся, но кубинская армия двинулась вперед. Десантников выбили из Плайя-Ларга. Площадь плацдарма стала ощутимо меньше. Но враг не сдавался, контрас пытались контратаковать — и на отдельных позициях потеснили правительственные силы. На наспех оформлен-

ной полосе приземлился транспортный самолет С-46, выгрузил боеприпасы, забрал раненых. С авианосца «Эссекс», стоящего на безопасном удалении, поднялись два штурмовика с закрашенными опознавательными знаками, совершили облет зоны боевых действий. Огонь не открывали — видимо, своим присутствием хотели подбодрить затосковавших «гусанос». Но тем от этой картинки было ни холодно ни жарко.

— Нет уж, довольно, — проворчал генерал Шацкий, отбрасывая бестолковую сводку. — Мы должны быть там, где разворачиваются события. Нужны пленные, желательно американцы. Большинство из них либо работает в ЦРУ, либо заключили с ним контракт. От этих чертовых кубинских эмигрантов пользы не будет. Гайдуков, распорядись насчет вертолета и сопровождения.

— Уверены, Геннадий Петрович? — Гайдуков сглотнул. — Нет, я не то чтобы против побегать под рулями, но для вас этот риск…

— К черту риск, — отмахнулся генерал. — Мы должны все видеть своими глазами, иначе не получим полной картины. Какого тогда черта мы здесь делаем? Георгий Никитович, — повернулся он к Большакову, — вы не мой подчиненный, не могу вам приказывать. Решайте сами. Но уверяю

вас, сидя в Гаване, мы ничего не узнаем. Местные чиновники имеют свойство все приукрашивать и не замечать изъяны.

Большаков не возражал. Спорный постулат, что больше видится на расстоянии. Кубинские товарищи выглядели озадаченными и обеспокоенными: с них же снимут три шкуры, если с голов советских гостей слетит хоть один волосок! Гайдуков украдкой ухмылялся: мы здесь хозяева, а не гости. Переговоры чуть не вылились в скандал, но в итоге было получено требуемое. Вертолет «Ми-6» шел на приличной высоте — над кварталами кубинской столицы, над полями, засаженными сахарным тростником. Гудели турбинные двигатели. Винтовая машина перевозила около дюжины пассажиров и какие-то оцинкованные контейнеры. Сразу вспоминался популярный советский слоган: «Водитель, возьми попутный груз!» Вертолет бросало в воздушные ямы, закладывало уши от рева турбин. Ощущения были так себе, хотелось посочувствовать пилотам, летающим каждый день. Сомнительно, что эти машины подвергают какому-то ремонту. Неприятно поскрипывала выданная новенькая униформа — однотонная, с отложным воротом, без каких-либо знаков раз-

личий. Бойцы кубинской армии поглядывали с любопытством на советских братьев — в основном молодые, парочка европеоидов, остальные — характерные латинос. Развалился и позевывал мулат с жесткими кучерявыми волосами. Поглядывала с интересом и строила глазки темноволосая миловидная девушка — такой же боец, как и остальные. Кажется, ее звали Селена.

Полет продолжался минут сорок, затем пилот резко пошел на посадку. Садились на центральную площадь небольшого малоэтажного городка. Из кабины доносилась яростная перепалка — пилот по рации крыл кого-то испанским матом. Заволновался Шацкий, отправился, хватаясь за кронштейны, в кабину. Проснулся полковник Гайдуков, обвел пространство мутным взором. Вертолет совершил посадку, слава богу, мягкую. Но все равно тряхнуло. Засмеялась Селена — боевой товарищ сообщил ей что-то смешное. Создавалось ощущение, что эти люди ничего не боятся. Вернулся генерал Шацкий, изрядно раздосадованный, прокричал:

— Дальше не полетим, запрещено, опасная зона! Пилот, видите ли, не хочет отправляться в тюрьму за нарушение инструкции! Высаживаемся, товарищи, дальше поедем на машинах!

Командовал своими людьми капрал Педро Бальтазар. Солдаты выпрыгивали на брусчатку, хватались за шапки, чтобы их не унесло ветром. Ловко спрыгнула Селена, забросила на плечо армейский рюкзак. Вращение винта затихало плавно, приходилось удерживать все, что могло оторваться. На площадь въехал открытый «Виллис-Оверленд» — такие внедорожники американцы собирали в 50-е годы, — они сменили старые добрые «Виллисы» времен Второй мировой войны. С подножки спрыгнул подтянутый мужчина в защитном облачении, небрежно отдал честь генералу.

— Здравия желаю, Геннадий Петрович. Нам сообщили, что вы здесь. Мы тоже направляемся в залив Свиней — поедем вместе.

— Ну, слава богу, — проворчал Шацкий. — Хоть какое-то знакомое лицо. Познакомьтесь, Георгий Никитович, подполковник Пронин Олег Петрович. Прибыл на Кубу два месяца назад с секретной миссией. Можно сказать, вник в реалии местной жизни. Но безобразие в заливе Свиней его ребята все же проворонили.

— Специализируемся на выявлении оппозиционно настроенных элементов, — объяснил Пронин, с любопытством смерив взглядом незна-

комую фигуру, пожал протянутую руку. — А уж военные операции — при всем уважении, Геннадий Петрович, — ваша прерогатива… Со мной четверо, товарищ генерал, и вас человек двенадцать. Сейчас подойдут еще машины.

Подошли советские «газики» — тех же 50-х годов. Большаков поймал себя на мысли, что советским автопроизводителям не помешает изучить опыт конкурентов. Американские авто смотрелись элегантнее. Колонна выехала из городка в юго-восточном направлении. Асфальтовая дорога сменилась щебеночной, пошла тряска. Приходилось держаться за стальные дуги, переброшенные через кузов. Дорога тянулась по сельской местности. Мелькали перелески с причудливыми тропическими деревьями, проплывали скальные массивы. Небо на востоке прочертили две точки — самолеты. Поди пойми, чьи и куда направляются. Прямо по курсу доносился гул — такое ощущение, что шла гроза. В головной машине тряслись военнослужащие, что-то принимал по рации усатый Педро Бальтазар. Следом ехали Шацкий и Гайдуков в компании военных. Далее — опять военнослужащие, за ними «Виллис», в котором находился Большаков. Олег Пронин сидел рядом с водителем, крутил

ручку настройки приемника. Прокричал:

— Они уже не наступают, кубинцы их теснят! Два эсминца ВВС США пытались подойти к бухте, но по ним открыли огонь, и они ушли в море! Но обстановка сложная! Приближаемся к району Ла-Вейда, куда был сброшен десант! Здесь надо проявлять максимум осторожности!

Позднее Большаков анализировал свои ощущения. Страха не было. А если и был, то не такой, чтобы не выполнять свою работу. Рисковать приходилось — причем на всех этапах жизни. Мужская работа не была в диковинку. В 41-м году ему исполнилось 19 лет. Как все, пришел в военкомат. Но судьба распорядилась иначе. Слишком хорошо учился в школе! Отправили доучиваться. Окончил курсы военных переводчиков при Московском институте иностранных языков и был отправлен в штаб стрелкового полка. Бывало всякое, и за автомат хватался. И горел, и тонул, и выносил на себе раненого начштаба — практически центнер живого веса. В 42-м году, в 20 лет, стал помощником начальника разведки штаба стрелковой дивизии, ходил на боевые задания, по душам общался с пленными. Вторая половина войны не задалась — был отозван на обучение в Высшую разведывательную школу Генштаба, где

и обучался до конца войны. Помнил, как было неловко перед ребятами, возвращающимися с фронта. Особенно перед теми, кто не вернулся. Но кто-то должен и этим заниматься. Высшую школу сменила Военно-дипломатическая академия. Четыре года работал в Нью-Йорке и Вашингтоне под прикрытием корреспондента ТАСС — с 1952 по 1955 год. Дальше — служба офицером по особым поручениям у министра обороны Жукова, оттуда перевелся в центральный аппарат ГРУ…

Дальше дорога змеилась морем — ощущался йодистый запах. От воды проезжую часть отгораживали скопления валунов, скалы. Приближалась канонада. Напрягся подполковник Пронин, покосился через плечо на коллегу. Дорога вдруг резко ушла в сторону, головная машина свернула, водитель затормозил, стал выкручивать баранку на примыкающую грунтовку. Привстал с сиденья капрал Бальтазар, вертел головой, затем опустился обратно, развернул карту. Заблудились, товарищи?

Вспыхнула стрельба! Как-то поздновато дошло, что стреляют по ним, со стороны моря! Словно в фильме про войну оказались, нереально все… Пуля провыла над головой, вторая ударила в стальную дугу для крепления тента. Георгий

отпрянул. Да бомбилью же твою с калебасой! Развернулся головной джип с пробитым колесом, заблокировал проезд остальным машинам. В колонне воцарился переполох. По ним стреляли, как минимум, из нескольких стволов. Ударил ручной гранатомет, но стрелок был неважнецкий, взрыв прогремел метрах в пятнадцати от головного «газика» — в салоне все равно никого не осталось. Колонна встала. Бойцы народной армии вели ответный огонь. Двое скорчились за обшивкой в машинах, остальные скатывались в левый кювет — он был относительно глубок. Пальба не смолкала. Георгий выкатился через дверцу, пригнулся и прыгнул в канаву. Здесь было относительно безопасно. Стреноженная колонна ощетинилась огнем. Стреляли наобум — вряд ли в этом хаосе можно было прицелиться. Ответная стрельба становилась неровной. Георгий высунулся. Машины разбросало по дороге. Огонь вели от берега, с расстояния около восьмидесяти метров. За дорогой — голое глинистое пространство, местность неровная, с буграми, впадинами, изрытая канавами. У моря — цепочка невысоких скал, нагромождения булыжников. Среди камней мелькали фигурки в камуфляже, вел огонь пулеметчик из расщелины. Не бы-

ло времени размышлять, откуда здесь взялся неприятель. В нескольких шагах припал к откосу подполковник Пронин, стрелял из «ТТ», закусив губу. Глаза сверкали, лицо перекосилось. Он был чумазый как черт — в глине обвалялся. В двух шагах лежал мертвый боец кубинской армии. Кажется, при жизни он отвлекался на имя Санчес… Еще одно тело свесилось с искореженного борта. Ругался, привалившись к откосу, Пронин, рвал заклинивший затвор. Бойцы рассыпались вдоль канавы, стреляли, высовываясь из укрытий. Скорчился за колесом капрал Бальтазар, покрикивал на подчиненных. Держался за ухо и досадливо морщился полковник Гайдуков, кровь текла по пальцам. Генерала Шацкого два бойца выволокли из машины, пытались затащить в канаву с обрывистыми краями. Геннадий Петрович не терял самообладания, вырывался, крыл бойцов густым матом. Но те невозмутимо выполняли инструкции. Вздрагивала, закатывая глаза, Селена. Товарищи спустили ее в канаву, положили на спину. В животе чернело страшное отверстие — достал осколок разорвавшейся гранаты. Кровь текла ручьем. Товарищи затыкали рану бинтами, пытались наложить примитивную перевязку. Но это было бесполезно. Губы девушки что-то

шептали, пальцы скребли сухую глину. Выл и теребил боевую подругу склонившийся над Селеной молодой кубинец. Ком вырос в горле, Георгий отвернулся…

Противник практически перестал стрелять. Военные тоже истратили боезапас. Молчал пулеметчик — подстрелили мерзавца. Слева, на востоке, внезапно разгорелся бой. Плотно работали автоматы Калашникова — именно они состояли на вооружении правительственных войск. Рванула граната в скалах. Похоже, опомнились бойцы, выбившие врага из Плайя-Ларга, устремились за прорвавшейся группой. Перебегали фигурки в однотонной униформе. Уцелевшие контрас стали пятиться, просачивались между камнями. Выжили несколько человек, и отступать они могли только вдоль моря. Все происходило быстро. Спрыгнул с кряжистой скалы наемник в пятнистом облачении, ахнул от боли в подвернутой ноге. Это были еще цветочки — пуля в спине доставила куда больше ощущений. Он катался по каменной плите, выл, обливаясь кровью. Еще одному не повезло, рухнул, как подломленный, покатился по наклонной. В зоне видимости объявились двое с европейскими лицами. Они бежали, пригнувшись — рюкзаки за спинами,

разгрузочные жилеты, штурмовые американские винтовки М-14. Они проследовали друг за дружкой, пропали в скалах. Впрочем, один высунулся, когда сзади образовался шум. Выскочил солдат кубинской армии, вскинул одноразовый ручной гранатомет. Убегающий среагировал, произвел одиночный выстрел. Гранатометчик рухнул на колени, выпустив из рук свою трубу. Она покатилась в расщелину. Боец повалился лицом вниз, замер. Выбежали еще двое с «калашниковыми». Наемник снова не растерялся, бросил гранату по навесной траектории. Боеприпас оказался не слабый — явно оборонительного характера. Рвануло мощно, открытое пространство заволокло дымом. Кричали пораженные осколками солдаты. Оторвался кусок скалы, рухнул в узкий проход, заблокировав дорогу участникам погони. Мелькнул злорадный оскал наемника, и почему-то запомнилось это лицо — широкое, скуластое, недоброе. Из колонны среагировали — открыли огонь, у кого еще оставались патроны. Но этот тип даже ухом не повел, развернулся и побежал догонять напарника…

Что за дурь ударила в голову — дело темное. Эти двое не были кубинцами, действовали профессионально. Из всей своры выжили только они.

Явно не простые. И эта парочка имеет все шансы уйти безнаказанными! Какая-то сила потянула полковника из укрытия. Он уже не замечал, что происходит вокруг. С удивлением обнаружил канаву за дорогой — она извилисто тянулась к скалам, забирала вправо. Что-то хрипел в спину подполковник Пронин. Георгий подхватил за цевье автомат застреленного бойца, перебежал проезжую часть, спрыгнул в канаву. Оступился, извозился в глине, но решимости не утратил — побежал, согнувшись…

Он преодолел открытое пространство — только затылок мелькал над канавой. Выбрался, схватившись за клык скалы, протиснулся в расщелину. Дышалось неважно, пришлось напрячься, чтобы одолеть эту щель. Мелкие камни выскакивали из-под ног, автомат постоянно норовил упасть. Он опустился на корточки, пролез под низко висящей «фигурной» скалой, передернул затвор. В последний раз стрелял еще из «ППШ» — как же давно это было! Но ничего, смысл тот же, разберется. Дальше двигался тем же гусиным шагом. Пространство расширилось, в нескольких шагах плескалось море, волна облизывала камни, теснящиеся у воды. Плоские булыжники формировали площадку. Времени на передышку уже

не оставалось. Из каменных лабиринтов, тяжело отдуваясь, выбрались двое. Большаков опередил их на полминуты! Погони не было — видимо, кубинцы заблудились в скалах. У беглецов имелась фора. Рухнул на колени жилистый мужчина — светловолосый, сравнительно молодой. Он дышал с хриплым надрывом. Второй недовольно заворчал — он не собирался здесь задерживаться. Именно он застрелил гранатометчика и нашпиговал его товарищей осколками. Субъект сделал ухо по ветру, прислушался. Из-за скал доносились крики.

— Быстрее, Билли, некогда сидеть… — хрипло произнес кряжистый наемник. — Оставляем все здесь, берем только оружие. Мы уйдем, не волнуйся, в соседней лагуне дожидается лодка…

Он положил автомат под ноги, стал стаскивать с себя рюкзак, жилет. Второй, пошатываясь, поднялся, стал делать то же самое.

— На месте, замерли. — Георгий с поднятым стволом выступил из-за скалы.

Кряжистый тип с досадой сплюнул. Поднять свою винтовку он бы не успел. У второго затравленно забегали глаза, перекосилось в целом человеческое лицо. Он начал поднимать руки… и вдруг рухнул на колени, схватил свою ско-

рострельную винтовку! Большаков произвел очередь — опередил на секунду. Выбора не было, сам виноват. Пули прошили грудь, выбили фонтанчики крови. Лицо блондина сделалось каким-то жалобным, он повалился навзничь, разбросав конечности.

Второй не успел поднять винтовку — только собрался это сделать, как обнаружил ствол «АК», смотрящий в голову.

— Не глупите, мистер, — сухо сказал Большаков. — Вы же не хотите отправиться в ад за своим товарищем?

Похоже, блондин был больше, чем товарищ. Субъект смертельно побледнел. Он плевать хотел на то, что говорил человек с автоматом. Угрюмо смотрел на соратника, словно не верил своим глазам. А тот был мертвее некуда. Распахнутые глаза таращились в небо. Американец опустился на корточки, положил руку на окровавленную грудь блондина. Затем медленно повернул голову. У него был хищный взгляд — проникающий такой, колючий. Он смотрел исподлобья, не моргая. Стало не по себе. Куда все подевались? Где подполковник Пронин, где бравые солдаты кубинской армии?! Он словно в вакуум погружался. Американец начал медленно подниматься. Пра-

вая рука пошла к сердцу — словно собрался что-то вытащить из нагрудного кармана. И вдруг резко выбросила нож! Вот же факир — в рукаве держал! Большаков среагировал — подозревал что-то подобное, отшатнулся в сторону. Лезвие чиркнуло по скале, рукоятка ножа ударила в плечо. Американец со звериным рыком бросился на него! Сплоховал полковник — ствол отклонился, не успел выстрелить. Противник мощным ударом выбил автомат из рук, ударил тяжелым кулаком под дых. Дыхание перехватило, искры брызнули из глаз. Противник хищно оскалился, его небритая физиономия была совсем рядом. Большаков ударил головой в переносицу! Видимо, многое вложил. Брызнула кровь из рассеченной кожи, американец отшатнулся. Ударили практически одновременно: Большаков в челюсть, соперник — в грудь. Сдавило грудную клетку — такое ощущение, что молотом навернули. Но и сам не оплошал — прямой в челюсть сбил врага с ног, тот покатился по камням к воде. Застряла нога между острыми булыжниками, он извивался, пытался освободиться. Выдалась минутка перевести дыхание и пересилить болевые ощущения. Когда американец поднялся, автомат был уже в руках. Большаков стоял, привалившись к скале. Злоба

теснилась в глазах врага. Он медленно двинулся на Большакова. Тот ударил короткой очередью. Пули прошли над головой.

— Следующие будут в ногу, приятель, — попытался он урезонить врага. — Уверен, что этого хочешь? Ищешь смерти? Даже не надейся, попадешь к кубинцам живой. Встань на колени и заведи руки за голову.

Противник остановился. Он пожирал глазами русского офицера и, кажется, понимал, с кем свела судьба. Уж больно разительно этот человек отличался от островитян. Он колебался, покосился через плечо на море. Большаков прекрасно понимал его чувства. Прощай, свобода, любимая работа…

Он бы наверняка еще что-то выкинул, но из узкой расщелины выдавился подполковник Пронин с пистолетом, за ним еще двое разъяренных солдат. Помирать американцу расхотелось, он опустился на колени, завел руки за голову. Кубинцы налетели, как коршуны, один ударил прикладом в ухо, другой не пожалел костяшек пальцев, чтобы подправить вторую скулу. Пленника повалили носом на камни, стали вязать руки за спиной.

— Развлекаетесь, товарищ полковник? — об-

легченно вздохнул Пронин, пряча пистолет в кобуру. — Какого, позвольте поинтересоваться, черта? Вы не боевой офицер. Размяться потянуло? Нет, я страшно рад, что с вами все в порядке и еще одним гавриком в копилке прибыло…

— Не выделывайся, Олег Петрович, — поморщился Большаков. — Что сделано, то сделано. Лучше расскажи, почему так долго шли.

— Не долго. — Пронин немного смутился. — И не шли, а бежали. Заплутали, правда, когда из канавы вылезли, — не в ту расщелину подались. Но ты же не в обиде, Георгий Никитович? Вон как поработал. — Пронин уставился на пленника. Его толкали в спину, он уходил, прихрамывая, весь какой-то искривленный, дышащий злобой.

— Не в обиде, Олег Петрович. — Улыбка плохо удавалась. — Отвлекся от рутины, провел разминку, все в порядке, не бери в голову…

К концу дня 18 апреля у сил вторжения остался только небольшой клочок суши на Плайя-Хирон. С остальных участков прибрежной зоны их выдавили. Контрас зарывались в землю, яростно сопротивлялись. Позиции врага бомбила авиация. Американские самолеты больше не появлялись. Уцелевшие транспорты, ушедшие в море, не возвращались. Еще один С-46

совершил посадку на плацдарме, чтобы забрать раненых. Но взлететь не смог — авиабомба разнесла фрагмент взлетно-посадочной полосы. Вновь пытались подойти два эсминца ВМС США — предположительно забрать оконфузившийся десант, но авиация Фиделя их отогнала. За два дня противостояния вооруженные силы Кубы уничтожили 13 самолетов противника (большинство из них пилотировали летчики ВВС США), сами не потеряли ни одной машины. Агрессор лишился множества танков М-41, броневиков М-8. Кубинцы же потеряли лишь одну машину Т-34. Тяжелые бои унесли примерно одинаковое количество жизней с обеих сторон — по сотне с лишним бойцов. Но количество пленных «гусанос» впечатляло — только единицам удалось бежать. К утру 19 апреля боевые действия прекратились. Контрас десятками и сотнями сдавались в плен. Самых упорных отлавливали в скалах, тех, кто не желал сдаваться, уничтожали.

Ночь Георгий провел в палатке. Где-то вдалеке постреливали. Перекликались часовые, лаяли собаки. К утру из бухты доносились взрывы, но, когда взошло солнце, на поле битвы все стихло. Авантюра эмигрантов и их хозяев провалилась. Над бухтой Свиней зависло облако пороховой

гари. У берега виднелись остатки изувеченных десантных барж. Местность буквально перепахали авиабомбы. Тела погибших уже убрали, чернели остовы разбитых орудий, сгоревших танков. В бухте хозяйничали правительственные силы. Пленным выделили участок побережья, они сидели кучками под охраной автоматчиков. Тягачи и тяжелые грузовики буксировали в глубь побережья подбитую технику. Уцелевшие контейнеры с оружием и боеприпасами извлекали из наспех вырытых ям, транспортировали с мерами предосторожности. Под навесом собрались штабные офицеры. Генерал Шацкий остро дискутировал с усатыми военачальниками. Переводчик временами впадал в замешательство, гадал, как перевести фразу. Посмеивался полковник Гайдуков, морщился от боли в простреленном ухе. Перевязать отдельно пострадавший орган медики не смогли, пришлось бинтовать всю голову. Из кучки военных выбрался подполковник Пронин, подошел, стрельнул сигарету.

— Вот спасибо, Георгий Никитович, за нормальное американское курево… Ты курил их «Партагас»? Вот и не пробуй никогда. Ощущения будут острее тех, которыми тебя наградил мистер Шон Майлз.

— Шон Майлз… — Большаков наморщил лоб. — Я правильно понимаю…

— Правильно, — кивнул Пронин, с наслаждением затягиваясь. — Твой крестник, так сказать. И достаточно крепкий орешек. Он не наемник, не сочувствующий. Действующий сотрудник ЦРУ, 42 года, место проживания — город Вашингтон. Насколько уверяет, не женат. Ты ведь именно об этом подумал, когда бросился за этими парнями? Их было трое, действовали в составе группы контрас. Задание — выйти за пределы захваченного плацдарма, собрать информацию о действиях правительственных войск и по возможности захватить высокопоставленного кубинского военного. Устроил бы и русский специалист — ГРУ, КГБ… Один погиб, когда пошли в отступление. Второй… Ты, кстати, прикончил его лучшего друга. Билл Крайтон, женат на сестре Майлза, вместе работали в ЦРУ, и его смерть произвела на Шона неизгладимое впечатление. Теперь ты для него — первый враг. Но можешь не беспокоиться, за решеткой у Фиделя не разгуляешься. Могут и прикончить в камере — учитывая, какое количество кубинских солдат он перебил своими руками.

— Крайтон сам напросился, — пожал плечами Георгий. — Не схватись за автомат — остался

бы жив. Как-то не было времени выверять, куда стрелять, чтобы не насмерть.

— Да все понятно, — отмахнулся Пронин. — На допросе был подавлен, отделывался скупыми фразами. Поначалу решительно не хотел говорить, но местные спецслужбы за два года все же кое-что наработали… в общем, разговорили человека. Но без особых откровений. Кстати, его группу инструктировал лично Аллен Даллес — директор ЦРУ. Если хочешь, можешь еще раз с ним пообщаться.

— Именно это я и сделаю, — кивнул Георгий.

Они шли мимо огороженной зоны, где временно держали пленных «гусанос». Людей было много, только в этом секторе скопилось сотни полторы. Молодые в основном парни, но были люди и постарше. Оборванные, многие с синяками, кровоподтеками. Лица в массе латиноамериканские — метисы, мулаты, встречались и представители европейской расы. Люди жались друг к другу, угрюмо косились на охрану. Камуфляжные рубашки, такие же штаны — грязные, оборванные, — двое суток этим бедолагам пришлось зарываться в землю, чтобы не оторвало голову. Кто-то с обнаженным торсом, другие в грязных футболках, теннисках.

— А этот зачем сюда приехал? За туманом? — не сдержался Большаков, увидев мускулистого негра — черного как сажа. Парень отвернулся, не выдержав взгляд.

— За деньгами, мой друг, за деньгами, — наставительно произнес Пронин. И засмеялся. — А за туманом едут только дураки.

Допрос «особо интересных» персон, предположительно связанных с ЦРУ или Пентагоном, проводился в ближайшей деревушке с названием Альда-Вербе. Большаков присутствовал как статист, вел запись в блокнот. Допрос вели представители кубинской госбезопасности с каменными и весьма убедительными лицами. Каждому задержанному тонко намекали, что за посягательство на конституционный строй полагается самая суровая кара. И только сотрудничество с органами может ее смягчить. Сменялись фигуры — нервные, подавленные, спокойные — хотя и только внешне. Пропадать на чужбине никому не хотелось. Дома ждали семьи, опять же любимая работа на благо мирового империализма. В основном выкладывали правду: штатные сотрудники Директората специальных операций ЦРУ, разведки Министерства обороны. Многие участвовали в подготовке операции

вторжения — каждый на своем участке. Связь с «пятой колонной», диверсии на объектах инфраструктуры, подрыв аэродромов, покушение на представителей власти. Одни выкладывали все по доброй воле, из других приходилось вытягивать клещами. Рисовалась полная картина планов заговорщиков. Фамилии и должности высокопоставленных чиновников ЦРУ и оборонного ведомства, замешанных в этом деле; точные места, откуда направлялась техника и личный состав; фамилии и координаты оппозиционеров, еще не арестованных военной контрразведкой революционных Вооруженных сил. Особый интерес вызывало планируемое покушение на Фиделя Кастро — по мере раскрутки фигурантов всплывали интересные факты и фамилии.

Если всплывали интересные вещи, просили повторить показания — при этом включалась кинокамера или запускалась магнитная лента. В числе прочих на допросе отметился Шон Майлз. Он сидел осунувшийся, с ввалившимися глазами, совершенно спокойный и невозмутимый. Отвечал на вопросы представителей контрразведки без спешки, обдумывал каждое слово. Иногда поворачивал голову и впивался недобрым взглядом в присутствующего Большакова. Этот взгляд

был посильнее любых угроз. Но Большаков не реагировал, сидел с отсутствующим лицом, писал в блокноте. При этом ловил себя на мысли, что ничего существенного Майлз не говорит. Дежурные фразы, адреса и фамилии, которые трудно проверить. Он не отрицал, что работает в ЦРУ, называл своих коллег, имена которых и так бы узнали. Описывал свое задание: выйти с группой за пределы удерживаемой территории, связаться с сотрудником кубинской контрразведки — внедренным американским агентом — в местечке Сан-Долорес. Получить у него координаты целей для ударов бомбардировщиками: склады с советским вооружением, парочка узлов связи, подстанция, питающая зарытый в землю запасной командный пункт. «Внедренный агент» скончался четыре дня назад — банальный сердечный приступ. Это установили достоверно. Майлз морщился: он об этом не знал, информация запоздала. Пленный явно лукавил, предоставлял информацию на случай провала с целью затянуть время. Это было ясно как дважды два, но звучало в целом правдоподобно.

— Что кубинцы собираются делать с этой братией? — спросил он у Пронина во время перекура.

— Без понятия, Георгий, — пожал плечами

коллега. — Варианты могут всплыть самые интересные. Но расстреливать их не будут — ни церэушников, ни рядовых «гусанос». Фиделю лишняя кровь не нужна, а вот проявить великодушие и даровать поганцам жизнь — ход сильный. Развезут по тюрьмам, будут сидеть. На свободу, конечно, не отпустят. Могут год просидеть, два, три — насколько это будет выгодно Фиделю. Американцев потрясут, разложат всю историю по полочкам: кто затеял, кто подготовил и осуществил. Госдеп, конечно, будет брыкаться, что все устроили эмигранты, а Америка, как всегда, белая и пушистая. Но представь, какая документалистика разойдется по земному шару — теперь они точно не отвертятся…

Глава четвертая

Пронин был прав, события в заливе получили мощный резонанс. О трехдневном противостоянии на Кубе сообщали все мировые СМИ — отрицать очевидное было невозможно. Попытка насильственного свержения власти, грубое вмешательство в дела суверенного государства! Вопрос, законен ли сам Фидель, пришедший к власти в результате аналогичного переворота, вызывал мощный отпор: Фидель пользовался всенародной поддержкой, скинул узурпатора, пособника американского империализма! Документальных свидетельств было предостаточно. Мир заволновался, прокатились демонстрации по всему земному шару: в Рио-де-Жанейро, Каире, Джакарте. Митингующие громили витрины, переворачивали машины, забрасывали камнями американские посольства. На заседании ООН представители 40 стран осудили агрессию США против Кубы. Правительство СССР выразило решительный протест действиям США, призвало принять меры к прекращению посягательств на Кубу. В Вашингтоне чиновники чувствовали

себя неуютно. Президент Джон Кеннеди уволил с поста директора ЦРУ Аллена Даллеса, не справившегося с задачей. Госдеп не отрицал, но и не подтверждал участие Америки в подготовке мятежа, отделывался дежурными фразами о поддержке всех свободолюбивых сил.

Большаков вернулся в Вашингтон спустя неделю после событий на Кубе. Где он проводил время, знал только резидент Слуцкий. Коллеги по редакции засыпали вопросами: как там Москва? Приходилось выкручиваться. Столица нашей родины стояла незыблемо. Он видел ее дважды — не покидая аэродромного поля. Над Москвой плыли свинцовые тучи, моросил дождь. Франческа, когда он ей позвонил, прыгала от радости, вечером примчалась, повалила в постель и исцеловала вдоль и поперек. Потом призналась, что плохие предчувствия — странная штука. То сбываются, то нет. «А не надо себя накручивать, — смеялся Большаков. — Все в порядке, дорогая. Совещание в издательстве прошло продуктивно, работаем дальше — с учетом меняющейся международной обстановки». Она не понимала половину произносимых им слов, но не брала в голову — они не имели отношения к ее чувствам.

Поступали данные: в Пентагоне, в недрах ЦРУ

проходит «разбор полетов» — что пошло не так, кто виноват и что делать? Причин было множество: недочеты планирования, плохое взаимодействие между сухопутными силами, авиацией и флотом, недостаточная мотивация личного состава. Об избытке мотивации у кубинских солдат речь даже не шла. Президент Кеннеди призывал провести доскональную работу над ошибками — и чтобы в следующий раз такого не повторилось. Информация подтверждалась: вторжением в залив Свиней американцы не ограничатся. Свободолюбивая Куба у самого «подбрюшья» — явление неприемлемое.

Жизнь входила в ритм, страсти по Кубе улеглись. История с полетом Гагарина тоже тускнела. В НАСА и правительстве сделали правильные выводы, начиналась кропотливая работа по ускорению развития космической отрасли. Пару раз на горизонте мелькал приятель Фрэнк Холлман, но дальше бесед по телефону не шло. Спрашивал о работе в журнале, сетовал на кромешную занятость. Надо бы как-то встретиться, посидеть в баре за стаканчиком виски, но пока некогда. Странное предложение журналиста осталось в памяти, вызывало вопросы, но данную тему Фрэнк не поднимал. В разговорах вел себя сдер-

жанно. Обиделся? Вроде не на что, не ребенок, должен понимать, как все работает. 9 мая вся прогрессивная часть человечества отмечала День Победы в Великой Отечественной войне. Для советских людей это был священный праздник. В посольстве проходили торжественные мероприятия, принимались делегации. Георгий весь день просидел в редакции журнала. Отметить праздник ударным трудом — тоже правильно. Раскалился телефон, звонили соотечественники, звонили иностранцы, поздравляли. К концу рабочего дня позвонил Фрэнк Холлман, спросил, есть ли планы на остаток дня. Планы имелись — связанные с делами сердечными, но, к сожалению, только после девяти вечера. Георгий замялся, и Фрэнк сделал верные выводы.

— Все в порядке, дружище, спаивать не буду, но посидеть в отличном ресторане мы обязаны. Знаю, какой сегодня день, и мы должны его отметить. Чинно, торжественно, с малым количеством алкоголя. Согласись, наша страна тоже внесла свою лепту в события 16-летней давности. Не такую, конечно, как вы, мы и не претендуем. Но признайся, сколько бы вы еще провозились с Гитлером, не высадись мы в Нормандии?

Американцы (по крайней мере, дружащие с

головой) понимали, что их вклад в Победу весьма скромен. Но Фрэнк был где-то прав — и жертв бы было больше, и страна бы сломалась от невероятного напряжения.

— Молчишь? — констатировал Холлман. — Вот и отлично. Через часок подскочу, никуда не убегай. Думаю, возьмем такси. Не вскроют мой «Бьюик» у вашей редакции? — Фрэнк засмеялся. — Шучу, завтра его заберу. В Джорджтауне есть достаточно милый ресторан, там и посидим.

— Хорошо, — проворчал Георгий. — Надеюсь, это не в Гайане?

Шутка Фрэнку понравилась, он хохотнул. Уверил, что в Южную Америку лететь не придется. С одинаковыми названиями порой возникали проблемы. Путали Грузию со штатом Джорджия, город Вашингтон — с одноименным штатом. И если речь шла о столице государства, то добавляли «Ди Си» — округ Колумбия. Да и с Колумбией все было непросто. Фрэнк приехал ровно через час, ждал у входа — весь подтянутый, торжественный, в строгом деловом костюме. Придирчиво обозрел приятеля, удовлетворенно кивнул.

— Доволен? — спросил Георгий. — Соответствую высокой кухне?

— Вполне, — кивнул Холлман. — Ты не пове-

ришь, но это действительно приличное место.

Он был немного загадочный, и во всем происходящем чувствовался некий подвох. Но Большаков не придал значения. Поймать такси труда не составило. Исторический район Джорджтаун находился на северо-востоке американской столицы, протянулся вдоль Потомака. Здесь концентрировались торговые точки — от мелких лавочек до гигантских торговых центров; досыта кормили — и в пафосных ресторанах, и в «народных» забегаловках. Ресторан «Клайдз оф Джорджтаун», к которому доставил водитель, был одним из знаковых местечек района.

— Уверен, что нам хватит моей зарплаты? — с сомнением произнес Георгий. — Хочешь меня испугать или что?

— Ничего не бойся. Есть еще моя зарплата, — напомнил Фрэнк. — Не волнуйся, приятель. Как говорят у вас в России, не так страшен черт.

И даже за порогом тревога не ударила в набат. Но некие странности подмечались. Официант любезно подвел к столику. Георгий перелистывал меню. Заведение предлагало популярные блюда на гриле, итальянскую пасту, разнообразие морепродуктов, а также их производных — например, гигантский крабовый пирог. Жареные морские

гребешки, улитки, устрицы. Из нормальной еды — мясные рулеты, пастушьи пироги, свинину, жаренную на медленном огне. Цифры напротив каждого блюда поражали воображение.

— Фрэнк, ты издеваешься? — проворчал Георгий. — Из всего этого благолепия я могу себе позволить лишь маринованную свеклу. Зачем мы здесь, Фрэнк?

И только сейчас он обнаружил, что приятель меньше всего похож на «Фрэнка обыкновенного». Журналист как-то подобрался, смотрел пристально. Потом глянул на часы, выдохнул.

— Прости, дружище. — Голос Фрэнка ломался, как у подростка. — Это была уловка. Другого способа просто не оставалось. Надеюсь, простишь… может, не сразу. Слева от тебя в глубине зала — проход. Там другие помещения, принадлежащие ресторану. По коридору влево — малый зал, в нем проводятся закрытые мероприятия, приватные вечеринки. Посторонних туда не пускают. Пройти в эти помещения можно с черного хода. Сегодняшняя вечеринка — конфиденциальная, о ней знают лишь несколько человек. Умоляю, Джордж, — Холлман сменил тональность, — поговори с Робертом Кеннеди. В упомянутом зале — он и его помощник. Думаю, прибыли

минут пять назад… — Фрэнк опять вскинул руку с часами, — специально по твою душу. Это не провокация, это попытка наладить неофициальную связь. В обход Пентагона, ФБР, в обход ваших партийных и государственных органов. Нам нужен диалог, понимаешь? Неформальный, доверительный. Официальные встречи ничего не дают, мы просто не понимаем друг друга — не будешь спорить?

Сердце провалилось в пятки, какое-то предательское малодушие…

— Фрэнк, ты в своем уме? — зашипел Большаков. — Снова за старое? Ведь ясно было сказано… Ты подставляешь меня, понимаешь? Я не могу нарушать инструкции. За такие проделки полечу с работы — и это еще в лучшем случае. Ты же умный человек, Фрэнк…

— Ты тоже. — Журналист натужно улыбнулся. — Должен понимать, какие перспективы откроет этот канал — если заработает. Ну, прости, — повторил Фрэнк, — поступил непорядочно, поставил тебя перед свершившимся фактом. Но ты можешь все изменить — если откажешься от встречи. Просто встанешь и уйдешь. Никто не будет стрелять тебе в спину. Ну подумаешь, сгоняли в ресторан министра юстиции США, попутно

брата президента. Роберт переживет, не такая уж обида. Но ты подумай. Я сейчас встану и уйду — я всего лишь посредник, мне на этой вечеринке места нет. А ты сиди и думай, как решишь, так и будет. Но помни о конфиденциальности — не вздумай болтать.

— Чушь какая-то. — Большаков скрипнул зубами. — О какой конфиденциальности ты говоришь? За мной могли следить. Ваши спецслужбы часто так развлекаются…

— Могли, — перебил Фрэнк, — но не следили. В противном случае мы бы не сидели в этом зале. Роберт Кеннеди, знаешь ли, не последний человек в стране. Ну, бывай, приятель. До новых, как говорится, встреч.

Фрэнк поднялся и покинул зал. Удивленно глянул официант, но воздержался от комментария.

Полковник не шевелился. В душе протекало сражение. Несколько раз он порывался встать и оправиться за Фрэнком, но сидел, перекатывал в голове его слова. Нарушение прямого приказа — это преступление. И за него предусмотрена уголовная статья. Но Фрэнк был тысячу раз прав, перспективы открывались невиданные! И такого точно в истории международных отношений не было! Но он не мог согласиться на встречу.

Отказаться тоже не мог. Сообщить резиденту? Подождите, господин генеральный прокурор, я только позвоню нашему старшему по разведке…

Реакция резидента была вполне предсказуема. Георгий поднялся и направился к дальней двери. Покосилась дама за столиком, одетая в изящное платье. Интересно, будь он одет в арестантскую робу, тоже бы покосилась? Георгий вошел в коридор, повернул налево. Напрягся человек в костюме, смерил его профессиональным оком — и не стал препятствовать, освободил проход. Оставалась еще возможность отыграть обратно — просто развернуться и уйти. Но, увы, не воспользовался, постучал и вошел внутрь.

Помещение не отличалось кубатурой. Но главное, чтобы уютно и приватно. Шелковые шторы, мягкая мебель, стулья с витыми ножками. За продолговатым столиком сидели двое мужчин, вполголоса переговаривались. Дружно замолчали, повернули головы. «Заставляешь ждать генерального прокурора США», — шевельнулось в голове. Странно, он был спокоен, как тибетский монах. Улеглись страсти, все встало на свои места. Это действительно был Роберт Кеннеди, младший брат действующего президента, он же министр юстиции и генеральный прокурор.

Рослый, хорошо одетый, успешный американец. Роберту было 37 лет — еще молодой, на два года младше своего брата. Семья Кеннеди добивалась больших успехов в политике, пробилась на самый верх — и в этом не было ничего удивительного. Второго присутствующего Георгий не знал. Невысокий, какой-то щуплый, с волнистыми волосами. Он сидел на торце столика — явно занимая подчиненное положение. Но пользовался доверием, раз присутствовал…

Они словно не удивились. Бог знает, о чем им наплел Фрэнк… Роберт Кеннеди сверкнул белозубой улыбкой — так знакомой по телерепортажам и фото в газетах, приподнялся, протянул руку. Он был само радушие.

— Здравствуйте, мистер Большаков, рады, что вы нашли для нас время. Присаживайтесь, прошу вас. Надеюсь, представляться не надо?

— Добрый день, господин генеральный прокурор, — учтиво сказал Большаков, ответив на рукопожатие. — Рад с вами лично познакомиться.

— Зовите меня Робертом, ни к чему нам эти условности. — Кеннеди не стирал с лица улыбки. Улыбаться ему шло — как и всему его семейству. — А я вас буду звать Джорджи, договори-

лись? Это Филипп Левинсон, мой помощник и хороший друг. В его присутствии можете говорить свободно.

Помощник тоже привстал, учтиво кивнул, пожали руки. Этот человек явно не был охотником поболтать. У него было умное лицо, внимательные глаза. Большаков сидел напротив, старался избавиться от неловкости. Они действительно не удивились. Фрэнк, похоже, изрядно рисковал, заверяя Кеннеди, что Большаков согласен на встречу. Роберт смотрел доброжелательно, с небольшим прищуром. Это ничего не значило, но все же располагало к беседе.

— Надеюсь, у вас не будет неприятностей, Джорджи? — спросил Роберт.

— Я тоже на это надеюсь, — отозвался Большаков. Ответ зачелся, собеседник продолжал улыбаться.

— Хотите что-нибудь поесть, выпить? Прошу вас, не стесняйтесь, Джорджи. В этом заведении неплохая кухня, и персонал не заставляет часами ждать.

На столе лежали папки с бумагами, стояли чашки с недопитым кофе. Эти двое явно пришли не поесть.

— Спасибо, Роберт, есть не хочу. Но от чашки

американо не откажусь.

Кеннеди что-то нажал сбоку на столешнице. Вошел субъект в костюме с невозмутимым лицом, выслушал пожелание и испарился. Человек работал в охране Кеннеди, доступ в помещение сотрудников ресторана ограничили. Зверский голод, еще недавно сжиравший изнутри, куда-то испарился. Кофе принесли почти сразу — вот бы поучиться работникам советского общепита! Напиток был густой, с пряными нотками, зря Франческа катила бочку на американский кофе.

— У вас сегодня праздник, Джорджи, — напомнил Роберт. — Примите поздравления. Мы знаем, насколько это важный день для вашей страны.

Американец явно подготовился.

— Спасибо, Роберт, — кивнул Георгий, добавив про себя: «Обязательно передам нашему народу». Интересно, они знают, что он был на Кубе? — мелькнула занятная мысль. По-хорошему, не должны. Старина Майлз за решеткой. Могли сопроводить до самолета на Москву, также встретить в аэропорту — прибывшего из Москвы. Но могли и знать — он больше недели мозолил глаза кубинцам. Видимо, это не важно — раз он здесь.

— Понимаю, у вас накопились вопросы, Джорджи, — мягко начал Кеннеди, — Обязательно на

них ответим. Вы редактор журнала «Советский Союз», который мы, кстати, часто просматриваем и читаем отдельные статьи… Особенно Фил. — Он хитро глянул на помощника. Тот кивком подтвердил слова шефа. — Вы также являетесь действующим офицером советской военной разведки, но поверьте, нас это не смущает. Вы не дипломат, и это хорошо, дипломатия в нашем случае не требуется. Я действую по поручению своего брата Джона, при этом одобряю и поддерживаю его инициативу. Мы предлагаем установить неофициальный канал связи между высшими лицами наших стран — моим братом и премьером Хрущевым.

Роберт отпил из чашки, не сводя взгляда с собеседника.

— Обоснуй, Фил, — он глянул на помощника.

— Да, Роберт. — Левинсон подобрался. — Давайте называть вещи своими именами — в отношениях между нашими странами присутствует напряженность. Мы этого не хотим. Мы хотим жить в мире с другими государствами, особенно с вашим. 16 лет назад мы были союзниками, вместе усмиряли нацистскую Германию, и сейчас нам незачем враждовать. Главная причина натянутости отношений — отсутствие диалога. Мы

не понимаем друг друга. Вы не понимаете нашу позицию, мы не понимаем вашу. Неправильно толкуем наши намерения и действия. Каждый из нас гнет свою линию. Что мешает выслушать, понять, прийти к компромиссу?

— Полностью согласен, Фил, — сказал Большаков. — Главная наша задача — преодоление непонимания. Нужно живое общение, совместный поиск решений. Целиком поддерживаю ваши намерения, но… вы же понимаете, что подобные вопросы решаю не я?

— О, отлично понимаем, — воскликнул Роберт. — Но мы верим, что вы сможете убедить свое руководство встать на путь диалога. Повторяю, нам всем важен этот закрытый канал связи между главами наших государств. Всевозможные саммиты, визиты, встречи на полях ООН — это хорошо, но мало. Эти встречи заорганизованны, на них присутствует много людей, и не всегда можно сказать то, что думаешь. Да и время поджимает — протоколы, временные рамки, вы понимаете… Убедите свое руководство, Джорджи, пусть поймет, что это хорошая идея. Одно из преимуществ подобного формата общения — быстрота. Ведь ваша связь в посольстве… ну, вы понимаете. Связаться же с нами гораздо проще,

чем вы думаете. Данный вопрос обсудим. Второе преимущество — неформальность. Мы можем говорить откровенно, не боясь, что люди из нашего окружения сделают неправильные выводы…

Большаков любезно улыбался, делал пометки в голове. Беседа носила доброжелательный характер, никто не повышал голос. Самое странное, что он был полностью согласен с этими людьми. Секретный канал — это что-то новаторское и, безусловно, полезное. Прямая аналогия с космической фантастикой: зачем лететь годами от галактики к галактике, если можно нырнуть в подпространство и вынырнуть, где нужно? У президента Кеннеди явно были проблемы. И с врагами все в порядке — в том же конгрессе, Пентагоне, в разведывательном сообществе. Он утрачивал позиции — особенно после провала в заливе Свиней. Что ему даст улучшение отношений с Советским Союзом? Генералы не поймут, назовут предателем. Хотя кто говорит об улучшении отношений? Речь идет о сглаживании углов, об урегулировании взрывоопасных ситуаций…

Беседа продолжалась. Стороны производили друг на друга приятное впечатление. Роберт явно ожидал худшего. До сих пор почитали русских за каких-то дикарей? Перед Кеннеди сидел вос-

питанный и образованный человек с хорошими манерами, приятный собеседник — с чувством юмора и умением слушать. Роберт упомянул про встречу «премьера Хрущева» и Джона Кеннеди в Вене, до которой оставалось три недели. У президента большие надежды на эту встречу, хотелось бы добиться взаимопонимания. Ухудшается ситуация в Берлине — и это должно стать главной темой для обсуждения. Никиту Сергеевича он упорно величал «премьером Хрущевым». Тот занимал не только пост Первого секретаря ЦК, попутно возглавлял Совет министров. Первый титул в СССР был важнее второго, но американцы это традиционно игнорировали. Большаков согласился, что встреча в Австрии должна носить прорывной характер. Роберт запоздало поздравил Советский Союз с победой в области космонавтики, просил передать личные поздравления президента Хрущеву. Георгий любезно пообещал все передать, выразил надежду, что очень скоро и Соединенные Штаты добьются успехов в освоении космического пространства. Роберт озвучил намерение президента на встрече в Вене не только обменяться мнениями по острым в опросам, но и достичь некоторых соглашений по конкретным проблемам. Например, запрещение

ядерных испытаний. Большаков согласился: это было бы неплохо. На вопрос, не желает ли Роберт обсудить недавние события на Кубе, собеседник поморщился: нет, он пока не готов обсуждать данный вопрос и вообще это «мертвая тема». Что он имел в виду, осталось загадкой. Время текло, за окном начинало смеркаться. Роберт посмотрел на часы, удивленно покачал головой — надо же, увлеклись.

— Прошу нас простить, Джорджи, — мы отняли такую уйму вашего времени. Выражу надежду, что эта встреча не последняя.

— Очень хотелось бы на это надеяться, Роберт. Лично я — за продолжение контактов. Это открывает большие возможности для наших стран.

— Рад, что вы это понимаете. — Роберт лучезарно улыбался. — Передавайте привет от моего брата премьеру Хрущеву — и самые искренние пожелания. Хочу предупредить, Джорджи, данная встреча и последующие… если, конечно, ваш премьер выразит желание продолжить контакты — строго конфиденциальны. О них будут знать лишь несколько человек из окружения Джона и вашего покорного слуги. Плюс охрана — которая по определению малоразговорчива. Информация о данных контактах не должна уйти за этот круг.

— Я все понимаю, Роберт.

— Хорошо. Пока мы будем связываться с вами через Фрэнка Холлмана. ФБР не прослушивает его телефон — специалисты проверили. Появится что сообщить — звоните Фрэнку. Но открытым текстом важные сведения лучше не сообщать. Это можно сделать иносказательно, верно? А в дальнейшем решим, как будет осуществляться наша связь. Всего вам доброго, было очень приятно пообщаться.

— Большаков, ты охренел?! — Резидент Слуцкий не стеснялся в выражениях. — Что ты себе позволяешь?! Кто тебя уполномочил на эту встречу?! Кто ты вообще такой?! Понимаешь, дурья твоя голова, что ты сейчас поставил крест на своей карьере, а также на моей?!

Резидент бушевал, источал громы и молнии, метался по кабинету, как волк по клетке, — и все никак не мог успокоиться. Ведь русским языком было сказано — никаких подковерных контактов! Так повелела Москва, и не нам подвергать ревизии ее решения! Большаков стоял перед начальством, как провинившийся школьник, и тоскливо думал о последствиях. Глупо оправдываться и объяснять, что хотел как лучше. Из ресторана в Джорджтауне он вышел на каком-

то автомате, плохо представляя, что это было. Холлман исчез, стал бы он ждать три часа! Бросился к ближайшему такси, в машине закурил с разрешения водителя, жадно высосал сигарету, затем еще одну. Напротив посольства заскочил в «народную забегаловку», резонно рассудив, что сытно кормят даже приговоренных к смерти, жадно поглощал какие-то гамбургеры, чизбургеры. Снова покурил на лавочке, надышался перед смертью и пошел сдаваться.

— Ну, и к чему пришли высокие договаривающиеся стороны? — язвил Слуцкий. Он уже накричался, теперь лучился ядовитым сарказмом. — Порешали судьбы мира? Все утрясли, урегулировали? Знаешь, Большаков, не ожидал. Нет, от тебя всего можно ожидать — взять, к примеру, твое поведение на Кубе. Но Куба — это ладно, там ты вредил только себе. Но здесь, знаешь ли… Понимаешь, что нарушил прямой приказ и поставил нас всех в дурацкое положение, первопроходчик ты хренов…

— Все понимаю, Константин Васильевич, — сокрушенно вздыхал Георгий. — В свое оправдание могу лишь сказать, что меня поставили перед фактом. Но это не обеляет, вы правы, возможность отказаться от встречи была… Константин

Васильевич, — не выдержал он, — неужели вы не понимаете, какие возможности это перед нами открывает?

— Отчего же, прекрасно понимаю, — съязвил резидент. — Для тебя, например, небо в клеточку. Для меня — бессрочная командировка в Сомали с запретом покидать Африку. Ты кто — дипломат с большой буквы? У тебя своя работа, ты не можешь судить о неких возможностях… Все, уйди с моих глаз, Большаков, — отмахнулся Слуцкий. — Запрись в своей квартире в посольстве, никуда не выходи и жди решения своей участи. Обещаю, решение будет, мягко говоря, не в твою пользу. В посольстве, — повторил Слуцкий. — А не в той квартире, которую тебе снимает наша контора. Считай это началом своего тюремного срока.

Он спал как убитый — поздно переживать и раскаиваться. Люди с суровыми лицами пока не приходили. Он действительно превысил свои полномочия, вышел за рамки. Это было странно, полковник Большаков авантюрным складом ума не обладал. Предпочитал взвешенные решения. Он спал до обеда, поел в столовой, перекинулся парой слов со знакомыми посольскими работниками. Люди поглядывали на него с удивлением — обычно Большаков в посольстве не задер-

живался. Слонялся без дела по саду, без меры курил. Затем уединился в своем жилище, сидел, нахохлившись, наблюдал, как небо за окном покрывается серостью. Жалко — вчера не позвонил Франческе, и сегодня она, должно быть, обрывает телефон… Вздрогнул — зазвонил аппарат. Квартиру в посольстве выделили телефонизированную — на всякие экстренные случаи.

— Явись, — мрачно изрек резидент.

Большаков явился на Голгофу через считаные минуты. Что такое разведчику собраться? Слуцкий сидел за столом и с каким-то недобрым интересом поглядывал на подчиненного.

— Полтора часа назад в Москве закончилось внеочередное заседание Президиума ЦК, — както издалека начал резидент. — Его собрали по единственному вопросу — по твоему вопросу, Георгий. Это, кстати, единственный на моей памяти случай, когда Президиум собирался по конкретной персоне. Центральный Комитет партии и лично Никита Сергеевич приняли решение продолжить неофициальные контакты с американской стороной.

Резидент сделал паузу, подождал, пока дойдет. Доходило, как до жирафа.

— Понятно, — кивнул Слуцкий. — Не слышны

в саду даже шорохи. Повторять не буду. Тема остро заинтересовала Никиту Сергеевича, и он считает ее перспективной. Можешь продолжать свидания с Робертом Кеннеди, но о каждой беседе должен составлять подробный отчет, который ляжет на стол Никите Сергеевичу. Он будет присылать инструкции: как себя вести и о чем говорить. Никакой отсебятины, Большаков, уяснил? Вся информация, особенно горячая, должна передаваться оперативно.

Резидент сделал паузу. Большаков молчал. Рубашка прилипла к спине.

— Ну ты и жук, Большаков, — покачал головой резидент и отвернулся — чтобы, не дай бог, не заметил улыбку. — Не мытьем, так катаньем добился своего. Все, иди, какой от тебя прок, ты все равно язык проглотил…

Глава пятая

Позднее он часто задавался вопросом: зачем братьям Кеннеди понадобился этот неформальный канал связи? Дорогу в советское посольство забыли? Не использовались никогда такие вещи. Хотя при чем тут посольство? Быстрота, надежность передачи данных, невозможность подбросить дезинформацию — если ворон не ловить. Кеннеди, загнанный в капкан своими внутренними врагами, искал выход и проявлял политическую дальновидность? Понимал, что скоро СССР и его страна столкнутся с серьезными вызовами и надо будет из этого выбираться, не теряя лица? И почему именно он? Этот вопрос больше всего не давал покоя. Что нашли в нем люди из окружения Кеннеди, явно перебравшие не один десяток кандидатур? «В тюрьму ты не попал, — посмеивался Константин Васильевич Слуцкий. — Но представляешь, какой обрел геморрой на свое, а заодно и на мое заднее место?» Большаков отшучивался: мол, спасение планеты того стоит.

Внешне в жизни ничего не менялось. Работа

в редакции на 11-й улице — при этом работать приходилось по-настоящему, продвигать политику партии и правительства в американские массы. От прочих обязанностей в резидентуре его освободили — отнюдь не по причине хронической занятости разведчика (таковой как раз не было). Причина проста: повышенная активность вызывает повышенное внимание, а этого старались избежать. Поведение Большакова, начиная с середины мая, интереса у ФБР не вызывало. «Хвосты» периодически появлялись и пропадали. Общение с Холлманом вопросов не вызывало — пусть Фрэнк и был близок к Белому дому. Выпивали в баре, болтали на отвлеченные темы — и любой желающий мог послушать. 10 мая, когда из Москвы пришло высокое «добро», он позвонил по таксофону Фрэнку, сообщил, что московское руководство журнала собирается повысить его до редактора, дать дополнительные полномочия и некоторую свободу действий. Фрэнк не отличался тугодумием, быстро смекнул, что к чему. «Отличное известие, дружище, — обрадовался он. — Не ожидал, что руководство твоего журнала пойдет на такой мудрый шаг. Это дело надо отметить… как там у вас говорят? Самоотверженным ударным трудом? Нет, шучу, отметим

в баре. Кстати, если требуется передача опыта, то расценки у меня умеренные…» Не сказать что они наклюкались, но выпили хорошо. Фрэнк хватался за голову: что будет с ним утром? Большаков посмеивался: если выпил хорошо, значит, утром плохо; если утром хорошо, значит, выпил плохо. «Ладно, — бормотал Фрэнк и глупо при этом улыбался. — Пока еще трезвые. Я сообщил последние новости Роберту через его помощника Фила. Роберт… хм, глубоко удовлетворен, если не сказать, что весьма доволен». Фрэнк на публику заразительно смеялся: «Парень, ты не представляешь, какую грандиозную штуку мы провернули и какие возможности для мира это открывает… Но я, как мавр: сделал свое дело и удаляюсь. Дальше тебя поведут другие. Запомни номер. — Он продиктовал несколько цифр. — Это телефон Фила Левинсона. Пока будете действовать через него, потом решите вопрос связи. Никто не должен знать. Высшие должностные лица не в теме — ни госсекретарь Дин Раск, ни вице-президент Линдон Джонсон. Про руководство ФБР, ЦРУ, обитателей Капитолийского холма и говорить нечего. В курсе лишь доверенные лица — это пресс-секретарь президента Пьер Сэлинджер, которому JFK полностью доверяет, и

помощник пресс-секретаря Марк Ромеро. Запомни эти фамилии…»

Он вызвал такси хорошо набравшемуся приятелю, посадил, отправил с богом. Поймал другое — при этом явно преувеличивал тяжесть своего состояния: спотыкался, обнимал фонарные столбы. Что-то подсказывало, что это убавит интерес «сторонних» организаций. Отчасти оказался прав: агенты ФБР теряли к нему интерес. Франческа приходила трижды в неделю, жаловалась на произвол редакторов, на загруженность неинтересной работой. Иногда оставалась на ночь — что Большаков всячески приветствовал. Прикипел он к этой девушке, с нетерпением ждал встреч, искренне огорчался, когда она не могла прийти. Ждал, когда она вернется из недельной командировки в Детройт. «Это ужас, — вещала Франческа по прибытии с широко раскрытыми глазами. — Это не город, а кладбище американской мечты! Предприятия закрываются, в городе грязь, беспорядок, криминал цветет махровым цветом, а полиция бездействует. Я каждую ночь тряслась в гостинице… Слушай, этот город — просто находка для вашего журнала. Яркий образец загнивающего капитализма… Ах, вы не пишете про американскую действительность.

Очень жаль. У вас-то все хорошо, люди счастливы, богаты, а до других и дела нет… Ты ждал меня? — Она начинала повторную атаку на его изнуренное тело. — Слушай, а ты мне никогда не говорил, почему я тебе нравлюсь…» — «Понятия не имею, — отбивался Большаков. — Наверное, мне просто понравилось твое имя — Франческа…»

17 мая он зашел за сигаретами в маленький магазин на 11-й улице. Других покупателей не было. Следом вошел невысокий субъект со знакомым лицом: Филипп Левинсон, помощник Роберта Кеннеди! Этот парень чем-то походил на Пушкина, каким его представляли советские иллюстраторы. Разве что постричь короче и вымарать из лица намеки на прадеда-арапа. Георгий не спешил уходить, изучал содержимое витрины. Филипп озвучил продавцу свои пожелания. Сигарет «народной» французской марки на прилавке не оказалось, продавец ушел на склад.

— Вы сегодня на машине, сэр, — негромко констатировал Левинсон. — Надеюсь, нет срочных дел?

— Я свободен, — вполголоса отозвался Большаков. Вакуум образовался в желудке. Значит, не передумали…

— Отлично, — кивнул Левинсон, — Не спешите, покурите, потом садитесь в свой «Форд» и поезжайте в торговый центр «Тайсонс Корнер». Подземная парковка, сектор В-4. Ждите там, заодно проверьте накачку колес. Ваше левое заднее колесо, похоже, спускает, но пока не критично. К вам подойдут, когда убедятся, что нет наблюдения.

Возник продавец с извинениями: «Житан», к сожалению, продали. Можете взять «Филипп Моррис» или, скажем «Кент». Георгий покинул торговую точку, направился к своему скромному «Форду». Через двадцать минут он въехал на подземную стоянку. Поставил машину, где было сказано. Половина парковочных мест пустовала. Колесо действительно обмякло, пришлось размять икроножные мышцы. Рядом остановился темный микроавтобус с номерными знаками штата Вирджиния.

— Прошу вас, сэр, — высунулся из окна Левинсон. — Сегодня чисто, хвоста нет. Садитесь в салон и постарайтесь держаться подальше от окон. После встречи вас доставят сюда же.

Значит, вчера и позавчера было не чисто? Он осознанно не проверялся. Но назойливые шпики гурьбой за ним не ходили. В салоне было ком-

фортно — мягкие сиденья, откидной столик. Окна закрывали шторки. Ехали минут сорок — и возникло ощущение, что стольный град Вашингтон остался в стороне. Заскрипели ворота, микроавтобус въехал на территорию, дважды свернул. Левинсон объявил, что приехали, и покинул автомобиль. Георгий последовал его примеру. Обрисовалась задняя сторона крупного кирпичного здания, крыльцо со ступенями. В окнах первого этажа за шторами горел свет, играла музыка, звучали вразнобой детские голоса. Первая мысль была вполне обоснованной: детский садик?

— Я ничего не испорчу, Фил, если поинтересуюсь, где мы?

Уже темнело, над крыльцом мерцал фонарь. Левинсон сдержанно улыбнулся.

— Нет, сэр, уже ничего не испортите. Это особняк Хиккори-Хилл. Община Милтон, округ Фэрфакс, штат Вирджиния. Это загородный дом семьи Роберта Кеннеди. Сейчас он проживает здесь с женой и детьми. Роберт решил, что вам не стоит знакомиться с его семьей — пока, во всяком случае. Это связано с вопросами безопасности. Встреча пройдет в восточном крыле здания. Все уже собрались. Следуйте за мной, сэр.

Полутемный коридор вывел в холл, где в специальных емкостях произрастали пальмы и цветы. Лестница на второй этаж, уютный полумрак. В просторной комнате было довольно ригорично — строгие шторы, полумягкая мебель, канцелярский стол. Портреты Линкольна и Вашингтона в рамочках. К журнальному столу были приставлены три кресла и диванчик. Трое мужчин вели приглушенную беседу. Поднялся Роберт Кеннеди, двинулся навстречу с протянутой рукой. В домашней обстановке он носил простые брюки и тонкий джемпер с волнистым рисунком.

— Приветствую, Джорджи, безумно рад видеть. Не возражаете к нам присоединиться? Знаю, что премьер Хрущев дал согласие на наше неформальное общение, и это просто замечательно. Передавайте ему привет и наши самые лучшие пожелания. Присаживайтесь, Джорджи, знакомьтесь. Мой пресс-секретарь Пьер Сэлинджер и его помощник Марк Ромеро. В их присутствии можете не стесняться. В моем присутствии, кстати, тоже. — Роберт засмеялся.

Георгий пожимал протянутые руки, ловил на себе любопытные взгляды. Пресс-секретарь был примерно одного возраста с Робертом, и даже внешне они чем-то походили. Про Сэлинджера

было известно немного. Журналист, писатель — более подробная информация отсутствовала. Марк Ромеро был значительно полнее, старше остальных присутствующих. Он закрашивал седину черной краской. Ромеро также приветливо улыбался, в глазах лучился неподдельный интерес.

— Сегодня, Джорджи, вы точно голодным не уйдете, — объявил Роберт. — Этель приготовила форель и огромный яблочный пирог. Но сначала давайте поговорим, не возражаете? Как насчет кофе и легких закусок — для разгона, так сказать?

Из-за стены доносился шум, казалось, весь дом был наполнен детским гамом.

— Если честно, Роберт, не откажусь. Весь день не ел. У вас сегодня детский праздник? Собрали в доме всю детвору городка?

Роберт засмеялся, остальные тоже заулыбались.

— Нет, Джорджи, сегодняшний вечер не отличается от других. У нас с Этель семеро детей, и знаете… мы не собираемся останавливаться на достигнутом рубеже. Думаю, трех-четырех еще сообразим. У вас есть дети, Джорджи?

— Увы, Роберт…

— Ну, ничего, у вас еще все впереди. Вы даже не

представляете, какая это радость — дети. И так хочется, чтобы их жизнь прошла в мирное время.

Это, очевидно, была преамбула. Фил Левинсон принес еще один стул, сел. Большакову досталось удобное кресло напротив Роберта.

— Вы, конечно, знаете, Джорджи, что сейчас идет подготовка к встрече глав наших государств в Вене. Встреча назначена на 4 июня. Вот об этом и хотим поговорить. Мой брат питает особые надежды на эту встречу. В первую очередь это, конечно же, ситуация в Берлине. Обострения не хотим ни мы, ни вы. Дипломаты ищут выход из создавшегося положения, но что-то подсказывает, что они его не найдут. Есть серьезные опасения, что после событий в заливе Свиней — а этими событиями, как вы можете догадаться, мы не гордимся — ваш премьер будет говорить с позиции силы. И вряд ли приемлет компромисс. Прошу вас передать премьеру Хрущеву, что это путь в тупик. Нужно искать решения, которые устроили бы нас всех, согласны?

Ситуация вокруг Берлина принимала неприятный оборот. В конце сороковых СССР передал свой сектор в Берлине правительству ГДР, а остальная часть города — Западный Берлин — так и осталась за оккупационными войсками стран

Запада. Все это ставило под большое сомнение государственную самостоятельность ГДР, тем более что доступ в Западный Берлин (и обратно) был свободен для всех желающих. СССР еще четыре года назад потребовал отменить правление четырех держав, а Западный Берлин сделать демилитаризованным свободным городом. В противном случае СССР угрожал передать властям ГДР контроль доступа к городу и заключить с ГДР сепаратный мирный договор. Это означало бы, что Западный Берлин просто перестал бы существовать в своем привычном виде. Ответом на ультиматум стало усиление группировки НАТО в Западном Берлине. Проблема зависла. 7 апреля текущего года Хрущев выдвинул новый ультиматум, заявив, что СССР до конца года заключит мирный договор с ГДР и даст ей полную власть над Восточным Берлином. Западный же Берлин, разумеется, окажется в блокаде — за пограничными заборами. Основания для подобных действий у Никиты Сергеевича имелись. Западный Берлин был ему как кость в горле. Спецслужбы вели подрывную работу, махровым цветом цвела пропаганда западного образа жизни и преимуществ капиталистического строя. С момента образования ГДР в ФРГ через Западный

Берлин бежали больше двух миллионов человек! То есть шестая часть населения страны. Такими темпами через двадцать лет ГДР бы опустела. Западный мир текущая ситуация вполне устраивала, СССР — решительно нет. Неудивительно, чо Кеннеди побаивался решительных действий Хрущева в Берлине.

— Шла долгая подготовка к этой встрече, — говорил Роберт. — Господин Хрущев первым изъявил желание встретиться — мы получали такие сигналы. Нами была проработана возможность такой встречи, изучены перспективы возможного сотрудничества. Не скрою, были противники сближения наших стран. Да и не только были… но и остаются. — Тень недовольства пробежала по лицу. — Затем была задержка с передачей нашего письма послом, переносились сроки, предлагались другие места для встречи… Теперь решено, встреча состоится 4 июня в венском дворце Шёнбрунн.

Роберт сделал паузу и продолжал:

— Была еще одна досадная задержка — в связи с событиями в заливе Свиней подготовку к встрече приостановили. Однако позднее продолжили. Теперь вопрос решили окончательно. Министр иностранных дел Громыко подтвердил нашему

послу Томпсону, что встреча состоится. Вчера мой брат по дипломатическим каналам получил письмо от премьера Хрущева, в котором говорится, что последний готов к разговору. Большая просьба, Джорджи, повлиять на премьера Хрущева — нам всем необходимо, чтобы встреча в Вене прошла в позитивном ключе. Пусть наши страны не станут друзьями, но мы сделаем к этому первый шаг. Честно говоря, мой брат не совсем понимает, чем вызван такой ажиотаж вокруг Берлина. Мы всего лишь хотим сохранить статус-кво. Много лет это всех устраивало. Почему что-то должно меняться? Зачем все эти угрозы и ультиматумы? В конечном счете мы можем пойти на уступки: заключить, например, крайне важный для вас договор о запрете ядерных испытаний. Пересмотреть некоторые ограничения по торговле между нашими странами…

— Разумеется, Роберт, я все передам премьеру Хрущеву, — уверил Большаков. — Но при всем уважении, Роберт, проблема от этого не исчезнет. Она реально существует. Из Западного Берлина идет поток пропаганды, осуществляется подрывная деятельность в отношении восточных немцев. Агенты БНД наводнили восточный Берлин и остальную часть ГДР. Ведь вход и въезд

свободный. Люди под воздействием пропаганды массово покидают страну, и это, к сожалению, факт. Существует реальная угроза государственной безопасности ГДР. Как может подобное государство существовать в международном правовом поле? Я все передам, но повторяю, проблема от этого меньше не станет. Нужно искать пути преодоления кризиса.

— Тогда скажите, что хочет премьер Хрущев? — спросил Сэлинджер.

— Простите, Пьер, — улыбнулся Георгий, — я не экстрасенс, не могу читать чужие мысли. Но здравый смысл подсказывает, что Западный Берлин должен остаться мирным городом. Вывести из него большую часть сил НАТО, прекратить деятельность спецслужб, направленную на ГДР. Взамен заключить соглашение о гарантиях безопасности Западного Берлина. То есть мы не будем на него претендовать. Нужно ли возводить между секторами жесткую границу — не уверен. Лично я — противник всяческих противостояний, жестких границ и тому подобного. Я за свободное перемещение людей, за свободное соревнование двух мировых систем — а время уж рассудит, кто из нас прав. Но это мнение мое, оно не обязано совпадать с мнением премьера. Но,

думаю, и он хочет, чтобы встреча в Вене прошла в дружеской обстановке и в условиях полного взаимопонимания.

— Но все же попытайтесь повлиять на премьера, — сказал Роберт. — Как-то намекните, что язык ультиматумов неприемлем. Кризис надо преодолевать, но это можно сделать лишь в одном случае: когда мы будем полностью понимать друг друга.

— Обещаю, — кивнул Большаков.

— Замечательно, — Роберт заулыбался. — В таком случае предлагаю прерваться на ужин, потом осудить еще пару вопросов. Джона крайне беспокоит гражданская война в Лаосе…

На этот раз Георгий почти не волновался. Голова работала, мысли текли в нужном направлении. Даже посмеялся про себя: повлиять на премьера Хрущева. Это сильно. Над текстом радиограммы пришлось покорпеть, но в итоге она ушла к адресату. На следующий день пришел ответ: Хрущев готов провести встречу в обстановке дружбы и взаимопонимания. Левинсон по таксофону принял краткий «эзопов» ответ, выразил удовлетворение. Личная встреча в данном случае не требовалась. Но через неделю позвонили из редакции «Вашингтон экзаминер»,

сообщили, что их заинтересовала статья о здравоохранении в СССР и хотелось бы встретиться. Большаков находился на рабочем месте, ответил, что в понедельник готов принять в редакции посетителей. «Растем, Георгий Никитович», — кокетливо улыбнулась сидящая напротив Изольда Юрьевна. Росли — это мягко сказано! О конспирации договорились еще в Хиккори-Хилл. Данный звонок означал, что через полтора часа Большакова будут ждать на Пенсильвания-авеню в условленном месте. Означенная улица считалась главным проспектом американской столицы, связывала Белый дом с Капитолийским холмом. На ней располагались основные достопримечательности, культурные объекты. Моросил дождь, небо затянули плотные тучи. Гуляющих было немного, и случись за ним хвост, Георгий бы его срисовал. Он прогулялся мимо Национального театра, покурил напротив культурного центра Вашингтона. Затем доехал на автобусе до площади Свободы, пешком прошел квартал в обратном направлении. В парковочном кармане среди подобных транспортных средств стоял неприметный микроавтобус с «гражданскими» номерами. Георгий забрался на заднее сиденье.

— Вы пунктуальны, Джорджи, — улыбнулся

закутанный в плащ Роберт Кеннеди. — С вами приятно иметь дело.

Главное, чтобы польза была от его пунктуальности. Он пожал протянутую руку. Хлопнула дверь — водитель вышел погулять под дождем. Сегодня Роберт прибыл лично, значит, имел что-то важное.

— Все в порядке, Джорджи, — уверил генеральный прокурор. — Подготовка к встрече в Австрии идет своим чередом. Теперь только форс-мажорные обстоятельства могут все отменить. У моего брата убедительная просьба — и он просил передать ее лично, поскольку считает это крайне важным. Протокольные мероприятия в венском дворце неизбежны, это понятно. Обязательная программа, дежурные речи. Но Роберт хотел бы встретиться с премьером Хрущевым один на один, только с переводчиком — желательно с нашей стороны. Двух часов для разговора хватит. О своей безопасности премьер Хрущев может не беспокоиться — безопасность гарантирована. Им есть что обсудить тет-а-тет, ну, вы понимаете…

Георгий прекрасно понимал. Не все в окружении Кеннеди поддерживают его политику и его намерения. Стремление к мирному сосуществованию — не для них. Этим людям нужно

обострение, постоянная напряженность, бесперебойная работа военно-промышленного комплекса. В составе американской делегации данные лица, разумеется, будут. Да и с советской делегацией не все так просто…

— Можете передать Хрущеву эту просьбу? Как считаете, Джорджи, он пойдет на такое? Если да, то эту встречу надо учесть и внести в график.

— Почему нет? — пожал плечами Большаков. — В этом предложении нет ничего противоестественного. Это логично и даже полезно. Я передам вашу просьбу в Москву. Уверен, в Кремле пойдут навстречу.

Он действительно так считал. Никита Сергеевич любил поговорить — с кем угодно, пусть даже с президентом Америки. Хрущев был весьма неглуп, обладал интуицией — чего стоило одно его согласие установить неформальную связь с Вашингтоном. Немного тщеславия, самоуверенности, но это не страшно. Опасения вызывала лишь непредсказуемость Никиты Сергеевича, а также его упрямство в некоторых вопросах — другими словами, отсутствие гибкости. По мнению Большакова, ему ничто не мешало договориться с Кеннеди — пойти на незначительные уступки и обрести в итоге крупную выгоду. По-

ложение у Кеннеди не лучшее, над душой висят недружественные силы — и на компромисс он пойдет в любом случае, поскольку хочет прорыва в отношениях. Пока он никто, загнанный в угол неудачник…

— Благодарю, Джорджи. — Роберт удовлетворенно кивнул. — Мы были уверены, что сможем на вас положиться. Не затруднит, как получите ответ, сразу нас проинформировать? Вы же обменялись телефонами с мистером Ромеро?

— Да, Роберт, я сделаю все, как надо.

— Отлично. Вас подвезти?

— Благодарю, но не стоит. Сегодня отличная погода. — Он пожал протянутую руку и вышел в дождь…

Удивление не оставляло. Связь работала! Уже на следующий день пришел ответ Хрущева: он согласен на приватную встречу — и даже без дополнительных условий. Через час поставили в известность президента. Сколько бы времени ушло, используй стороны официальные каналы? Как минимум неделя, при этом — «испорченный телефон», вовлечение нежелательных лиц, возможные утечки. А президента Кеннеди можно от души поздравить — главное лицо государства в собственной стране становится первым кон-

спиратором…

Впрочем, встреча во дворце Шёнбрунн стала холодным душем для тех, кто надеялся на прорыв. Кеннеди заявил, что хочет такого положения вещей, при котором стороны могли бы жить в мире. Никита Сергеевич не возражал — на такое трудно возразить. Официальная часть вышла размытой и малосодержательной. Философские беседы о формах соревнования двух систем, о их мирном сосуществовании. Кеннеди не разделял мнение Хрущева о загнивании капиталистической системы. Хрущев же считал, что коммунизм во всем мире неизбежен. Кеннеди уверял, что на планете сложился баланс сил и попытка его нарушить может иметь последствия. Хрущев же не хотел сохранять статус-кво — в противном случае пришлось бы отказаться от поддержки национально-освободительных движений, а также от своих требований по изменению статуса Западного Берлина.

В кулуарах Кеннеди признал, что вторжение на Кубу было ошибкой. Хрущев напомнил, что Кастро — отнюдь не коммунист, но подобные действия Америки могут привести к тому, что Фидель станет убежденным коммунистом. При этом добавил, что данный факт станет исклю-

чительной заслугой Джона Кеннеди. Никиту Сергеевича несло, он не желал идти на уступки и компромиссы. Берлинский вопрос он для себя уже решил. Немедленно начать переговоры о статусе Западного Берлина, заключении мирного договора ГДР — а это означало бы прекращение оккупационного режима и объявление всего города территорией ГДР. Кеннеди тоже уперся. «Мальчишки в коротких штанишках» показали зубы. Любую уступку по Берлину могли объявить его слабостью — и правые круги США довели бы это дело до импичмента. Позиция Кеннеди сводилась к тому, что в Берлине не следует ничего менять. Он не хотел войны, но понимал, что, если проявит мягкость, в Вашингтоне его просто съедят. Хрущев усмотрел в его реплике намек на начало войны, отозвался резко: СССР войну не начнет, но если вы ее развяжете из-за Берлина, то так тому и быть. При этом прозрачно намекнул на использование ядерного оружия.

Все закончилось печально. Кеннеди выразил надежду, что со временем удастся урегулировать спорные вопросы. Хрущев в ответ объявил, что времени уже нет, не позднее конца года он подпишет мирный договор с ГДР — со всеми вытекающими «удовольствиями». То есть преподнес

очередной ультиматум. И повторил свою фразу — что Советский Союз войны не хочет, но если ее навяжут, то война будет. Кеннеди натянуто пошутил, что, кажется, зима в этом году ожидается холодной.

По итогам встречи не был подписан ни один документ. Кеннеди, возвращаясь домой, бранился последними словами, клял Хрущева. Что за манера вести переговоры?! Зачем приезжать, если имеешь жесткую позицию, от которой не собираешься отказываться? Как можно рисковать жизнями миллионов людей из-за каких-то правил проезда по автобану? Он был уверен, что немцы хотят объединения Германии. Искренне недоумевал: разве для начала ядерной войны не должны быть более убедительные причины? Теперь он был полон решимости: не смущаться использовать силу для сохранения положения в Берлине. Войска НАТО должны присутствовать в городе! Более того, контингент следует усилить.

Спустя неделю после венской встречи Большаков передал в Москву послание от Джона Кеннеди. Президент писал Хрущеву, что не хочет ввязываться в войну из-за Западного Берлина, но воевать придется, если Хрущев односторонним образом изменит ситуацию. Выбора у президента

нет, и Хрущев должен это понять: если Кеннеди откажется от своей позиции, сенаторы привлекут его к ответственности, а это не только импичмент, но и тюремный срок.

Ответного послания от Хрущева Кеннеди не дождался. Возможно, Никита Сергеевич блефовал, выступая с твердой позицией, надеялся, что Кеннеди проявит слабохарактерность. Но ошибся. Начинался вялотекущий, временами переходящий в горячие фазы Берлинский кризис…

Это было фиаско. Канал работал, но ситуацию не спас. Положение только усугублялось. Шли дни, недели. Особых перемен в жизни не наблюдалось, та же рутина: работа в издательстве, работа в резидентуре. Франческа скрашивала унылое существование. Пару раз включался канал: Фил Левинсон и Марк Ромеро передавали запечатанные конверты. Вскрывать их запрещалось, письма отправлялись в Москву дипломатической почтой с пометкой «срочно». Ответной корреспонденции снова не было. Настала пауза, кончалось лето. События в Берлине принимали угрожающий характер. 25 июля Кеннеди выступил с заявлением, подтвердив решимость США защищать Западный Берлин. Конгресс одобрил выделение средств на закупку вооружений. В

строй встали 250 тысяч резервистов. На границе с Западным Берлином творился хаос. Бегство граждан ГДР становилось нешуточной проблемой. 13 августа к разделительной черте были отправлены пехотные подразделения Народной армии ГДР. Бойцы рассредоточились по окрестным зданиям, тянули колючую проволоку. Свободный проход в западную зону временно ограничили. Подтягивались танки с полным боекомплектом. В ответ были приведены в повышенную боевую готовность части Национальной гвардии и резервисты. Кеннеди направил в Западный Берлин дополнительные войска. Прибывали грузовые самолеты с бронированной техникой. Запрет пересекать границу фактически не действовал. Люди бежали всеми правдами и неправдами, чувствуя, то эту «форточку» скоро прикроют. И это случилось в последних числах августа. По всей ГДР проходили собрания партячеек с гневными резолюциями. Немецкие коммунисты действовали слаженно. По тревоге были подняты все рядовые члены партии. Дружины рабочих и коммунистов устремились к разделительной черте. Только в пределах города ее протяженность составляла 55 километров! И более сотни — по обхвату. Активисты сформировали живое

оцепление. И стояли, пока велись работы по возведению бетонной стены. Несколько суток рычали бульдозеры, строительные краны и большегрузная техника. К строительству стены привлекли десятки тысяч рабочих. Одновременно возводили контрольно-пропускные пункты. Внутри окруженного города царила сумятица, никто не знал, что делать. Строительству не препятствовали, солдаты НАТО, вооруженные до зубов, уныло наблюдали за происходящим. Официальные лица комментариев не давали: обращайтесь к народу, который вы довели до ручки! Как ни крути, это было нарушение Потсдамского соглашения о свободном передвижении по городу. Стена вышла уродливой, нелогичной (жители одного двора могли оказаться в разных секторах), но предельно выразительной. Части Народной армии при этом остались на старых позициях, получив приказ оперативно реагировать на любые попытки смены «ландшафта».

Хрущев опять опередил! Снисходительно предложил западным политикам, в том числе президенту США, заключить неформальное соглашение по Берлину — с учетом новых реалий. В ответ к Берлинской стене с обратной стороны подошли дополнительные армейские части США,

подтянулись танки — и началось вооруженное противостояние.

Жизнь в Вашингтоне шла своим чередом. Ничто не свидетельствовало о том, что где-то за океаном назревает новая война. 6 сентября в Белом доме проходила пресс-конференция вице-президента Линдона Джонсона. Приглашали журналистов, в том числе советских. В списке приглашенных Георгий с удивлением обнаружил себя. Остальные «счастливчики» — редактор журнала «Советский Союз» Стариков, корреспонденты ТАСС, «Известий», несколько человек из пресс-центра посольства. В этом было что-то абсурдное. Заявленную ранее пресс-конференцию с участием президента отменили, президента заменил его зам, но людей все равно собралось много. Сотрудники Секретной службы тщательно проверяли приглашенных, следили за порядком. Ворчал глава корпункта «Известий» Левицкий: что, мол, Джонсон может сказать хорошего? Но ладно, хоть Белый дом поглядим. Пресс-конференция действительно не понравилась. Порадовали глаз лишь интерьеры Восточной комнаты, где проходило мероприятие. В европейском кризисе опять виновен Советский Союз, Хрущев непредсказуем, и с ним совершенно невозможно

иметь дело! Он отвергает даже намек на какие-то уступки, прет, как одно неразумное животное, и явно напрашивается на грубость. Вопросы советских журналистов, заданные в деликатной форме, вице-президент проигнорировал. Все это было глупо, предсказуемо — хотя и живенько. Последующая экскурсия по кулуарам Белого дома понравилась больше. Вереница людей блуждала по лестницам и комнатам. Восточный коридор с его историческими фотографиями, портретами президентов и их жен. Розовый сад, Восточный сад, комната «Вермейл» — хранилище президентской посуды. Все это было крайне увлекательно, особенно помещения, где выставлялись вещи некоторых членов президентских семей. «Отлично, — бормотал Левицкий. — Туалетный столик Элеоноры Рузвельт — именно то, чего нам всем не хватало для полного счастья». «А меня вдруг другое взволновало, товарищи, — задумчиво изрек корреспондент ТАСС Журавлев. — В истории Соединенных Штатов был хоть один холостой президент? Ей-богу, никогда не задумывался. Или это запрещено конституцией?» Журналисты сдавленно посмеивались. «Товарищи, будьте серьезнее, — недовольно ворчал глава пресс-центра Горчаков. — Не забывайте, кого вы здесь

представляете. Так, товарищи. — Он посмотрел на часы. — Еще десять минут на осмотр бесценных достопримечательностей — а затем пора и честь знать. Собираемся на улице, там сможем покурить».

— Мистер Большаков? — спросил улыбчивый русоволосый субъект в добротном костюме. Георгий подтвердил — именно так. — О, я представляю ваших британских коллег из газеты «Дейли телеграф». Наша делегация находится в другом зале. Просим с нами поговорить — это касается распространения в Британии вашего журнала. Мы отнимем у вас только пять минут.

— Хорошо, пойдемте, — согласился Георгий.

В соседнем помещении не было никакой делегации. «Журналист» подошел к задней двери и знаком предложил следовать за ним. Стало интересно. Георгий прошел за мужчиной по длинному пустому коридору, свернули, затем еще раз.

— Подождите, пожалуйста, в этой комнате, к вам скоро придут, — произнес таинственный незнакомец и испарился. В комнате присутствовала мягкая мебель, зеркала в витых рамах. На стене висел портрет господина с бакенбардами — явно знающего себе цену. Сидеть на историческом диване было как-то вызывающе —

Большаков присел на венский стул с изогнутыми ножками. Ожидание не затянулось, скрипнула дверь в дальнем конце помещения, отогнулась шторка, вошел человек — сравнительно молодой, отдаленно похожий на Роберта Кеннеди. Он смущенно улыбался и немного сутулился — словно стеснялся своего роста. Ни много ни мало 35-й президент Соединенных Штатов Джон Фицджеральд Кеннеди.

Даже времени не оставили, чтобы поволноваться. Большаков встал.

— Мистер президент?

— Здравствуйте. — Кеннеди пытливо вглядывался в его глаза. — Мистер Большаков? Конечно же, это вы. — Рукопожатие у президента было крепким. Однако чувствовалось, что рука немного дрожит. — Как вы, мистер Большаков, все в порядке? Я не заставил вас долго ждать?

— Все отлично, мистер президент, — уверил Георгий. — Ждать почти не пришлось. Рад с вами познакомиться лично. Но, признаюсь честно, немного удивлен…

— Просто нет времени. Мне сообщили, что вы будете здесь, и я решил на этот раз обойтись без посредников. Прошу передать письмо вашему лидеру Хрущеву. В нем некоторые предложения

по улучшению сложившейся ситуации. — Он запустил руку во внутренний карман, извлек запечатанный конверт. — Возьмите, спрячьте, обыскивать вас не будут. Надеюсь, это послание дойдет до адресата в самые короткие сроки.

— Конечно, мистер президент. — Георгий спрятал конверт. — Можете не беспокоиться, все будет сделано.

— Отлично. — Кеннеди улыбнулся. Быстрое движение глаз — покосился на дверь за спиной Большакова. — Заранее благодарю, мистер Большаков. Мы весьма довольны нашим с вами сотрудничеством и надеемся, что оно будет долгим и полезным. Самые лучшие пожелания премьеру Хрущеву и членам его семьи. Прошу меня простить, мистер Большаков, был бы рад поговорить, но вынужден уйти, много дел. Будем держать связь через моего брата, и… постарайтесь и дальше сохранять конфиденциальность.

Мужчины пожали руки, президент дружелюбно улыбнулся и исчез за шторой. Георгий стоял, погруженный в какое-то липкое оцепенение. Не почудилось? Отправил руку в карман, нащупал конверт. Растете, товарищ полковник. А вы авантюрист, мистер президент… Или настолько загнаны в угол, что готовы на самые рискованные

действия? Джон заслуживал сочувствия, даже в собственном Белом доме он чувствовал себя неуютно, боялся посторонних глаз. Попытки это скрыть слабы и неубедительны. Информация верна: у Джона Кеннеди много врагов, далеко не всегда он волен в своих решениях, должен действовать с оглядкой. «Природные наблюдения» это подтверждают. И что там за пикантная история, мистер президент, касательно романа с голливудской актрисой Мэрилин Монро, в девичестве — Нормой Джин Бейкер? Особа, конечно, интересная, не бесталанная, ослепительная блондинка. Фильмы с ее участием «В джазе только девушки» и «Джентльмены предпочитают блондинок» Георгий посмотрел от начала до конца и остался доволен просмотром. В прошлом десятилетии снималась много, энергично, в текущем — все встало на паузу. Ходили слухи, что у Мэрилин проблемы со здоровьем и с приемом некоторых лекарств. Партия, конечно, неплохая, оба молоды, оба — любимцы Америки… Но мало вам по жизни головной боли, мистер президент? И что по этому поводу думает супруга Жаклин Кеннеди, в девичестве Ли Бувье, — особа не менее эффектная, влиятельная, умная, в отличие от любовницы, и вряд ли согласная долго терпеть

похождения мужа?

Он вышел из задумчивости, покинул помещение. Коридор был пуст, где-то за стенами шумели люди. Да простит Секретная служба русского туриста, сбившегося с курса…

Глава шестая

В Вашингтоне стояли теплые сентябрьские дни. Проходил ежегодный фестиваль джаза. На городских площадках выступали музыканты: местные, приезжие. Полиция никого не гоняла. Вот и сейчас — на Пенсильвания-авеню играл саксофон, подрагивали в унисон струны контрабаса, шелестели тарелочки перкуссии. Полная негритянка пела низким сочным голосом. Люди стояли, слушали — белые, черные, серо-буро-малиновые. Музыка объединяла, под звуки джаза размывались ужасы сегрегации, дискриминации цветного населения…

На этот раз осталось загадкой: что было в конверте. Можно было лишь догадываться — например, Кеннеди выразил готовность не наращивать воинский контингент в Западном Берлине. Молитвами резидента Слуцкого послание за пару суток дошло до Кремля. 12 сентября секретарь ЦК КПСС Федор Козлов, выступая в Пхеньяне, заявил, что срок ультиматума для подписания мирного договора с ГДР продлевается. Через несколько дней Хрущев подтвердил эту информацию, доба-

вив, что новый срок (31 декабря) не так уж важен, если Запад продемонстрирует реальную готовность завершить конфликт. Сепаратного мирного договора между СССР и ГДР западные политики боялись как огня. Его подписание развязывало руки Кремлю. На данный момент действовал лишь договор об отношениях между странами 1955 года, узаконивший пребывание советской воинской группировки в ГДР. Стало казаться, что ситуация контролируется и теряет остроту. Но кому-то в сенате и Пентагоне такое положение не нравилось. Транспортные самолеты с военными грузами продолжали направляться в Западный Берлин. Пара из них была перехвачена поднятыми в воздух советскими истребителями. Пилоты произвели предупредительный залп, развернув самолеты в воздухе.

И снова ситуация стала накаляться. Американская группировка в ФРГ только за сентябрь выросла на сорок тысяч человек. Постоянно проводились учения. За это время Большаков четыре раза встречался с Робертом Кеннеди. Американцы лихорадочно искали выход. Ввязываться в войну, тем более ядерную, администрации президента не хотелось. Но и выполнять требования Хрущева — было чересчур. Большаков это

понимал. А также то, что отмашку о призыве резервистов, о наращивании воинского контингента в Европе мог дать только президент. Это не было «отсебятиной» генералов — формальные приказы имелись. Что заставляло Кеннеди все это подписывать? Шантаж? Недостоверное информирование? Страх импичмента? Ситуация в Берлине раскалилась до предела. Враждующие стороны бряцали оружием вокруг новоявленной стены. Достаточно было одной искры… В последних числах октября разбухший «чирей» чуть не прорвался — в центре города, у КПП «Чарли» на Фридрихштрассе. Провокация готовилась тайно — скапливались силы, ночами скрытно перемещалась техника, в том числе бульдозеры и экскаваторы. Американские военные готовились прорвать пограничные заграждения. Но разведка доложила точно, сигнал донесли до Хрущева. Люди и техника скапливались на западной стороне. Подошла колонна тяжелых американских танков. Прибывали джипы с якобы гражданскими лицами, за ними шла строительная техника. В ответ на это с восточной стороны прибыла танковая рота капитана Войтченко, входившая в состав 3-го танкового батальона. Танкисты рассредоточили машины,

наводили орудия. Подразделение получило полный боекомплект. Приказ, полученный комроты, был недвусмысленным: при первой же попытке снести стену открывать огонь. Какие чувства при этом обуревали советского офицера, история умалчивает. Опознавательные знаки на танках предусмотрительно замазали грязью — создавалось впечатление, что действует Народная армия ГДР. Ситуация немного остудила горячие головы. Стали бы танки стрелять при попытке прорыва — вопрос интересный. Желающих проверить не нашлось. «Гражданские» и их внедорожники куда-то испарились. Бульдозеры отошли. Но приблизилась бронированная техника. Советские и американские танки сутки стояли напротив друг друга, и достаточно было сделать лишь один неверный шаг…

Дипломатия в этом конфликте показала себя с не лучшей стороны. Решения не было, стороны надували щеки и держали пальцы на спусковых крючках. Всем посвященным было ясно: вспыхнувшая война обычными вооружениями не ограничится. Каждая сторона поспешит первой нанести ядерный удар — чтобы заработать в грядущей бойне хоть какие-то преимущества…

Большаков встречался с Робертом чуть не

каждый день. В машине, в какой-то полупустой квартире на Висконсин-авеню, даже в Министерстве юстиции. Туда прибыли по завершении рабочего дня, водитель объезжал проулками здания комплекса. Темнело, шел дождь, охрана Роберта тщательно следила за секретностью. Роберт Кеннеди был весь на взводе, кусал губы.

— Все летит к чертовой матери, Джорджи, — заявил он без обиняков. — Бог свидетель, мы не хотим войны. Но все идет именно к этому. Практически весь генералитет — за силовое решение проблемы. Генерал Лорис Норстад — командующий войсками в Западной Европе; генерал Брук Кларк; председатель Объединенного комитета начальников штабов Лайман Лемницер. Люсиус Клэй — отставник, советник моего брата — ежедневно сгущает краски, настаивает на том, что Советы в любом случае начнут войну и надо бить первыми. Как вы думаете, Джорджи, премьер Хрущев может решиться на ядерный удар?

— Думаю, может, — вздохнул Большаков. — Зависит от многих факторов, но…

— Да перестаньте, Джорджи, — поморщился Роберт. — Откуда вам это знать?

Зачем тогда спрашивал? Думать о худшем не хотелось, но раз уж возникали подобные настро-

ения… Никита Сергеевич любил блефовать, он не был таким уж демоном, каким его представляли на Западе. Но кому известно, какая шлея попадет под хвост. Можно сколь угодно рассуждать с позиции здравого смысла, но как быть с сиюминутными решениями? Плюс недостоверная информация, которая может поступать Хрущеву. Сведения преподносят те же генералы, а чем они особо отличаются от американских? Для чего еще нужны генералы, как не для ведения войн?

— Джорджи, я еще раз прошу вас вразумить Хрущева. — Роберт почти умолял. — Противостояние на Фридрихштрассе продолжается уже сутки. Вторых суток не будет. Либо все закончится, либо… Мне даже страшно об этом думать. Сделайте что-нибудь, Джорджи, иначе мы все покатимся в ад… Нужна хоть какая-то инициатива, способная смягчить ситуацию…

Большаков волновался, составляя текст радиограммы. Кто он такой, он всего лишь курьер, почтальон, что может от него зависеть? Или все-таки может? Пусть отправят в опалу, посадят в тюрьму, но он хотя бы попытается. Нельзя оставаться в стороне, когда война уж не просто стучит в дверь, а лезет, как слон в посудную лавку! Оставалась еще надежда, что Хрущев

блефует, — повышает ставки в опасной игре, а в критический момент пойдет на попятную. Но критический момент уже наступил. Американские генералы точно не блефовали, война для них как мать родна. Вцепятся клещами в Западный Берлин, но своего не отдадут… «28 октября американские военные приступят к решительным действиям на Фридрихштрассе, — радировал Большаков в Кремль. — Генерал Норстад намерен устроить провокацию с далеко идущими последствиями. В случившемся обвинят СССР, и доказывать обратное уже будет некогда. На ситуацию могут повлиять незначительные уступки. Отвод военных с рубежа на Фридрихштрассе, отказ от подписания мирного договора с ГДР, по крайней мере в ближайшее время…» Ведь Хрущев ничем не рисковал! Войска, отведенные на пару кварталов, всегда можно вернуть. Танки Войтченко — всего лишь капля из того, чем может ударить Советский Союз. Хрущев фактически своего добился — рассадник капиталистического зла окружен стеной. Теперь не побегаешь. А хотел ли он на самом деле получить контроль над Западным Берлином и сделать его социалистическим городом — вопрос спорный. Яд впитался в головы горожан, внушить им новое мировоз-

зрение — очень непросто. Сталин бы внушил, но те времена прошли, да и слава богу. Обеспечить себя на многие годы нерешаемыми проблемами?

Гневной отповеди из Кремля не последовало. Большакова в Москву не отзывали. Возобладал здравый смысл! На следующий день советские танки отошли на соседние улицы, растворились в лабиринтах восточного Берлина. Отошла пехота. Разошлись гражданские активисты с красными повязками. На восточной стороне установилась подозрительная тишина. Но что-то подсказывало, что удар по этому району советские войска могут нанести из любой точки. Похоже, у кого-то заработали головы. Последовал неохотный приказ убрать войска. Неспешно уходили громоздкие танки, строились в колонны и уходили пехотинцы. Через несколько часов пришел в движение общественный транспорт, появились прохожие. Теперь за дело предстояло браться дипломатам: узаконить создавшееся в Берлине положение…

В этот вечер не нашлось ни одной причины не посетить бар «Чарлиз» на 16-й улице. Напряжение, скопившееся в организме, мог изгнать только алкоголь. Хорошие новости его не изгоняли. Франческа уехала в командировку в Бостон, и дома ждали только голые стены. Посе-

тители в этот день были не буйные, в заведении царила мирная атмосфера. Похохатывали женщины в дальнем углу, впечатленные чувством юмора своих спутников. Георгий мелкими глотками уничтожал виски, украдкой разглядывал посетителей. Интересно, они в курсе, что происходило в мире? Или из того подавляющего числа американцев, что будут долго гадать, на какой планете находится Берлин? Вошел Фрэнк Холлман с портфелем и в расстегнутом плаще, обозрел посетителей, обрадовался, обнаружив знакомое лицо.

— Я так и знал, — заявил он самоуверенно. — Где еще можно найти жителя России после трудной рабочей недели? Хочешь надраться в одиночку? Или потерпишь присутствие лучшего американского друга?

— Потерплю, — кивнул Георгий и задумчиво уставился на главного врага печени в ортогональной емкости из толстого стекла. Для одного там было много, для двоих — критично мало.

— Не волнуйся, — уверил Фрэнк, стаскивая плащ. — Добавим, коль возникнет нужда. Здесь тебе, братец, не Советский Союз, виски всегда найдется. Джерри, еще один бокал, будь любезен! И слушай, принеси ради бога что-нибудь съестное!

Мы же не алкоголики какие-нибудь… О, Джордж, ты сегодня расщедрился на бурбон, — подметил журналист. — Кажется, есть повод, и я даже знаю какой? А почему бурбон, приятель? — шутливо допытывался Фрэнк, наполняя бокал. — Эй, официант, водку и балалайку! — Он засмеялся. — Можно также цыган и медведя в кепке, но здесь такое вряд ли найдешь…

Чокнулись, выпили. Напряжение не рассасывалось — крепко же его скрутило.

— Как там у вас говорят — все хорошо, что хорошо кончается? — Фрэнк сыто срыгнул. — Все закончено, можно расслабиться. Не отпускает, приятель? — подметил он. — Ничего, отпустит. Я тоже, знаешь ли, под впечатлением. Все обошлось без жертв и кровопускания, но каков сам факт? Впервые в истории наши войска сошлись в противостоянии, и только чудом не случилось ничего страшного. Отдаешь себе отчет, что мы стояли на пороге большой войны?

— Ну, было, — пожал плечами Большаков. — Постояли на пороге и разошлись, с кем не бывает.

— Действительно, — развеселился Холлман. — С кем не бывает. И кому мы обязаны этому чуду? — Он с хитринкой уставился на приятеля.

— Не знаю. Святому провидению, не иначе.

— Ага, увидишь это провидение — передавай ему привет. — Журналист засмеялся. — Ладно, я не такой уж невежественный, понимаю, что случилось и кого благодарить. Создается ощущение, что один из нас перерос стадию передаточного звена и превращается в некоего тайного дипломата. Ну и как оно — вершить судьбы мира, Джордж?

— Не понимаю, о чем ты. Я ничего не делал.

— Это другие ничего не делали, — возразил Холлман. — А ты сделал все, что мог, и даже больше. Ладно, не буду тебя смущать. Мы вроде хотели напиться? — Он сделал глоток, задумался. Самому стало смешно — прыснул. Почему бы не задействовать мозговые клетки, пока их не одурманил алкоголь? — Знаешь, приятель, — он перешел на серьезный тон, — есть заслуживающая доверия информация, что мы действительно находились там… ну, на пороге. Я, конечно, поддерживаю свою страну и наших политиков — даже если они не правы. Я все-таки гражданин этой страны. Ты такой же, только с обратным знаком, и это в тебе подкупает. Так вот. Некоторые силы в Пентагоне и сенате вели опасную политику. Они решили, что если и нынешние события будут развиваться по сценарию первого берлинского кризиса — а

СССР в 49-м, если помнишь, пытался блокировать Западный Берлин, — то они применят атомную бомбу. Это достоверно. И применили бы. Даже раньше, чем вы. Но что-то пошло не так, Хрущев убрал танки с Фридрихштрассе, усомнился в целесообразности мирного договора с ГДР… в общем, испортил им всю обедню. Хрущев при этом внакладе не остался, он хотел изолировать Западный Берлин — и он это сделал. Хрен теперь побегаешь через стену. Попытки будут, но уже не массовые. Пристрелят пару — остальные задумаются. Хрущев лица не потерял, просто пошел на небольшие уступки, оставив западных берлинцев вариться в своем котле. Джону Кеннеди волноваться тоже не о чем — демократия не пострадала. Скажу по секрету, Западный Берлин ему вообще не интересен. Важно реноме — что подумают люди. А вот военные чины из Пентагона остались крайне недовольны. Их уязвили. Они будут жаждать реванша. Их прокатили в бухте Свиней, прокатили в Берлине. То есть оскорбили по полной программе. И они отыграются, будь уверен. Все продолжится, может быть, примет другие формы. Но очень скоро, максимум через год, мы столкнемся с таким кризисом, что берлинские заморочки окажутся детской игрой.

Говорю тебе как опытный аналитик, знающий свою работу.

— Где? — спросил Большаков.

— Лично я ставлю на Кубу. Только не говори про шутку, повторенную дважды. На Кубе еще ничего не кончилось, фактически даже не начиналось. Кастро под вашей протекцией будет наглеть, станет костью в горле. Он уже кость в горле. Будут другие попытки его сместить и захватить власть в Гаване. Но я тебе ничего не говорил. — Фрэнк шутливо приложил палец к губам. Ахнул, схватившись за бутылку. — Слушай, это полное безобразие. Заведение скоро закрывается, а мы еще такие трезвые…

В Берлине все закончилось. Принимались соглашения, заключались договоренности — официальные и не совсем. Махать кулаками после драки было глупо — это понимали даже отъявленные «ястребы». Поток разъедающей пропаганды резко спал, снизилось количество шпионов и провокаторов. Пройти через КПП становилось проблематично — только по пропускам. Штази бдительно следило за благонадежностью граждан. Попасть из ФРГ в Западный Берлин можно было по парочке автодорог или самолетом. Маршруты и правила их использования уста-

навливались соответствующими соглашениями. Западный Берлин остался капиталистическим городом, окруженным социалистическим государством. «Рай на земле» стерегла стена, увенчанная колючей проволокой, часовые с автоматами и собаками. Запад проглотил это унижение. Буржуазные СМИ кричали о крупной победе над Советами, не сумевшими проглотить Западный Берлин. Доподлинно неизвестно, произносил ли Хрущев эту фразу, но ее приписывали Никите Сергеевичу: «Берлин — это яички Запада. Когда мне хочется заставить его пищать, сжимаю Берлин — и он пищит».

Время текло, обещанные Фрэнком потрясения пока задерживались. Жизнь в Вашингтоне возвращалась в привычное русло. Порой увлекала работа в журнале — хотелось представлять свою родину с лучшей стороны. Франческа по-прежнему прибегала трижды в неделю, иногда оставалась на ночь, и это вполне устраивало. «Ты точно не замужем? — шутил Большаков. — Настораживает такая регулярность». «У меня даже нет никого другого, — отзывалась Франческа. — Как с тобой познакомилась — словно отрезало. Предложения были, есть — и, надеюсь, будут, но пока не хочу их рассматривать. Подо-

жди, — она насторожилась. — Ты сейчас ни на что не намекаешь? Например, на то, что я могла бы перебраться к тебе с вещами?» Только женщина может сделать вывод из того, чего не было! Он ни на что не намекал. И она бы на это не пошла. Совместный быт, лицезрение день ото дня одной и той же физиономии…

Контакты по неофициальному каналу продолжались. Кризисная ситуация миновала, теперь Большаков работал почтальоном. Роберт снова пригласил в свой загородный дом, познакомил с супругой Этель — что было явно излишним. «Этель — умная женщина, — уверил Роберт. — Никогда не скажет лишнего». Пообщались недолго, у Этель была масса дел. Кто бы сомневался — если семеро по лавкам.

В конце ноября Большакова вызвали в Москву на доклад руководству. Официально — по издательским делам. Как-то неприятно свербило в груди, всплывали разные предположения. Еще и Франческа подливала масла в огонь — устроила классическую итальянскую сцену. Видимо, насмотрелась фильмов с Софи Лорен и ей подобными. Снова, видите ли, предчувствия! Психанула, убежала из квартиры, пришлось ловить на лестнице и возвращать обратно. А

потом доходчиво объяснять, что такова профессия журналиста: то здесь, то там. Она сама об этом знает. «Ладно, — смягчилась Франческа и вытерла слезы. — На этот раз поверю. Но если не вернешься, дорогой… то можешь уже не возвращаться!» Большаков вернулся — триумфально, хотя и затруднялся сказать, со щитом или на щите. В Москве ждала пустая квартира, от проживания в которой отказались даже тараканы, и подробный отчет о проделанной работе руководству ГРУ. В целом начальство оценило его старания, попросило быть аккуратнее с инициативой и проявлять максимальную бдительность. Об оргвыводах и репрессиях речь не заходила. «Мы довольны вашей работой в Вашингтоне, Георгий Никитович, — сообщило начальство. — Неофициальный канал разрешено использовать дальше. Крайне интересно, что представляют собой Кеннеди, их слабые места, их отношение к текущему международному положению и дальнейшие планы. На повестку дня снова выходит Куба, а также размещение американских баллистических ракет в Турции и Европе. Надеюсь, вы в курсе, в какую сторону они отправлены. Еще один вопрос, Георгий Никитович. Возможно ли теоретически поместить дезинформацию

в ваш неофициальный канал?» Вопрос вверг в недоумение. Теоретически возможно все, но… как? Информацию отправляет он лично, получает — так же. Через чужие руки эти сведения не проходят — разве только в тех случаях, когда используется срочная доставка по дипломатическим каналам. Но данный вопрос — не к нему. Роберту Кеннеди вводить его в заблуждение незачем — понимает, что имеет дело с офицером разведки, и однажды станет неловко. Да и нет у Роберта обыкновения сливать секретные сведения. Канал устанавливали не для этого.

Вызова к Хрущеву не последовало. Видимо, Никита Сергеевич был занят. Не сказать, что Георгий обиделся, но задело — самую малость, почти не чувствительно. «Все в порядке, — уговаривал он себя, заваривая кофе в пустой квартире. — Работай дальше, тяни лямку. Только соблюдай инструкцию по технике безопасности при работе с опасными предметами, а также следи, чтобы посторонние предметы не попали в трубу…».

Он бродил по Москве, которую постепенно заваливало снегом, узнавал и не узнавал город. Пестрели плакаты с новым другом Фиделем, утверждалось, что рука агрессора никогда не дотянется до свободолюбивого острова. С деньга-

ми в СССР происходило что-то сложное — цены удивляли. Потом вспоминал, пересчитывал, сравнивал. В прошлом году правительство провело денежную реформу. Все поделили на десять — дабы не усложнять. Тысячи превратились в сотни — и так далее. Процесс назывался деноминацией. Приводили в соответствие цены — на товары, услуги, на все, что связано с хождением денежной массы. Потрясений избежали, народ привык. Но Большакову это было в диковинку — ведь он сто лет здесь не был! Больше всего умилял коробок спичек за одну копейку.

Франческа навалилась с расспросами: как Москва, как вы там живете за железным занавесом? Хорошо ли он себя вел? Большаков отшучивался: Москва хорошеет год от года, неудержимо превращается в лучший город на планете — особенно радуют цены и работа дворников. Занавес, если присмотреться, не такой уж железный, в нем достаточно форточек и проемов. На русских женщин он старался не смотреть, но они веселые и беззаботные. И, вообще, Москва изменилась. Немудрено, ведь он там не бывает по несколько лет… «Минуточку, — насторожилась Франческа. — По моим сведениям, ты летал в Москву в апреле. Прошло чуть более полугода…»

Пришлось признать, что именно так проваливаются даже самые опытные агенты. Почему расслабился? Оправдывался: разумеется, он был в Москве в апреле, но днями напролет торчал в редакции — было много работы. Иногда приходилось ночевать на редакционном диване, Москву практически не видел…

Америка готовилась к Рождеству. Отовсюду звучало надоевшее «Джингл Беллз», эмигранты из СССР крутили «В лесу родилась елочка» — хотя какое отношение эта песенка имела к Рождеству? Праздник был чужд, но популярен в этой части света. Они бродили по рождественским ярмаркам, покупали какую-то ерунду. Радовались, как дети, когда начинал идти снег…

Франческу устраивали такие отношения. Большаков тоже не жаловался, однако временами охватывала неясная грусть. Весна 62-го года пришла рано. Растаяли остатки снега, повысилась температура, но дули холодные ветра. Фрэнк Холлман, кажется, накаркал: ситуация вокруг Кубы вновь осложнялась. Считалось, что режим Фиделя раздавят экономические рестрикции, но расчет не оправдался. Страна со скрипом, но держалась. Революционный энтузиазм не проходил. По мнению Георгия, Америка сама была вино-

вата. Скинувший Батисту Фидель первый свой визит осуществил в Соединенные Штаты. Ссориться с Америкой в планах Кастро не значилось. Но президент Эйзенхауэр отказался встречаться, сославшись на плотный график работы. Такое отношение Фиделю не понравилось. А ведь именно на этом месте история могла пойти другим путем! Кастро обратил свой взор к Москве, попросил помощь. Москва ответила взаимностью. До этого все было не так. К лидеру кубинской революции советское правительство относилось скептически. Перспективы не просматривались — по причине влияния Америки на острове. Кастро же действовал решительно, первым делом намереваясь избавиться от засилья американцев. Национализировал нефтеперегонные заводы, электрические и телефонные компании. В собственность государства перешли филиалы американских банков, многочисленные сахарные заводы, принадлежавшие гражданам США. На первых порах Кастро действовал мягко — бывшим владельцам предлагались пакеты ценных бумаг. Но эти игры в порядочность быстро закончились. США перестали поставлять на Кубу нефть и закупать ее сахар. Куба оказалась в тяжелом положении. Но свято место долго не пустовало.

Через океан устремились танкеры с советской нефтью, советское правительство стало активно закупать кубинский сахар. На Кубу хлынул поток советских специалистов — самых разных отраслей. Заработали паровые электростанции на топливе из отходов сахарного тростника.

В это же время участились встречи Большакова с Робертом Кеннеди. Американцев беспокоило растущее сотрудничество СССР с Кубой в военной сфере. Всплывала информация о закрытых заседаниях Совета обороны, и это напрягало официальных лиц в Вашингтоне. Георгий выслушивал жалобы и пожелания, прилежно транслировал их на другую сторону. Хрущев заверял, что никакой угрозы для Америки действия СССР не несут. Никиту Сергеевича больше волновала возросшая активность Америки в размещении по миру баллистических ракет. Следовал аналогичный ответ: никакой угрозы Советскому Союзу данные действия не несут.

Но чиновники в Вашингтоне явно лукавили. Действия США представляли очевидную угрозу. Начиналась гонка вооружений. Боевые ракеты средней дальности типа «Тор» были размещены в Великобритании. Ракеты «Юпитер» — в южной Италии. Особую тревогу вызывали «Юпитеры»

в турецком Измире. Ракеты имели дальность 2,5 тысячи километров, доставали до любой точки в европейской части СССР. Подлетное время до Москвы составляло 15 минут. Советский Союз досадно отставал в этой отрасли. США могли выставить 6000 ядерных боеголовок, СССР — только 300. У Америки имелось 1300 бомбардировщиков, способных доставить на территорию СССР ядерные «посылки». Америка располагала межконтинентальными баллистическими ракетами «Атлас» и «Титан», ракетами «Поларис», установленными на атомных подводных лодках. Возможности СССР были куда скромнее. Советская сторона могла использовать в основном стратегическую авиацию, ракеты Р-7 и Р-16, но они имели низкую степень боеготовности и высокую стоимость. Оборонная отрасль работала на износ, но для сокращения отставания требовалось много лет. Еще в 58-м году СССР начал размещать свои ракеты в ГДР, позднее стартовые комплексы перенесли в Калининград. Теоретически они накрывали Западную Европу, но фактически были нацелены только на ФРГ. В дни Берлинского кризиса это было важно, но теперь теряло актуальность…

В Вашингтоне завершался Фестиваль цветения

вишни. Разъезжались музыканты, творческие коллективы. К середине апреля установилась стабильно теплая погода. В воздухе зависло тревожное ожидание. Неделю не было вестей от Роберта. Что-то происходило, причем с обеих сторон. На выходе из бара, где Георгий ограничился только чашкой кофе, он почувствовал что-то тянущее под лопаткой. Могло и показаться, но обычно не казалось. Организм реагировал чутко. Это было новостью. В последние месяцы наблюдения за ним не было или практически не было. Он был уверен, что существование тайного канала оставалось тайной. А вот теперь… Ощущения были крайне неприятными. Наблюдали не просто так — с намерениями. Дай бог, если не через прорезь прицела… Он направился к своей машине, стоящей неподалеку, сел за руль, закурил. Двигатель не заводил. Пространство улицы было перед глазами. Ощущения остались, но он не выявил ровным счетом ничего! Обычные прохожие, пенсионеры у дома на лавочке. В машину по его примеру никто не садился. Сзади тронулся и объехал его «Форд» старенький легковой «Студебеккер», за рулем восседал пожилой мужчина. Не то — если, конечно, не поменялись местами стороны света. Работали профессионалы. Настоя-

щего специалиста глазом не выявишь. Но с какой стати? Что-то назревало? Он мог ошибиться, почему нет? Жизнь разведчика полна ошибок и ложных измышлений. Паранойю тоже не стоило списывать со счетов. Он запустил двигатель, вырулил на проезжую часть, косясь во все зеркала. Преследования не было. Объехал квартал, проверился. Никто не висел на хвосте. Да, могло и почудиться…

Происшествие оставило неприятный осадок. В последующие дни он вел себя осторожно, незаметно проверялся. Неприятные ощущения не возвращались, все было штатно. Сообщать резиденту Георгий посчитал излишним. О чем докладывать, если сам не уверен? Выслушать очередное напоминание о том, где он работает? Вновь текли дни, начинался месяц май. Прогрессивная часть человечества отмечала День международной солидарности трудящихся, а Георгий Большаков тянул пиво в баре. Пришел Фрэнк Холлман, напомнил, какой сегодня день, предложил отметить имеющимися средствами. Этот парень в советских праздниках разбирался лучше, чем иной гражданин СССР…

Рецидива не было. Полковник расслабился. В День Победы поймал себя на мысли, что сегодня

ровно год со дня первой встречи с Робертом. Время неслось, как состав, сорвавшийся на склоне с тормозов. Вечером в четверг позвонила Франческа, сообщила интересную новость: завтра они (то есть она и Большаков) садятся вечером в машину и едут в Западную Вирджинию проводить уик-энд. Она уже все решила. Знакомая посоветовала уютный домик в горах, там хорошо и можно отвлечься от городской суеты. Аренду на два дня она уже оплатила. Целых два дня вместе, разве это не прекрасно? Можно погулять по горам, надышаться хвойными ароматами. Или, в качестве альтернативы, двое суток проваляться там же в кровати, наблюдая, как за окном шевелятся мохнатые еловые лапы. Два часа езды от Вашингтона — всего лишь. В воскресенье вечером вернутся.

Горы Аппалачи действительно были чудным местечком. И так похожи на Россию…

— То есть ты все за меня решила? — осторожно осведомился Большаков. — И не важно, есть ли у меня в выходные дела?

— К черту дела! — вскричала Франческа. — Представляешь, только ты и я!

Георгий зажурился, представил… и согласился, что идея хорошая. И почему он сам такого не придумал? Франческа прибыла в пятницу на такси,

взлетела на третий этаж и повисла на шее — вместе с сумкой. Затем спрыгнула и засуетилась.

— Так, вперед, ты уже готов? Вещи собраны, машина исправна и заправлена? Еду можешь не брать, там неподалеку симпатичный городок Хогерти, в нем купим мясо и все, что пожелаешь. Не хочешь, кстати, помолиться — чтобы следующие два дня растянулись в вечность?

В этой поездке действительно что-то было. Город надоел хуже горькой редьки. Неотложные дела на уик-энд не планировались. Выходные обещали быть теплыми, народ тянулся из города. У моста через Рок-Крик образовался внушительный затор, но быстро рассосался. Настроение было приподнятое, Франческа трещала без умолку. Подержанный «Форд» энергично покорял загородные пространства. На горизонте в синеве вырисовывались горы. Хвост не появлялся. Досадные мелочи не могли испортить настроение. Бензин, которым он заправился на углу 14-й улицы и безымянного переулка, оказался не очень качественным: машина пыхтела, как паровоз. Допустил оплошку в зоне проведения дорожно-ремонтных работ — «Форд» подпрыгнул на препятствии. Франческа разразилась критической тирадой: здесь ему не СССР, там, может, и

хорошие дороги, но в этой благословенной стране нужно ездить очень осторожно. Затем, пробегая по диапазону частот в приемнике, наткнулась на прогноз погоды. В Западной Вирджинии на ближайшие выходные ожидалась отличная погода. Но в воскресенье возможен дождь — местами переходящий в ливень.

— Отличная погода? — возмутилась Франческа. — Они совсем там совесть потеряли? Скажи, дорогой, кто все эти люди, которые решают, какой быть погоде?

— Не говори, дорогая, — бормотал Георгий, сдерживая смех. — Это возмутительно, мнением простых людей никто не интересуется.

В продуктовом магазине близ Хогерти он купил все необходимое, включая бутылку калифорнийского вина. Местные «ковбои» сидели на завалинке, курили трубки и с молчаливым интересом разглядывали Франческу. Минут через двадцать Большаков съехал с шоссе, стал подниматься по горному серпантину. Открылось плато, заросшее лесами, бревенчатые домики в разрывах еловых лап. Блеснуло озеро. До темноты въехали в поселок, растянувшийся по склону горы на полмили. Участки стояли обособленно, окруженные деревьями, приватность здесь была

практически абсолютной. Двухэтажный дом из мощных бревен производил впечатление. Широкая веранда, покатая крыша, приличная придомовая территория. Немного мрачно, но внушительно. Франческа побежала искать ключ, оставленный хозяевами в условном месте. Затем бродила по меблированным комнатам, озирая стены, обитые панелями. В обстановке звучало что-то навязчиво лубочное.

— Никого дома? — пошутил Большаков, втаскивая сумки.

— Абсолютно, — прошептала Франческа, задирая голову. — Слушай, а зачем нам второй этаж, если все нужное находится на первом?

«Нужными» объектами оказались камин и спальня. Пользоваться первым объектом смысла не было — не зима. Второй же был крайне важен и актуален. Его изучали со всем пристрастием, особенно мягкую кровать, на которую при желании мог бы сесть и вертолет.

Ночь прошла очень мило и трогательно. Франческа шутливо вздыхала: когда же мы с тобой начнем по-настоящему ругаться? Наутро Георгий принес ей кофе в постель. Франческа ворчала: лучше бы зубную щетку принес вместе с умывальником, но поступок оценила. Суббота

прошла отлично. Небо временами хмурилось, но как-то несерьезно — тучи разбегались, выходило солнце. Соседи на глаза не попадались, только несколько машин проехали мимо. Франческа потянула спутника в горы, несколько часов они блуждали по крутым тропам, навестили озеро в компактной природной чаще. В прозрачной воде отражалось солнце, поблескивали камни на дне. Корабельные сосны стерегли водоем. Они сидели на камнях, Георгий обнимал свою девушку, Франческа доверчиво положила голову ему на плечо. Уходили без возврата мрачные мысли, делалось спокойно.

— Вот видишь, — ворковала девушка, — это и называется отдых. Почему мы никогда не совершали такие вылазки?

Опять отправились в гору, посидели на краю утеса, под которым открывался живописный вид. Журчала горная речка, вода устремлялась с высоты, разбивалась о камни. Целовались на свежем воздухе, это было так странно и романтично. Словно годы отступали, возвращалась молодость. Потом Георгий оступился, плюхнулся в грязь, чертыхался, очищая ботинки, Франческа хихикала, советовала подлечить глаза. И даже это не испортило настроение. Барбекю у веран-

ды, бутылочка вина, а впереди еще одна ночь, а завтра — целый день…

Франческа разбудила его посреди ночи, не на шутку взволнованная.

— Джордж, очнись, хватит спать… Мне кажется, во дворе кто-то есть…

Ну, вот еще новости! Она сидела перед ним в халате, тревожно блестели глаза. Пространство погружалось в полумглу. Ночь заглядывала в узкую щель между шторами.

— Что с тобой? — проворчал Георгий. Взял ее за руку — рука была холодной. — Ты словно испуганная…

— Я и есть испуганная, — зашептала девушка. — В туалет пошла, дверью нечаянно хлопнула — шум услышала на крыльце. Знаешь, милый, в таких ситуациях бывает страшно, согласись.

— Согласен, — допустил Большаков. — Ты правильно сделала, что оттуда убежала…

— Да ну тебя с твоими шуточками, — рассердилась Франческа. — Там точно кто-то есть, я уверена. К окну подкралась — оно как раз во двор выходит, — смотрю, человек через двор переходит, а там, у кустов, еще один стоит… Постояли и, кажется, к дому пошли……

Георгий вздохнул, выбрался из кровати, натя-

нул халат. Дорогу к выходу помнил, свет включать не пришлось. До входной двери оставалось несколько шагов — встал как вкопанный, сердце екнуло. На крыльце скрипнула половица. Он стоял и слушал. Снова неприятный звук — кто-то прохаживался по крыльцу. Словно намеренно привлекали к себе внимание. Становилось не по себе.

— Вот видишь, я же говорила… — прошептала в затылок Франческа. — Может, это соседи…

За солью пришли? Только в дверь почему-то не стучат.

— Отойди подальше, — проворчал Георгий. Он на цыпочках вернулся в гостиную, с протяжным металлическим звуком извлек из подставки кочергу для камина. Сжимая рукоять, отправился обратно.

— Что ты делаешь? — Франческа неприкаянно мялась у порога в спальню. «Пытаюсь соответствовать высоким стандартам», — подумал Большаков. Жан Маре, Кирк Дуглас, иже с ними… Он подошел к порогу, повозился с замком и распахнул дверь. Ахнула Франческа. За порогом никого не было. Темный прямоугольник проема, небо, покрытое облаками. Ночная свежесть потекла в дом. Поколебавшись, он шагнул за порог,

осмотрелся. На крыльце было чисто. Под навесом висела лампа, но не работала. Темнота окружала дом. Проявлялись предметы: машина у входа, опрятные ели за подъездной дорожкой, беседка на поляне — она просматривалась насквозь. Он всматривался в темноту, слушал. Ничто не указывало на присутствие посторонних. Он подошел к краю крыльца, заскрипели половицы под ногами. Именно так они и скрипели пару минут назад. И что это было? Померещилось обоим? Франческа высунулась из-за косяка.

— Пойдем, Джордж, глупо это…

Еще как глупо! Злость разбирала, что за уроды напугали Франческу? Да и его, если честно… Георгий вернулся в дом, заперся. Нормальные люди в подобных ситуациях звонят в полицию — если имеют под рукой телефон.

— Ерунда, — буркнул он, — Бродяги или еще какая шантрапа — попугать решили. Может, адресом ошиблись.

— А, может, это те маньяки, которых мы вчера у магазина видели? — предположила Франческа. — Ну, помнишь, такие неприятные, в шляпах — так пронзительно на меня смотрели…

Версия была отличная, но хромала на обе ноги. Те «маньяки» за ними не ехали и где они поселят-

ся, знать не могли. И не маньяки они, а обычные бездельники из маленького городка.

Он почти успокоил свою подругу. Натужно посмеиваясь, лежали в постели, но раздеваться уже не стали. Франческа уснула, Большаков лежал с открытыми глазами, прислушивался. Посягательств больше не было, да и то, что произошло, было трудно назвать посягательством. Он отправился в прихожую, курил у открытой форточки, являя собой привлекательную мишень. Далеко в лесу угрюмо покрикивал филин, порывами свистел ветер. Парочка предположений имелась. Маньяки могут спать спокойно. Но зачем? Какой смысл пасти его здесь, вдали от цивилизации? Да еще так явственно лезть. Психологическое давление? Но они не знали, что Франческа встанет посреди ночи. Хотели бы нанести вред, давно бы это сделали. Получили приказ ПОСТОЯННО держать его под наблюдением?

Другого объяснения не было. Похоже, начинались веселые деньки…

Остаток ночи никто не беспокоил. Утром проснулись оттого, что дождь молотил по карнизу. Не подвели синоптики. Небо затянули черные тучи. Франческа прижималась к нему, отказывалась вставать. Потом слонялась по до-

му молчаливой зыбью, заглядывая во все углы. Георгий с зонтом спустился к машине, проверил ее. «Форд» был в порядке, никто не напакостил. Опускалась температура, и даже в доме становилось прохладно. Настроение было испорчено. Франческа куталась в кофту, пила кофе мелкими глоточками.

— Настроения нет, — резюмировала она. — Погода дрянь, да еще эти ночные гости, будь они неладны… Поедем домой, что тут сидеть?

Предложение принималось. Возникало пугающее чувство, что он подставляет Франческу под удар. «А ведь ты уязвим, — внезапно осознал полковник. — Вот она, твоя уязвимость, — худенькая итальянка с большими глазами…»

Они покинули особняк еще до обеда. Дождь пошел на спад, моросил мелкими каплями. Препятствий не возникало. Вывернув на шоссе, Георгий облегченно вздохнул. Дождь прекратился. Франческа съежилась, уныло оглядывала окружающий мир. Она почти не разговаривала. Загородная дорога была сравнительно пуста. Большаков прибавил скорость.

Откуда взялся этот чертов серый «Шевроле»? С второстепенной дороги никто не съезжал. А вот теперь этот объект явственно болтался на хвосте.

Машина неприметная, обычный седан с плохо читаемыми номерами. «Шевроле» держался на дистанции в полтораста метров, не приближался, не отставал. А также особо не скрывался. Георгий прибавил газ — и тот начал разгоняться. Притопил тормоз — и тот сделал то же самое. Франческа заволновалась, встревоженно завертела головой — трудно не заметить эти маневры.

— Что ты делаешь? — Она уставилась в зеркало заднего вида и, кажется, поняла, побледнела. — Джордж, кто это?

— Понятия не имею… — Он плавно затормозил, съехал на обочину. В «Шевроле» сделали то же самое. Транспортные средства разделяли те же полтораста метров. Смутно выделялись головы пассажиров в шляпах.

— Что они хотят? — не унималась Франческа. — Куда ты вляпался, дорогой? Это ведь те самые люди, что топтались ночью вокруг дома?

Он понятия не имел, те или другие. Спутница вдруг осеклась, уставилась на него очень выразительно. Может, и раньше подозревала, что работа Большакова в редакции — не основная. Но гнала от себя эти мысли. Главное, что он с ней, а что касается его подноготной… Просто не хотела ничего знать!

— Франческа, милая, я не знаю, кто эти люди, — возмущенно заговорил Большаков. — Может, теперь так принято — следить за всеми иностранцами, особенно из Советского Союза. Я разберусь, не волнуйся. — Он открыл дверцу, стал выбираться из машины.

— Нет, стой! — Она вцепилась ему в рукав. — Не делай этого! А вдруг это гангстеры? Ты знаешь, какая преступность в этой стране? Сядь, говорю! — Она готова была взорваться. — Поехали скорее, может быть, отстанут…

Он уступил — девушка и без того была напугана. «Форд» оторвался от обочины, покатил, разгоняясь. «Шевроле» отправился следом, стал догонять. Достиг дистанции в сто пятьдесят метров и дальше шел, не приближаясь. Они издевались! Как назло, заканчивался бензин. Георгий повернул на заправку. Франческа стала протестовать, но замолчала, глянув на датчик топлива. Без горючего, увы, далеко не уедешь.

— Вызови полицию, — попросила она.

— И что я им кажу? — возразил Большаков. — Что за нами едет машина? Да копы только пальцами у виска покрутят. Все в порядке, милая, они за нами просто наблюдают. А как выйдешь на работу, обязательно поинтересуйся, не издавал

ли Гувер очередной приказ об охоте на ведьм.

Пока он заправлялся, «Шевроле» стоял на шоссе у обочины. Выехал на дорогу — и соглядатаи пристроились сзади. Это изрядно мотало нервы. Сам бы выдержал — не маленький, — но переживал за Франческу. На девушке лица не было. Движение у города уплотнилось. За мостом через Рое-Крик Георгий последним пересек светофор на зеленый — механизм переключился. Потоки слева и справа уже напряглись, газовали на нейтральных оборотах. Безголовыми надо быть, чтобы проскочить за ним! Шпики не рискнули, остались на той стороне. В принципе правильно решили — куда денется объект? На перекрестке Большаков повернул направо, стал плутать по переулкам…

Глава седьмая

Что это было? Он сломал всю голову. Позвонить в ФБР и спросить? А они точно из ФБР? Шляпы — не показатель. Эти люди могли работать на ЦРУ, которому (к слову) запрещено проводить операции внутри страны, на сенаторов с Капитолийского холма, на чинов из Пентагона, любящих играть в пинг-понг ядерными бомбами… Пронюхали про канал связи? Другого варианта не вырисовывалось. А это, как ни крути, невиданной щедрости подарок для недоброжелателей президента. Связь Кеннеди с советской разведкой — это бомба. Но действуют сдержанно, значит, имеют только подозрения и косвенные доказательства. Достоверной информации нет. Щиплют нервы, выводят из себя — чтобы наделали ошибок и прокололись. Значит, что-то назревает. И задача-максимум у этих ребят — прищучить президента, а задача-минимум — отключить канал…

Он довез Франческу до дома, выслушал «задушевную» тираду — за что обнял и поцеловал. Ей не о чем беспокоиться, он все выяснит. Уверен, объяснение всех устроит. Он не делал ничего

предосудительного, американских законов не нарушал. Девушке ничего не грозит. Но если что-то все же случится… то она должна сообщить немедленно.

— Я разберусь, не переживай, — он щекотал ее носом, заставляя улыбнуться, — Уверен, это ерунда. Но давай в ближайшую неделю ограничим наши встречи. Пойми, так будет лучше для тебя…

Арендованную квартиру на Портсмут-драйв в его отсутствие никто не посещал. Он бы обратил внимание на пару «несоответствий». Филеры глаза не мозолили. Ночью Георгий спал спокойно, утром наблюдения не выявил. Да они точно издевались!

— Сочувствую, — развел руками резидент Слуцкий. — Помочь не могу, разве что выписать из Союза взвод специального назначения ГРУ. Но спасибо, что доложил. Браться за разбор пока рано, Георгий, слишком мало информации.

Порой казалось, что резидент затаил обиду и втайне ревнует. Константина Васильевича можно было понять. Но карьерная лестница в родном ведомстве Большакова не интересовала. Дважды убедившись в отсутствии хвоста, из автомата напротив Национальной галереи он позвонил на

номер Филиппа Левинсона, произнес условную фразу: «Если вас не затруднит», означающую, что он работает без принуждения, но ситуация срочная.

— Я вас понял, сэр, — отозвался Фил. — Место встречи от десятого апреля. Время встречи — такое же. Я передам Барбаре, она непременно с вами встретится.

Десятого апреля он встречался с Робертом в парке у Национальной аллеи. В глубине зеленой зоны работала кофейня, которая именно в тот момент оказалась закрытой на «санитарный час». Сотрудники заведения получили указание помалкивать. Сегодня Большаков явился заранее, почтил присутствием мемориал Вашингтона, прогулялся к монументу Линкольна, посидел на лавочке у зеркального пруда. Если хвост изначально присутствовал, то благополучно оторвался. Для уверенности он прошел по задним аллеям, снова устроил перекур. Полковник, как всегда, отлично выглядел — одет с иголочки, пострижен, сияли начищенные туфли. В условленный час он вошел в заведение с черного хода, кивнул охраннику — в обязанности последнего входило отсекать посторонних и предотвращать чрезвычайные ситуации. Роберт Кеннеди был

уже на месте, видимо, только пришел — мыл руки в санузле за стенкой. Вышел с вафельным полотенцем, дружелюбно улыбнулся.

— Надо же, Джорджи, мы с вами прибыли почти одновременно. Присаживайтесь, сейчас принесут кофе и пончики. В этом заведении их пекут лучше, чем моя Этель.

Замолчать недавние события в Аппалачах Большаков не мог. Попутно поделился опасениями и догадками. Роберт продолжал улыбаться, но уже как-то грустно.

— Считаете, они могли рассекретить наш канал?

— Вряд ли, Роберт. Но определенного плана информацию эти люди получили и будут копать дальше. Однажды получат серьезные доказательства, и тогда у вашего брата начнутся проблемы. Это всего лишь предположение, но оно достаточно правдоподобное. В этой связи есть два варианта, Роберт…

— Понимаю вас, — генеральный прокурор поморщился. — Закрывать канал мы не станем. Он нужен. А в скором времени станет крайне нужен. Джон возлагает на нашу связь большие надежды. Другое дело — усилить меры безопасности. Вам нужна охрана?

— Спасибо, Роберт. — Георгий улыбнулся. — Вашу охрану выявят следящие за мной люди, и у них появятся дополнительные вопросы. А уж какие вопросы появятся у моего руководства, когда они об этом узнают…

— Да, вы правы, предложение непродуманное, — согласился Роберт. — Как понимаю, угрозы жизни и здоровью на данный момент нет. Но все равно будьте осторожны. Мы проработаем характер подготовки к нашим встречам. Вы получите дополнительные телефонные номера — помимо номеров Фила и Марка. Усилим конспирацию, друг мой, — Роберт невесело усмехнулся, — раз уж докатились до такой жизни. Явочные площадки, коды, шифры, шпионская атрибутика… Это горький юмор, не обращайте внимания. Решите эти вопросы с Филом, хорошо? Он находится в соседней комнате. А сейчас давайте поработаем, Джорджи. Мой брат крайне недоволен Кубой. Кастро продолжает разрушать то, что наши соотечественники выстраивали многие десятилетия. Промышленность фактически разрушена, и в этом он винит Америку. Наши компании понесли колоссальные убытки. Мы не понимаем, зачем Кастро лишний раз злит Америку. Кому это на пользу? Фидель должен умерить прыть.

— Я передам ваши пожелания премьеру Хрущеву. Признаться честно, я тоже не понимаю, зачем сторонам осознанно идти на обострение.

— Рад, что мы рассуждаем одинаково, Джорджи. Также Джона тревожит усиливающееся сотрудничество с вашей страной. Экономика — ладно, похвально, что вы решили ее поднять. Но вызывают озабоченность участившиеся заседания Совета обороны СССР. В Москву одна за другой направляются кубинские делегации — и это люди в погонах. На прошлой неделе — ответный визит. На Кубу прибыли высокопоставленные чины из Министерства обороны СССР. Разговаривали с Фиделем за закрытыми дверьми, журналистов не позвали. О чем шла речь — неизвестно. На следующий день Фидель совещался со своими министрами, особенно долго говорил с Эрнесто Че Геварой. Повторилась встреча с советской делегацией, после чего советские посланники отбыли в аэропорт. По некоторым признакам, стороны пришли к договоренности, настроение у членов делегации было приподнятое. В этой связи у Джона возникают вопросы. Не мог бы ваш премьер прояснить ситуацию?

— Конечно, Роберт, я все передам. Но что вас смущает в этих контактах? Не секрет, что на-

ши страны сотрудничают в военной области. Кубинской стороне передается оборонительное вооружение, инструкторы из СССР обучают военному делу кубинскую молодежь. Куба выразила желание идти по социалистическому пути развития — что удивительного в том, что СССР ее поддерживает?

— В портах Мурманска, Севастополя, Ленинграда под загрузкой стоят многотоннажные морские транспорты. Погрузка в трюмы осуществляется в обстановке секретности. Доходит до смешного. — Роберт усмехнулся. — Запускается информация, что суда направляются на Чукотку по Северному Ледовитому океану. Подходят грузовики с теплой одеждой — и ее тоже отправляют в трюм. В дальнейшем эти суда обнаруживаются в Атлантическом океане — и направляются в сторону Кубы.

«Ошибка навигации?» — подумал Большаков. Улыбку удалось оставить при себе. Одержимость советских властей секретностью, порой доходящая до абсурда, — вовсе не тайна за семью печатями.

— Первые суда уже достигли портов Кубы, осуществили разгрузку, — продолжал Роберт. — Это серьезная операция, Джорджи, задействован

целый флот. По нашим оценкам, в этом походе участвует не один десяток судов. На палубах — люди в гражданской одежде, и есть подозрение, что это переодетые военнослужащие.

Американские самолеты постоянно облетали эти суда, пилоты вели съемку. Никакой враждебности члены команды не выказывали, приветливо махали. При большом желании в этом можно было усмотреть издевку.

— Не спорю, ваши страны могут поддерживать торговые и прочие отношения, но беспокоит, что это происходит рядом с нами. Хотелось получить объяснения, Джорджи.

— Хорошо, я попрошу премьера Хрущева подробно осветить эту тему. Но уверен, Роберт, что характер грузов, а также наше сотрудничество в военной сфере не несут угрозы безопасности Соединенных Штатов. Вы должны понимать, что после неудавшегося вторжения в залив Свиней правительство Кубы хочет усилить свой оборонительный потенциал. Данные поставки никак не связаны с наступательным оружием — я в этом глубоко убежден.

А разве имелись варианты? Он не сомневался, что перевозится оборонительное вооружение. Иная информация отсутствовала — в против-

ном случае всплыла бы. Перейти грань стало бы верхом безумия, и Хрущев это должен понимать. Но, как говорят в России, у кого что болит… Роберт пытливо всматривался в глаза собеседника, остался доволен увиденным, расслабился. Странно, «Юпитеры», размещенные в Измире и способные уничтожить Москву за двадцать минут, американцев не смущали. О том, что чувствует Хрущев и прочие советские граждане, никого не интересовало. Американцы дико боялись ядерной атаки на свою территорию. В истекшем месяце в США проводились учения по отражению ядерного удара. Задействовали корабли Атлантического флота ВМС США. Веселый спектакль разыгрывался у берегов Северной Каролины. Был сымитирован авиаудар вероятного противника. На учениях присутствовал сам Джон Кеннеди — взошел на борт новейшего авианосца «Энтерпрайз». Он лично наблюдал, как самолет, движущийся без участия пилота, скинул болванку, имитирующую ядерную бомбу. Муляж упал совсем рядом и, окажись настоящим боеприпасом, не оставил бы от авианосца даже воспоминаний. Зенитные ракеты, выпущенные с корабля, пролетели мимо цели. Истребители прикрытия ударили ракетами «воздух-воздух» —

и тоже промазали. Учения показали низкую эффективность сил ПВО. Кеннеди остался крайне недоволен.

— Можно начистоту, Роберт? — сказал Большаков. — Как бы вы отнеслись к тому, если бы из-за Кубы разгорелась очередная мировая война?

— Как бы я отнесся? — усмехнулся Роберт. — Да никак бы не отнесся, Джорджи. Я бы умер. И все остальные бы умерли — и даже вы. Я готов сделать все возможное, чтобы эта война не началась.

Он говорил искренне. Но это не мешало окружению Кеннеди плести козни вокруг Кубы и норовить свергнуть Кастро. Надо полагать, это было другое.

— Можете не сомневаться, никто в администрации не хочет войны. И правительство не хочет. Но среди генералитета и отдельных членов Комитета сената по обороне… — Роберт замялся, — есть люди, склонные к войне. Они готовы атаковать, не задумываясь о последствиях. И, уверяю вас, без сомнений нажмут ядерную кнопку… При этом, Джорджи, они вовсе не производят впечатления сумасшедших. Внешне нормальные рассудительные люди. Но они становятся просто одержимыми, когда речь заходит о вашей

стране… Держу пари, что люди, с которыми вы столкнулись, работают именно на них…

— Добрый день, Мария Владимировна, — вкрадчиво поздоровался Большаков. — Вы отлично выглядите, и на фоне этого цветущего куста — сущая «Незнакомка» Крамского. Признайтесь, в чем секрет? Со временем вы становитесь только лучше.

Женщина, сидящая на скамейке в том же сквере, что и год назад, была действительно хороша. Волнистые волосы обвивали лицо, выразительные глаза были грамотно подведены, что вызывало эффект их увеличения. Она выглядела моложе своих лет. Отдыхающих в сквере было немного, ничто не мешало говорить свободно.

— Все время забываю, сколько вам лет, Мария Владимировна, — приукрасил Георгий, присаживаясь рядом. — Тридцать?

— Тридцать, — согласилась дама. — Скоро десять лет, как тридцать. А вы коварный льстец, Георгий. И, кстати, тоже сносно выглядите. Поражаюсь, как вам удается в отсутствие жены быть таким ухоженным.

— Может быть, поэтому и удается? — Георгий засмеялся. — Рад тебя видеть, Маша. Судя по картинке, дела идут в гору? Как личная жизнь?

Как бизнес?

Мария Добрянская — тайный агент ГРУ, она же Элен Хартман — владелица салона красоты и добропорядочная американская гражданка — обаятельно улыбнулась.

— Личная жизнь — не твое дело, Жора. Бизнес развивается, дела идут неплохо. Есть желание расшириться и открыть парочку филиалов.

— Да ты прямо акула капиталистического мира, — покачал головой Большаков. — Когда же начнешь расшатывать его изнутри? Выбивать, так сказать, опоры?

— Скоро, — кинула Мария. — Но чтобы начать это делать, нужно укрепить свои позиции. Иначе не получится. Теряете пунктуальность, Георгий Никитович. — Мария посмотрела на часы.

— Прости, — буркнул Георгий. — Все вопросы к двум субъектам в шляпах, решившим повисеть на хвосте. Это были профессионалы. Уйти удалось, лишь воспользовавшись черным ходом в баре «Папа Джошуа».

— Где ты попутно опрокинул пару кружек. — Мария понятливо кивнула. — Не буду спрашивать, избавился ли ты от хвоста — боюсь тебя обидеть. ЦРУ и Пентагон разрабатывают очередной план свержения режима Кастро на Кубе.

Операция называется «Мангуст» и уже обретает конкретные черты. Попытка покушения на Фиделя провалилась, но это не значит, что не будет других. Задействуется оппозиция — та, что осталась после известных событий. В ход идут все средства: диверсии, саботаж, пропаганда. Но это ты и так знаешь. О конкретике. Операцию «Мангуст» возглавляет Эдвард Лэнсдейл — от Министерства обороны. Грамотный и неглупый военный. А также Уильям Кинг Харви — он от ЦРУ. Известен тем, что успешно боролся с повстанцами на Филиппинах, а также преуспел в поддержке режима Нго Динь Зьема во Вьетнаме. Операция серьезная, помимо ЦРУ и Пентагона задействованы министерства финансов, торговли, а также миграционная служба. Операцию планировали начать в марте, потом отложили на май, а теперь открылись новые обстоятельства — СССР поставляет на Кубу оружие, и с кондачка уже не пойдешь, нужно выяснять, чем конкретно располагает Фидель. Так что все откладывается на пару месяцев. Но обязательно начнется, и есть опасение, что могут пострадать советские граждане…

— Что известно конкретно?

— Они проделали работу над ошибками, под-

вергли анализу бойню в заливе. Решили, что главная ошибка — недостаточное авиационное прикрытие действий на земле. А также многое позволили кубинским ВВС. В «Мангусте» задействовано больше авиации. В основном бомбардировщики Б-36. Реакцию кубинских ВВС планируется купировать. Предварительно нанесут удар по четырем целям. Это авиабазы «Сан-Антонио», «Кампо-Либертад», а также военно-морские базы в Батабано и Нуэво-Херона. Бомбить будут качественно — до полной утраты кубинцами боеспособности. То есть планируется уничтожить авиацию на земле еще до начала основной фазы операции. Потом начнется непосредственно высадка. Где — неизвестно, но я над этим работаю. Часть сил вторжения сбросят с парашютами, другие будут высаживаться с малых быстроходных катеров, блокировать базы сухопутных сил. В Майами формируется мощная авианесущая группа. На авиабазу в Рио-Педро в Гватемале доставляются списанные самолеты, которыми будут управлять кубинские летчики. Машины еще на ходу, могут нанести ощутимый вред…

Он слушал и запоминал. Какие части, количество коммандос, какие силы ВМС США будут

поддерживать повстанцев. У Марии, без сомнения, был ценный источник информации — получала горячие сведения из первых рук.

— И твой разлюбезный Роберт Кеннеди — в гуще всего этого шабаша, — добавила Мария. — Но парень, разумеется, за мир и добрососедские отношения между всеми странами.

«А когда одно мешало другому?» — подумал Георгий. Разница в дальнейших шагах. Есть локальная проблема, разбухшая настолько, что никакие переговоры не помогут. А есть мировая война, от которой камня на камне не останется.

— Дежавю какое-то, — пробормотал Георгий. — Год назад мы с тобой тут сидели, обсуждали Кубу. И вот опять — ничего не меняется в жизни…

— Кастро еще доставит им хлопот, — усмехнулась Мария. — Но это нормально, лишь бы нам не доставил. Быстро он окрашивается в красный цвет, не находишь? А ведь изначально этот парень ничего не имел против США. Американцы допустили фатальную ошибку. Заигрывать с ним надо было с первого дня — глядишь, и обошлось бы. А теперь само не растает. Доволен моей лекцией, Георгий?

— Да, Маша, спасибо, ты просто гений шпионажа. Подожди, еще не все, — спохватился

он. — Мне нужно знать, кто мутит воду. Братья Кеннеди, невзирая на их недостатки, мировой войны не хотят, готовы договариваться и идти на уступки. Но есть силы, им противодействующие. Им нужна война, они не прочь даже сбросить парочку «ядреных» бомб. Эти люди копают под Кеннеди, копают под меня. Пока ведут себя сдержанно, но что будет дальше? Они не успокоятся, пока не устранят даже малейшую вероятность мирного решения конфликта. Предполагаю, то это Пентагон и ЦРУ. Возможно, им благоволит кто-то в сенате. Кто эти люди? Хорошо бы знать их фамилии, род занятий. Твой источник на такое способен?

— Хорошо, я попытаюсь выяснить, — кивнула Мария. — Ох, Георгий Никитович, — посетовала разведчица, — любите же вы информацию на блюдечке с голубой каемочкой.

— А кто не любит, — засмеялся Большаков. — Успехов, Мария Владимировна, — на ниве, так сказать, капиталистического труда. А где ваша забавная собачонка? — вспомнил он. — Ее ведь звали Фанни? Только не говорите, что с ней случилось что-то страшное. Она была такая молодая.

— Она и сейчас не постарела, — уверила Мария. — Фанни наказана за неподобающее поведе-

ние. Представляешь, это чучело царя небесного съело парик моей клиентки! Пришлось лезть из кожи, чтобы не допустить скандала. Ее муж работает в Агентстве национальной безопасности, и я уже почти с ней подружилась, как вдруг, откуда ни возьмись, эта сволочь… — Голос Марии зазвенел от возмущения.

Темнело. Пару остановок Георгий проехал на автобусе — надоело стаптывать ботинки. Пассажиров было немного, поглядывали на него с ленивым любопытством: такой хорошо одетый господин, а пользуется общественным транспортом. Склонив голову, его разглядывала женщина с афроамериканскими чертами — молодая, но уже побывавшая в употреблении. Он сошел на 11-й улице, отправился на стоянку к своей машине. В окнах редакции журнала уже не горел свет — разошлись товарищи и единомышленники. Машина не заводилась — вот так номер. Он подергал рычаги, пощелкал выключателями — никакой взаимности! Вылез из салона, забрался в капот. Похоже, помер аккумулятор или что-то еще. Чертовски обидно! До арендованной квартиры на соседней улице он добрался бы и пешком, но в планах значилось попасть в посольство и отправить шифрограмму в Москву. Никакого

компромата при себе не было, вся информация хранилась в голове. Он покрутил клеммы, снова попытался завести двигатель, плюнул и отправился на автобусную остановку, с которой недавно прибыл. Придется завтра жаловаться посольским, чтобы прислали автомеханика.

В этот момент и натянулась кожа под левой лопаткой. То самое место, остро реагирующее на внимание посторонних. Могло и почудиться, но он так не думал — слишком много событий произошло в последнее время. Георгий не останавливался, но сбавил ход. Оглядываться не стал, что это изменит? Ждали в окрестностях стоянки, резонно полагая, что когда-нибудь он придет за машиной? Дай бог, если так, а не раньше. Но на встрече с Марией он ничего не чувствовал, не могли его пасти. Он ведь не первый день в этой профессии! Внимание было вызывающим; профессионалы, заинтересованные в скрытности, так себя не ведут. Он вышел на остановку, где ожидали автобуса несколько человек, встал и устремил в пространство ждущий взгляд. Копилась злость. Это было некстати. Как насчет холодного разума и полного спокойствия? Подошел автобус, курсирующий по 16-й улице, пассажиров в салоне было с гулькин нос, имелись свободные места. Город-

ским властям удавалось не доводить до толкучки в транспорте — на линии выходило большое количество автобусов. Георгий вошел в среднюю дверь, продвинулся к голове салона и сел так, чтобы видеть всех входящих. Одновременно с ним в автобус вошли четверо: двое пожилых людей и пара мужчин не самого презентабельного вида. Пенсионеры разошлись по свободным местам, а эти двое остались на задней площадке, держались за поручни и смотрели в окно. Они почти не разговаривали. Белые парни, не сказать что бродяги, но смотрелись неважно. Давно не стирались, не постригались. Мешком висели штаны. Через плечо рыжеволосого детины была перекинута скрученная дождевая накидка. Второй был ниже ростом, плотно сбит, поглядывал на мир исподлобья близко посаженными глазами.

Публика не самая почтенная, но для городского автобуса — нормальная. На них не обращали внимания. Они тоже не проявляли интереса к окружающим, висели на поручнях, демонстративно зевали. Обменялись парой слов, после чего обладатель рыжей шевелюры как-то невзначай покосился в сторону Большакова. Георгий успел отвести глаза. Развеялись сомнения. Но осталось непонимание. Он готов был съесть свою шля-

пу, если эти ребята — сотрудники спецслужб! Привлекают к работе местный люмпен? Но зачем? Ехать в посольство Большаков передумал. Не проходила злость. А еще хотелось ответов. Он больше не смотрел на своих «попутчиков», отвернулся к окну. Автобус начал замедляться у очередной остановки. Большаков решился — встал и направился к выходу. Заметил краем глаза, как насторожилась публика на задней площадке, парни переглянулись. Не ожидали, что он сойдет так рано. Уже стемнело, но городские улицы еще не опустели. Работала подсветка на помпезных зданиях, построенных в викторианском стиле. Это был еще благополучный район. Он покинул автобус. Двое вышли параллельно из задней двери. Закрылись двери, автобус отправился по маршруту. На остановке находились люди, и «сопровождающие» вели себя прилично: стояли в стороне, ждали. Подошел автобус, следующий на восток, через не самые благополучные кварталы. Георгий не раздумывая забрался внутрь. Начнет раздумывать — ничего не выйдет. Пассажиров было много, он расплатился с упитанной негритянкой, отвернулся к окну. Сели ли эти двое, даже не видел. Но скорее да, чем нет. В салоне неприятно пахло, водитель резко тормо-

зил, покачивались головы пассажиров. Автобус сместился на левую полосу, водитель ждал, пока переключится светофор, — стал вращать массивную баранку, уходя влево. Дома с подсветкой стали пропадать. К востоку от центра находились не самые фешенебельные районы — а дальше на восток они переходили в откровенные трущобы.

Георгий сошел на четвертой по счету остановке. Царила темень, только в стороне горел одинокий фонарь. Удивленно покосилась кондуктор — куда это он? Большаков добрался до угла бетонного забора, повернул на едва различимую во мраке дорожку. Боковое зрение работало — за ним с остановки скользнули две тени. Что и требовалось доказать. Отступать было поздно. Георгий ускорился, добежал до конца дорожки, сбавил темп. Двое вывернули из-за угла, видимо, удивились, почему объект оказался так далеко. Он повернул за приземистую постройку, снова пробежал метров двадцать. В округе не было ни души, только расселенные четырехэтажные здания. Вываливались кирпичи из кладки, зияли глазницы оконных проемов. Уродливо выступали в полумраке ржавые пожарные лестницы. Дома стояли тесно — никакого тебе благоустройства, детских площадок… Он свернул за ближайший

угол, прижался к холодной стене. Первым появился рыжий детина — спешил, боялся потерять «клиента». Мелькнула мысль: не титаны ума. Рыжий получил под дых, выпучил глаза. Второй удар последовал без задержки — локтем в висок. А затем и третий — левым кулаком в район кадыка. Да вы просто амбидекстер, батенька… Парень повалился без чувств. Георгий отступил, освобождая площадку для битья. Вывернул второй, приземистый, более опасный. Встал как вкопанный, утробно выдохнул, вникая в ситуацию. Что-то матово блеснуло в руке — ну конечно же ножичек! Он бросился в атаку, перепрыгнув через своего товарища. Самое время придать остроты своим шпионским похождениям! Большаков отпрянул, отбежал на несколько шагов. Противник яростно махал ножом во всех плоскостях, наседал. Выбить, не порезавшись, проблематично. Ни к чему ему инородное тело в организме. Георгий сделал вид, что спасается бегством, — отпрыгнул на пару метров, бросился в сторону. Противник сменил направление, лезвие перестало мельтешить. Бандитские какие-то выкрутасы… Георгий рухнул на колени, пригнул спину. Злоумышленник налетел на его, как автомобиль на фонарный столб, потерял равновесие,

кувыркнулся через голову. Нож проделал дугу в воздухе и упал где-то в стороне. Злоумышленник катился по щербатому асфальту, изрыгая проклятья. Но замолчал, ударившись головой о крепкую кирпичную стену.

Георгий поднялся, отряхнув колени. Кажется, отделался малой кровью, гардероб можно не менять. Нагнулся за шляпой, отряхнул и ее. Искать нож не было смысла. Да и не суть важно. Он прислушался — в округе стояла тишина. Район вымер, сюда не забредали даже деклассированные элементы…

Рыжая бестолочь не подавал признаков жизни. Но застонал, когда Большаков коснулся его ногой. Вряд ли этот парень что-то соображал — переживал ослепительный болевой шок. Большаков подошел ко второму, присел на корточки. Бедолага стонал, закатывал глаза. Череп не кровоточил, но в голове все спуталось и болело. Он тоже соображал неважно. Типичные последствия удара твердым тупым предметом — стеной. Мужчина сипло дышал. Взошедшая луна переливалась в глазах. Злоумышленник вдруг дернулся, схватил Георгия за ворот. Большаков ударил кулаком в зубы. Рука упала, неприятель застонал. Снова вознесся кулак.

— Не надо… — прохрипел несчастный. — Хватит…

Ну ладно, хватит так хватит. Мы мирные люди.

— Тогда говори. Со всей откровенностью и ничего не утаивая. Зовут как?

— Джимми, — обреченно выдохнул пострадавший.

Честно говоря, Большакову было наплевать. Хоть Ленька Пантелеев.

— Отлично, Джимми. Что хотели?

— Ничего, просто мимо шли…

Новый удар, к сожалению, состоялся. Но выверенный, мотивирующий. Похоже, зуб отвалился, перекатывался во рту.

— Сука… — застонал потерпевший. — Все, не бей больше, я понял…

— Можешь не рассказывать, в какой уличной банде вы с корешем состоите — у вас на рожах прекрасно написано, где вы трудоустроены. Кстати, как зовут приятеля?

— Джонни…

— Ну, конечно. — Георгий проглотил смешинку. — Кто нанял? Сколько заплатили?

— Мы не знаем его… На улице подкараулили, в машину заставили сесть… У этого парня докумен-

ты были — но не полиция… То ли ФБР, то ли ЦРУ, я даже не вглядывался… Дал вашу фотографию, адреса, где можно вас найти, номер машины…

А не эти ли милые ребята покопались в его «Форде»? — проплыла резонная мысль. Значит, ждали у редакции, а о встрече с Марией в парке ничего не знали. Это было приятно.

— Фамилию не запомнили?

— Нет, правда, нет… Только не бейте…

Понятное желание, Это не Советский Союз, услуги стоматолога очень дороги, никакая страховка не покроет, Да и кто им в банде выпишет страховку?

— Он сказал, что нас посадят за ограбление на Черри-лейн, но есть вариант… Даже деньги предложил…

— Опиши его, Джимми. Да не спеши, хорошенько вспоминай. Мы ж никуда не торопимся? Но только правду, дружище, а то, видит бог, рассержусь.

Джимми описывал, как мог, агента «то ли ФБР, то ли ЦРУ». Словарный запас у представителя городского дна был невелик. Но Джимми старался. Неприятный, такой царапающий взгляд, самому лет сорок или больше, гладко выбрит, пострижен, широкая физиономия, говорит глухим голосом,

слова буквально выцеживает…

Возникло ощущение, что уже встречался с этим человеком. Но это вряд ли.

— Ладно, не дребезжи. — Он поморщился. — Хватит. Сколько вам заплатили?

— Сорок долларов… Этот тип сказал, что заплатит еще столько же, когда все сделаем…

Негусто. Но если присовокупить отказ в возбуждении уголовного дела — то нормально.

— Что от вас требовалось — убить?

— Нет, что вы… — Джимми возмущенно задергался. — Только покалечить… Почки отбить или ногу сломать…

Любопытно. Отстранить Большакова на длительное время от работы — это понятно. И все же… просматривалось в этом деле что-то личное. И это было непонятно.

Он в задумчивости отстранился. Нет, думать — не сейчас, густой туман забирался в голову. В округе по-прежнему было тихо. Только Джимми вдруг начал ворочаться, брызгал слюной, ругался, при этом забавно посвистывал дырочкой в зубах. Как же плохо быть бестолковым! Не хотелось выслушивать оскорбления в свой адрес. Тяжелым ударом он отправил потерпевшего в нокаут. Остался штамп на глазу — вроде тех, что ставят

в комсомольском билете: «Уплачено, ВЛКСМ». Немного усовестился — на этот раз можно было и не бить. Но злости накопилось много, да и кто его тянул за язык?

Когда он уходил, Джимми начал шевелиться, но за языком на этот раз следил. На углу Георгий задержался. Джимми на карачках подполз к другу, стал его теребить. Рыжий мучительно стонал, тоже пришел в движение, стал вставать, держась за стену. Услуги реанимационной бригады, похоже, не требовались. Большаков повернул за угол, зашагал на остановку. Возможно, не ушел еще последний автобус…

Глава восьмая

Ответов не прибавилось, зато манией преследования, кажется, заразился. Ночь прошла неспокойно, то и дело просыпался, вслушивался. Едва рассвело, блуждал к окну, всматривался в утреннюю серость. Как, интересно, у Джимми и Джонни со злопамятностью? Пока им не до этого, подлечиться надо, но когда-нибудь процесс исцеления завершится… и что тогда? А их таинственный заказчик, который вряд ли вчера связался со своими наймитами? В глубине души просыпался страх, выползал наружу. Он был обычным человеком, а обычные люди боятся, если страшно… Через час он позвонил Франческе. Девушка еще не убежала на работу.

— У тебя все в порядке? — осторожно спросил он.

— Нет, — отрезала Франческа. — Но я так благодарна, что ты еще обо мне помнишь. Подожди. — Подруга насторожилась. — А что у нас с голосом?

— Не выдумывай. — Большаков откашлялся. — Голос как голос. Давай еще несколько дней

подержим паузу, хорошо? Я должен завершить кое-какие дела.

— То есть обзавестись новыми проблемами, — догадалась девушка. — Джордж, я очень встревожена, мне не по себе. Но кому я об этом говорю? Ладно, мне некогда, спешу на работу.

Он неприкаянно блуждал по квартире, курил, забыв открыть форточку. Выплывала еще одна потенциальная проблема: полиция. Чем не способ отстранить его от дела? В американских тюрьмах сидят интересные люди, там будет чем заняться. Джимми и Джонни пишут заявление копам, Большакова берут и упекают в каталажку. Но как они докажут, что именно Большаков их разукрасил? И не умрет ли от смеха судья, когда будет выносить обвинительный приговор? Нет, у этого направления нет перспективы. Но все однажды может измениться и пойти не так… Он старался вести себя адекватно. Вышел из дома хорошо одетый, отмерил расстояние до редакции. Слежки не было. Значит, днем надо съездить в посольство, воспользоваться связью резидентуры. В противном случае информация от Марии потеряет свою свежесть. «Форд» за ночь не заминировали, что подтвердил прибывший на место работник посольского гаража.

— С вашей машиной все в порядке, Георгий Никитович, — порадовал работник, закрывая капот. — Но зачем вы отключили стартер? Под двигателем, если хорошенько пощупать, есть переключатель, который это делает. Это специально для нас — людей, ремонтирующих машины. Как вас угораздило?

— Сам ума не приложу, — пожал плечами Большаков. — Очевидно, утрата памяти с сиюминутным помешательством. Спасибо вам огромное, товарищ, больше не повторится.

Весь день он просидел в редакции, выполняя свои служебные обязанности. Коллеги поглядывали как-то исподтишка, подмечали перемены. Смотрел из-за стекла товарищ Стариков Олег Николаевич, и взгляд был предельно красноречив: у вас, конечно, свободное посещение, Георгий Никитович, но не пора ли совесть поиметь? Ваши обязанности сами себя не выполнят, знаете ли…

Вечером он потягивал пиво в заведении «Белый лев» на 14-й улице. Нарисовался Фрэнк Холлман — весь в серую клетку, с уставшим лицом. О встрече договорились еще днем, но Фрэнк был не уверен — то ли придет, то ли нет. Обстановка в заведении была чинной, даже музыка не играла.

— Тихо как, — резюмировал Холлман, приса-

живаясь напротив.

— Да, как в библиотеке, — согласился Георгий.

— Что-то не так? — Фрэнк пытливо всматривался в лицо приятеля. Секретов от журналиста в принципе не было — если дело касалось функционирования тайного канала, а не служебных дел.

— Подрался, — объяснил Георгий.

— Поздравляю, — хмыкнул Холлман. — А в деталях?

Фрэнк слушал с нарастающим интересом, даже забыл про пиво.

— Вот черт, — покачал он головой. — Неприятно слышать, Джордж. Ты поколотил моих соотечественников… Ладно, туда им и дорога. Вот же поганцы, чуть не оставили меня без русского друга. Пришлось бы заводить новых друзей, а это так утомительно… А если без шуток, дружище, ты кому-то крепко насолил. Уважающие свой труд представители спецслужб стали бы действовать иначе.

— Я тоже так считаю, — согласился Георгий. — Но не могу взять в толк, кому и зачем это нужно.

— Полагаешь, кто-то в курсе ваших дел с Робертом? — Фрэнк понизил голос — Это очень плохо, приятель, даже не представляешь, как это плохо.

— Вопрос, до какой степени они в курсе. Раз

таскаются за мной, значит, им нечего предъявить братьям Кеннеди. А подозрения, как говорят в нашей стране, к делу не подошьешь. Плохо, что и ты в курсе. К тебе могут тоже прицепиться. Не было звоночков в последнее время?

— Не припомню. — Фрэнк задумался, как-то помрачнел. — Знаешь, я не такой уж осведомленный. Сам факт — да, что-то слышал, но подробности мне неизвестны. Где встречаетесь, по каким вопросам, какая там у вас система связи — даже знать об этом не хочу. И сплю пока спокойно. А что случится, уж смогу за себя постоять, имею прямые выходы на администрацию. Тревожно все это, братец. — Фрэнк погрузился в мрачные раздумья. — Копать под вас могут лишь Пентагон и ЦРУ. А если эти две компании объединяются, то и вовсе не жди добра. Им нужна война — во всяком случае, окончательное решение вопроса Кастро. Покушений на Фиделя было множество — а он цветет и пахнет. Пусть даже убьют — это не снимет проблему. Есть Рауль, назначат его главным персонажем народной революции. Им нужна военная победа, больше ничего. И ваш канал, то есть возможность втихую все решить — явление неприемлемое. Они совершили много просчетов, теперь, когда вы начали в военном

отношении поддерживать Фиделя, все только осложнилось. Но давай поспорим, что они от своей затеи не отказались? Вмешаются Советы — ну что ж, наваляем и Советам. Любят эти парни играть с огнем… А сейчас они и вовсе в тумане. Транспорты на Кубу идут потоком. Разгружаются так, что и мышь через оцепление не проскочит. Что они разгружают? Представь, как ребята нервничают. А задерживать транспорты нельзя — карантин Кубы никто не объявлял.

— Обычное вооружение разгружают, — проворчал Большаков, — для защиты от агрессивной внешней политики Америки.

— Давай, ерничай, — хмыкнул Фрэнк. — В следующий раз с блокнотом приду — перлы твои записывать. Что думаешь делать?

— Просьба к тебе, Фрэнк. Поговори аккуратно с Филом, объясни ситуацию. Будет лучше, если временно приостановим наши встречи. Надо разобраться, что происходит и кто за этим стоит. Раскроют нас — сам представь последствия.

— Хорошо, — подумав, согласился Холлман. — Я передам Филу твои пожелания. Но тебе не кажется, что именно этого от вас и хотят? Запугать, вывести из равновесия, а под шумок закончить свои дела?

Фрэнк ушел, оставив недопитое пиво. Георгий не спешил, вечер выдался свободным. Проводил приятеля меланхоличным взором, продолжил алкогольную «разминку». Подумал и переместился к бару, взгромоздился на высокий табурет. Помещение за спиной наполнялось народом, заиграла музыка — что-то легкое, с оттенком фокстрота. Ловко манипулировал бокалами бармен, выполнял заказы. Перед глазами выстроилась галерея бутылок, призывно переливались освещенные этикетки. Смешивать не хотелось — Георгий попросил повторить пиво. Решил проверить карманы — достаточно ли взял наличности. Неловко сунул руку в карман, выронил пару сложенных банкнот. Машинально ругнулся, слез с табурета, чтобы поднять, вернулся на место.

— Просто музыка для ушей — русские ругательства, — проворковал мелодичный женский голос с приятным прибалтийским акцентом. — Как давно я этого не слышала, так соскучилась…

Только сейчас он обратил внимание на сидящую рядом даму. Она была хороша — если не сказать большего. Миловидное лицо, светлые волнистые волосы, дерзкий задранный нос — вылитая Грета Гарбо — в лучшие, конечно, годы. В красивых голубых глазах блестела хитринка. Она

держала стопку с текилой наманикюренными пальчиками.

— Прошу простить, леди, что заставил вас это выслушивать, — покаянно сказал Большаков. — Как-то не подумал, что рядом окажется человек, знакомый с великим и могучим.

Блондинка непринужденно засмеялась.

— Ничего ужасного, мистер, никаких проблем. Даже забавно. Вам не хватает наличности? Позволите даме вас угостить?

— Никогда, даже в страшном сне, — манерно ужаснулся Большаков. — Моральный кодекс не позволит. С деньгами все в порядке, милая дама, а вот с памятью — бывают перебои.

— Моральный кодекс? — Собеседница забавно сморщила носик, — Что-то подобное я уже слышала… Ах да, моральный кодекс строителя коммунизма.

— Тоже дело хорошее, — кивнул Большаков, — нужное и актуальное, особенно в текущий сложный момент истории. То есть вы не имеете отношения ни к советскому посольству, ни к прочим советским организациям?

— Не имею, — призналась блондинка. — Из Советского Союза меня увезли в 49-м, я тогда еще пешком под стол ходила и собственного мне-

ния не имела. Отец работал в дипломатических структурах, после войны перебрался в Финляндию. Мама была русской, да и я ходила в русскую школу — таких было много в Риге. Боже правый, как давно это было… Вы работаете в советском посольстве?

— В некотором роде, — допустил Большаков. — Редактирую советское издание, призванное просвещать широкие американские массы.

— Какая прелесть, — восхитилась дама. — Меня зовут Аделина.

— Отличное имя, — оценил Большаков. — В переводе с латышского, если не ошибаюсь, — красавица. Удивительно, как имя гармонирует с его обладательницей.

— Не льстите, — отмахнулась женщина. — Хотя не буду спорить — приятно. Вы уверены, что вы из Советского Союза? Нам такое про вас рассказывают… Не всему, конечно, верю, но от такого потока негативной информации просто дуреешь и начинаешь думать: а вдруг это правда?

Это были занимательные полчаса. Большаков ловил себя на мысли, что находиться рядом с этой особой приятно. Она держалась с достоинством, границы не переходила. Смеялась над его шутками, и ее голос звенел как колокольчик. У

особы был острый язычок, бесподобное чувство юмора и хорошее воспитание. Она случайно оказалась в этом баре, поссорилась со своим молодым человеком — да и бог с ним, невелика потеря, давно уже собиралась сказать ему в глаза всю правду. Проживает на Коннектикут-авеню, родители давно умерли, вынуждена кормить себя самостоятельно.

— Работаю в Службе национальных парков, — щебетала Аделина. — Сижу в офисе, иногда совершаю инспекционные поездки. О, это целый монстр, подмявший под себя практически все городское хозяйство! Мы курируем Национальную аллею, «Сады Конституции», парк «Рок-Крик» и даже остров Теодора Рузвельта. То есть практически всю природную среду округа Колумбия. Руководство хочет наложить лапу даже на Национальный дендрарий, которым сейчас управляет Министерство сельского хозяйства…

Она не выпытывала никаких тайн, не навязывалась, и Георгий ловил себя на мысли, что ее хочется слушать. Он допил пиво, заказал даме шортик текилы. Аделина поморщилась, заявив, что способна и сама за себя постоять, — они ведь не настолько близки? Все шло хорошо, и даже становилось интересно — что же будет дальше?

Георгий отвлекся от лицезрения привлекательного личика, стал наполнять бокал. Напротив, в окружении бутылочного изобилия, висело зеркало — элемент декора барной стойки. Аделина допустила ошибку — именно в этот момент покосилась через правое плечо, еле заметно кивнула. Она не видела, что Большаков за ней наблюдает. В следующий момент все вернулось — Аделина мило щебетала, Большаков смотрел в ее притягательные глаза. Это не мешало фиксировать обстановку позади прелестницы. У дальней стены за столиком сидели двое, прятались за охапками искусственного вьюна. Мужчины в серых костюмах пили кофе, скупо общались. Их появление в этом баре прошло незамеченным. Но это и понятно, такая публика всегда незаметна. Один из присутствующих медленно повернул голову, мазнул взглядом парочку у бара. Большаков отвел глаза. Хорошая попытка, — оценил он. Здоровый творческий подход. Понимают, что на рядовую проститутку он не клюнет — с его-то повышенными запросами! Подсунули просто красавицу — умную, обаятельную, способную соблазнить даже упертого семьянина. И не важно, что он уже состоит в отношениях. Подруга не рояль, можно и подвинуть. Интересно, что будет

дальше? Вот только проверять уже не хотелось.

— Фу, я, кажется, уже набралась, — проворковала Аделина и задумалась. Встрепенулась. — Или нет? Есть еще порох в пороховницах? Вы как относитесь, Георгий, к предложению напиться в приятной компании?

Георгий с интересом разглядывал ее лицо, испытывал даже толику сожаления. Такой потенциал — да на доброе бы дело. Увы, не все проститутки страшные, как атомная бомба, встречаются и жемчужины, их называют элитными — дорогие, применяются в особых случаях. У них может быть семья, нормальная работа — вроде Службы национальных парков. Но когда приказывает родина в лице правительственных агентов — приходится потрудиться…

— Отличное предложение, Аделина, — поддержал Большаков. — Напиться в приятной компании — что может быть прекраснее? Вы бесподобны, Аделина, без всякого преувеличения. К сожалению, вынужден вас покинуть.

Он спустился с барного стула и положил на стойку купюру.

— Вы куда, Георгий? — Глаза блондинки округлились от удивления.

— Утюг забыл выключить, — объяснил Боль-

шаков.

— Какой еще утюг?

— Электрический.

Он любезно улыбнулся и, не глядя по сторонам, направился к выходу. Спустившись с крыльца, заспешил к веренице таксомоторов, выстроившихся у тротуара…

— И ты только сейчас об этом рассказываешь? — недовольно проворчал резидент Слуцкий. — Два дня назад ты избил до полусмерти добропорядочных американских граждан — а именно так и выставят, если инцидент всплывет. Вчера под присмотром агентов спецслужб тебя охмуряла неотразимая проститутка… Спасибо, что хоть сегодня соизволил сообщить. Шел мимо, решил забежать? Спасибо, Георгий.

— Об инциденте в Аппалачах и на обратном пути я сообщил сразу, — возразил Большаков. — Ну, почти. Вы были скупы в оценках. Что-то поменялось, Константин Васильевич, и вы готовы выписать полный расклад?

— Ладно, ты прав, я и сегодня буду скуп в оценках. — Резидент полез в сигаретную пачку, видимо, ничего там не нашел и с раздражением отбросил. — Ты кому-то перешел дорогу, Георгий, я уже сообщил об этом в центр. И лавочка ваша,

судя по всему, под колпаком. Устранять тебя физически, надеюсь, не будут — разразится скандал, а лишняя шумиха им ни к чему. Но вывести из строя, подпортить тебе здоровье, скомпрометировать, посадить за решетку — это милое дело.

— Спасибо, Константин Васильевич, вы так любезны. От вас прямо так и веет отеческой заботой.

— Говорю как есть, — резал правду-матку резидент. — С кем я еще могу говорить откровенно, как не с тобой? Нет тебя — нет и вашего канала, понимаешь? Ты — главное и единственное передаточное звено. Выведи тебя за скобки — и все. Общение на высшем уровне прекратится. Пока американцы найдут нормальную кандидатуру, пока Никита Сергеевич даст на нее добро — утечет много воды. И сколько событий произойдет, на которые не удастся повлиять? Именно этого и хотят — ясно как белый день. От меня-то ты что хочешь, Георгий? Чем я могу тебе помочь, кроме пожелания соблюдать осторожность? Меня отодвинули от ваших игр, это исключительно твоя прерогатива… Да, чуть не забыл. Агент «Мейси» запрашивает встречу с тобой.

— «Мейси»? — Георгий насторожился. — Мы с ней уже встречались.

— Хочет еще, — ухмыльнулся Слуцкий. — Нравишься ты ей. В 16 часов навести кубинский бар на Висконсин-авеню, 99. Это недалеко от ее дома.

Ровно в четыре часа Георгий переступил порог шумного заведения на оживленной улице. Бегали официантки со смуглыми мордашками, из динамика звучало бодрое фламенко. Соединенные Штаты здесь любили — пестрели звездно-полосатые флажки вперемешку с кубинскими — чередование белых и синих полос, у древка — белая звезда в красном треугольнике. Этот флаг был установлен на Кубе в 1849 году генералом Нарцисио Лопесом, тогдашним борцом за независимость. Пестрели плакаты на стенах. «Время величия! Джон Кеннеди — наш президент!» Как-то все перепуталось в суматошном доме под названием Америка. Мария сидела в углу, доедала поздний обед, приветливо помахала рукой. В самом деле, почему не могут встретиться двое знакомых людей?

— Кубинский бар, Элен? Ты серьезно? — спросил по-английски Георгий, отодвигая стул.

Он покосился на дверь. Бог сегодня миловал (видимо, готовили новую «спецоперацию»), но лишний раз убедиться не мешает.

— Почему нет, — пожала плечами Мария. —

Ну да, согласна, символично. Но здесь вкусно кормят, и иногда я не прочь согрешить — если лень готовить или почему-то не хочется идти в ресторан. Попробуй, — она кивнула на поднос. — Прекрасный кофе эль-Кубано — для истинных ценителей карибской кухни. Крепкий, темной обжарки и с огромным количеством сахара. А это просто кубано — сэндвич, только кубинский. В нем сыр, ветчина и жареная свинина.

— Понятно, — кивнул Георгий. — Это так ты следишь за своей фигурой.

— А что не так с моей фигурой? — не поняла Мария. — Ты когда-нибудь видел толстых кубинцев? Они веселые, худые, поют, танцуют. Случаются, конечно, исключения, но они лишь подтверждают правило.

Она допивала кофе мелкими глотками, замолчала, наблюдая, как из-за соседнего столика выбирается семейство. Дети сыто икали, родители тоже претензий к поварам не выражали.

— Что-то изменилось за последние два дня? — поинтересовался Георгий. — Ты решила избираться в городское законодательное собрание? — Он покосился на пестрый плакат за спиной разведчицы. — Никогда не спрашивал — ты, вообще, за какую партию? За демократов или

республиканцев?

— А есть принципиальное различие? — Мария проводила глазами уходящее семейство. — Знаешь, дорогой, в данном плане осел и слон — это одно и то же животное. А за какую я партию, ты и сам знаешь. Но в этом заведении про нее не написано. Ты просил узнать, кто мутит воду. Отвечаю: генерал Кертис Лемей, начальник штаба ВВС, влиятельная фигура в Пентагоне. «Ястреб», остро ненавидящий все кубинское и советское. Жаждет реванша за залив Свиней, ярый сторонник военного вторжения на Кубу и жесткой политики в отношении СССР. Не исключает превентивный ядерный удар. Не поклонник Джона Кеннеди и министра обороны Макнамары — те выступают только за карантин в отношении Кубы и боятся войны. От ЦРУ с ним заодно Джеффри Робинсон — глава Оперативного директората — того самого, что планирует и проводит тайные операции за рубежом. От ФБР… — Мария усмехнулась. — Впрочем, кто же не знает старину Гувера? Уникальный персонаж, он на этом посту уже 38 лет и еще столько же просидит… Я ответила на твой вопрос, дорогой? Информация достоверная, можешь не спрашивать, мой источник не дает осечек. Подготовка к военной операции продол-

жается, но уже с учетом военного присутствия СССР. В Майами переброшен и расквартирован воздушно-десантный батальон, костяк которого составляют кубинцы. На территории Гуантанамо проходят тренировку диверсионно-разведывательные группы. Дополнительной информации пока нет.

Георгий не стал делать заказ, дождался, пока Мария доест. В дневное время бар превращался в столовую для не самых взыскательных слоев населения. Вечером здесь гремела музыка и тек рекой кубинский ром. Полквартала они прошли вместе, свернули к скверу. Дом Марии стоял за зелеными посадками — вытянутая опрятная трехэтажка с мезонинами. Возвращаться на работу она, похоже, не собиралась.

— Все, Георгий Никитович, здесь расстанемся. — Она остановилась, коснулась ладонью его плеча. — Возле дома меня с посторонними видеть не должны. Иди своей дорогой, куда ты там шел… Появится что-то ценное — сообщу через Слуцкого. А ты береги себя, не лезь на рожон, а то придется одной тянуть этот воз…

Она улыбнулась и отправилась прочь — зацокали каблучки по плиткам тротуара. Пропустила машину, перебежала дорогу перед засаженной

розмарином аллеей и через минуту скрылась в подъезде. Георгий закурил, направился к выходу на Висконсин-авеню.

Сработали тормоза у резко остановившейся машины. Это могло быть где угодно. Но спина покрылась коркой льда. Большаков остановился, шагнул за дерево. У двери, за которой исчезла Мария, встал темный минивэн. Выскочили двое, побежали в подъезд. Подошла легковушка, из нее тоже выбежали двое, припустили за первой парочкой. Большаков не шевелился, комок подступил к горлу. Как такое могло произойти?! Но его, скорее всего, не видели, ждали у дома Марию, не зная, с какой стороны она пойдет. Прошло не больше минуты — двое в сером вывели под локти Марию. Она не успела дойти до квартиры, сумочку нес один из участников задержания. Мария не сопротивлялась, шла сама, держала спину прямой, но была смертельно бледна. Перед тем как сесть в машину, задержалась, устремила взгляд в направлении Висконсин-авеню. Товарища за деревом она не видела, но как-то успокоилась. Сопровождающий выразил нетерпение, подтолкнул, пригнул Марии голову. Она исчезла в недрах минивэна. Встала как вкопанная девушка, проходящая мимо. Человек в шляпе шикнул

на нее, девица спохватилась, засеменила прочь. Агенты быстро рассаживались по машинам. Один направился в дом, видимо, получил приказ сидеть в квартире. Минивэн резво тронулся с места. Мужчина в темно-сером пиджаке внимательно посмотрел по сторонам, прежде чем сесть за руль легковушки. У него был пристальный неприятный взгляд. Исподлобья он прощупывал глазами окрестности. Георгий не шевелился. Субъект выплюнул торчащий из зубов окурок, забрался на водительское место. Легковушка резво взяла старт, напугав идущую по тротуару парочку. Осталось ощущение, что этого типа он уже где-то видел…

Но в эту минуту было не до путешествий по волнам памяти. Жирные мурашки бежали по коже, тяжесть сдавила грудь. Что случилось? Откуда у ФБР информация о Марии Добрянской? Вышли на нее через Большакова, грамотно отследив его перемещения? Такого бы он точно не пережил…

— Ты не виноват — если это тебя успокоит, — сообщил вечером Слуцкий. Константин Васильевич неважно выглядел. Мерзко на душе, когда проваливаются твои агенты. — Вчера был рассекречен ее источник. Парня зовут Оуэн Клейн, он работал в Национальном разведывательном

агентстве Министерства обороны. Попался на ерунде. В агентстве знали, что из учреждения течет, и установили пару маркеров на сейфах с секретной информацией. Взяли тепленького, да еще и с поличным. Сказать в свое оправдание парню было нечего. С Марией у него, похоже, были интимные отношения, и Оуэн крепко на нее подсел. Не думаю, что Мария занималась шантажом, хотя не исключаю. Офицер, кстати, видный, тот еще орел… На допросе раскололся, сдал Марию со всеми потрохами — это произошло сегодня утром. На работе ее не нашли, стали ждать у дома… Так что успокойся, Георгий, твоей вины в случившемся нет. И то, что тебя свяжут с Элен Хартман, тоже крайне маловероятно…

Эту драму он воспринял как личную. С Марией Добрянской Георгия связывали лишь служебные отношения, виделись, мягко говоря, не часто. Но что-то всколыхнулось в душе. Он упрашивал резидента сделать все возможное, чтобы это не зашло слишком далеко. Начнет ФБР раскручивать — и Мария присядет на долгие годы. Ведь должны быть какие-то способы! Слуцкий хмурился, огрызался — он что, старик Хоттабыч? Придет в ФБР, поговорит с мужиками? Большаков настаивал, просил задействовать все рычаги.

Георгий направился в посольство, кочевал по кабинетам. Марию оболгали, нет никаких доказательств, что она работает на советскую разведку! Доказательства появятся, в этом можно не сомневаться. Ситуация непростая, Мария не гражданка Советского Союза. Она вообще никакая не Мария! Она Элен Хартман, гражданка Соединенных Штатов, проживает в стране 12 лет, переселилась в Америку из Новой Зеландии, где похоронены ее родственники. И это, черт возьми, реальные могилки!

Душа оставалась не на месте. Он чувствовал себя виноватым — пусть факты и свидетельствовали об обратном. Резидентура была бессильна. Посольские товарищи из КГБ, работающие под прикрытием дипмиссии, рады были помочь, но только разводили руками. Издержки неизбежны, это война, хоть и невидимая. Провалы агентов — неотъемлемая часть работы. А Мария прекрасно знала, на что шла. Текли дни, миновала неделя, из кулуаров разведслужб не поступало никакой информации. Позднее сообщили: Оуэн Клейн для проведения дальнейших следственных действий переведен в федеральную тюрьму «Данберли», штат Коннектикут. То есть с глаз подальше. В тюрьме имелись специальные блоки для содер-

жания особо важных подследственных. Марию тоже могли упрятать! Вечерами Большаков шел домой, выпивал стопку-другую текилы, проводил время в тоскливом одиночестве. Франческа не приезжала (до особого распоряжения), но связь держали, и главное, что с девушкой все было в порядке. Пойло бедных мексиканских крестьян вполне устраивало. На спиртное Георгий не налегал — ненавидел терять контроль. Приходилось выполнять свою работу, появляться на людях. В один из дней Фрэнк Холлман снова подловил его в «Белом льве». Большаков уже полчаса не мог расправиться с бутылкой американского пейлэля, просто не лезло. Холлман был на машине, заказал колу, десерт, сочувственно посматривал на приятеля. Видимо, земля слухами полнилась.

— Ты в ауте, дружище, — прокомментировал он. — Из психлечебниц краше выпускают. Что за взгляд? Ты под колпаком?

— Думаю, да, — пробормотал Георгий. — Столик в углу, одинокий субъект, полчаса уже тянет наперсток с кофе, смотрит в нашу сторону.

— Подумаешь, — повел плечами Фрэнк. — Ты тоже никак не можешь разобраться со своим элем. Это, знаешь ли, не доказательство. Пойдешь бить ему морду? Учти, в таком случае тебя с ра-

достью депортируют в Советский Союз, и мир в отсутствие Спасителя катится в пропасть.

— Да иди ты, — проворчал Георгий. — Сам посмотри…

Мужчина в водолазке, в шерстяном костюме спортивного покроя явно скучал. Посматривал на часы, мусолил кофейную гущу в «наперстке», украдкой поглядывал на присутствующих. Несколько раз Георгий ловил его убегающий взгляд. И вдруг встрепенулся, распахнулись глаза, улыбка растянулась от уха до уха! В помещение вошла миловидная женщина, изящно продефилировала и подсела у субъекту. Тот просто цвел. Оба улыбались, оживленно разговаривали. Мужчина жадно пожирал глазами свою женщину. Рассиживаться не стали — ведь есть дела поважнее. Оба поднялись, направились к выходу, кавалер тактично придержал дверь.

— Не сдавайся, скажи, что так было задумано, — пошутил Фрэнк. — Как насчет паранойи, мой друг?

— Ты прав, ошибочка вышла, — смущенно пробормотал Большаков. Он ненавидел себя. Соберись, избавься от этого муторного состояния! Это в корне неприемлемо! Фрэнк внимательно смотрел ему в глаза, делал свои выводы.

— Позвони Филу, — сказал он, понизив голос. — Телефон другой, сейчас я его тебе продиктую… Они хотят встретиться. Это важно. Справляйся скорее со своими демонами…

Встреча проходила в машине недалеко от закрытого теннисного корта на Пенсильвания-авеню. Пускали в здание далеко не всех. Роберт посещал этот клуб после работы, дважды в неделю, держал себя в форме. Он был разгорячен после тренировки, со щек еще не сошел румянец. За окнами минивэна сгущались сумерки, сновали прохожие. Сотрудники охраны бдительно стерегли своего шефа.

— Я слышал, у вас проблемы, Джорджи? — участливо осведомился Роберт. — Есть люди, не дающие вам покоя?

— Все штатно, Роберт, — уверил Георгий. — Я справлюсь.

— Очень на это надеюсь. Вы же понимаете, что ваши проблемы — это и наши проблемы. Не провоцируйте этих людей, они того и ждут. На вашем месте я бы еще раз подумал над предложением воспользоваться нашей охраной. Эти люди умеют подстраиваться под ситуацию, они не будут докучать.

— Хорошо, я подумаю, Роберт. Не знаю, инте-

ресно ли вам, кто вставляет палки в колеса, но могу огласить список.

Он перечислял фамилии и должности, Роберт мрачно внимал, прятал подбородок в ворот спортивного батника.

— Но я вам ничего не говорил, — пошутил в заключение Большаков. — Надеюсь, данную информацию вы используете с пользой.

— Потрясающе, — пробормотал Роберт. — Советская разведка знает все, и куда только смотрит ФБР… Спасибо, Джорджи, мы это учтем. Я ничуть не удивлен. Именно эти люди ратуют за военную интервенцию на Кубе, за войну с вашей страной. Передайте это послание Хрущеву. — Он вынул из кармана запечатанный конверт, — Здесь некоторые предложения по смягчению ситуации. Пентагон давит. Роберт Макнамара пока не принял решение, но генералы склоняют его к вводу флота в Карибское море и усилению военно-морской группировки. Они считают, что пора вводить карантин в отношении Кубы, а это — полная экономическая блокада. То же самое касается и ваших судов, направляющихся в кубинские порты. Мы понимаем, что это вызовет обострение…

«Осеннее», — невесело подумал Большаков.

— Но не только в Пентагоне обеспокоены растущей экспансией СССР на Кубу. У Джона это тоже вызывает опасения. Только за последнюю неделю в кубинские порты вошли шесть транспортов. Снимки показывают, что разгружаются танки, гаубичные установки. Тяжелая гусеничная техника вывозит из портов крупные контейнеры.

— Уверен, Роберт, что ваши опасения не имеют оснований. Советское правительство настаивает: на Кубу поставляется только оборонительное вооружение, не несущее угрозы Соединенным Штатам. А если вас смущает строгая секретность, сопровождающая разгрузку… то эти люди просто выполняют свои инструкции. Это обычная практика. Нам нет причины вводить вас в заблуждение. Мы рассчитываем на долгое сотрудничество, и подобная ложь просто обнулит все, что мы наработали.

— Я вам верю, Джорджи, — после долгой паузы вымолвил Роберт. — Во всяком случае, в то, что вы говорите это искренне. Ну что ж, на сегодня, пожалуй, все.

— Позвольте просьбу, Роберт. Это очень важно… для меня.

— Да, конечно, Джорджи, — откликнулся собеседник, — выкладывайте, сделаю все, что смогу.

Прошла тягучая неделя, наполненная нервотрепкой и приступами паранойи. В воздухе чувствовалось приближение осени.

— Поступила информация: завтра выпустят Марию Добрянскую, — сообщил резидент потрясающую новость. — В три часа дня, из Центрального следственного изолятора округа Колумбия. Это район Холл-Ист. Смеешься, Большаков? — Слуцкий изучающе уставился на полковника. — Мне тоже весело. Вроде и нет в случившемся нашей вины, а все равно совесть не на месте… Не знаешь, кто постарался? — резидент прищурился.

— Без понятия, Константин Васильевич. Мы с вами давили на разные рычаги.

— Да, конечно… Но есть три обстоятельства, омрачающие наше с тобой веселье. Мы потеряли ценного агента, работавшего под прикрытием, и важный источник информации — Оуэн Клейн загремит, похоже, пожизненно. Проживать далее в США Мария не сможет. Ей предписано в двухдневный срок покинуть США. То, что у нее здесь бизнес, никого не волнует. ФБР понимает, что косметический салон был ее прикрытием. Продать свое детище и забрать деньги ей никто не позволит. И третье: освобождение Марии из-под стражи — не красивый и благородный

жест. Марию меняют на некоего парня по имени Энтони Геблер. Сотрудник американского посольства, агент ЦРУ, попался в Москве полгода назад в одном из ресторанов, где проводил встречу со своим источником, близким к нашему ВПК. Встреча закончилась задержанием. К сожалению, все пошло не по плану. Геблер проявил эмоциональную несдержанность, вырвался, пытался скрыться, сбил машиной нашего сотрудника, бросившегося наперерез. Врачи провели операцию, но человек впал в кому, где находится и по сей день. Дипломатический иммунитет в таких случаях не работает. Геблер совершил уголовное преступление на территории Советского Союза. Мало, значит, закусывали в ресторане… — Резидент криво усмехнулся. — И вот теперь этого ублюдка, приговоренного к 14 годам, обменивают на Марию…

В начале четвертого Мария Добрянская вышла за ворота тюремного изолятора. Содержание в камере и бесконечные допросы сильно изменили ее облик. Мария была полностью измотана, в лице ни кровиночки, сутулилась. Двигалась как-то неуверенно, словно не видела, куда шла. Хотела перейти дорогу, вздрогнула, застыла — мимо нее с работающим звуковым сигналом промчался

грузовик. Мария вышла из оцепенения, посмотрела по сторонам. Большаков находился через дорогу, стоял у окна в подъезде жилого дома. Очень хотелось подойти к Марии. Но не мог, за женщиной наверняка наблюдали. Она мялась посреди тротуара, не понимала, в какую сторону идти. Медленно двинулась налево, затем встала, подняла руку. Такси проехало без остановки, затем второе, третье. Это не Москва, где на поднятую руку всегда найдется свой таксист. Передумала, побрела в обратную сторону. Обратилась с вопросом к хромому аборигену, судя по возрасту, ветерану Первой мировой войны. Ветеран ответил, Мария побрела дальше — очевидно, поблизости имелась автобусная остановка…

Большаков вышел из подъезда минуты через три. В душе боролись противоположные чувства. Встал у края тротуара, достал сигарету. Мария пропала из вида. Ну что ж, не самый гиблый вариант. Мама в Москве еще жива, в квартире на Котельнической набережной хватит места для двоих. Еще не поздно найти нормальную работу, обзавестись семьей…

Мимо медленно проехал широкий, как нефтеналивной танкер, серебристый «Понтиак». Подобные авто бессовестно потребляли бензин,

но чего не сделаешь ради статуса. Пассажир на заднем сиденье подался вперед — выплыло из мрака лицо. Он пристально смотрел на Большакова. Глаза цепляли, как колючки репейника. Взгляд был недобрый, с долей ехидства. Лицо находилось совсем рядом — широкое, гладко выбритое, с тенями под глазами. Но оно недолго находилось напротив — пассажир откинулся на спинку, закрылось окно. «Понтиак» побежал резвее.

А вот теперь он вспомнил. Холодная змейка струилась по спине. Дружище Шон Майлз! Вечность прошла, оттого и не сразу дошло. Череда людей и событий, случившихся после, вымыла из памяти это лицо. Шестнадцать месяцев назад, бухта Свиней, отступающие диверсанты обстреляли колонну — и, видимо, зря. Полегли практически все, кроме этого парня. Большаков пристрелил его друга Билли Крайтона, пленил самого… На допросе выяснилось, что это не просто солдат удачи — действующий сотрудник ЦРУ. Вернулся с божьей помощью? Алчет реванша? Именно этот субъект принимал участие в задержании Марии. Кажется, его описывал старина Джимми, прижатый к асфальту, — нашел отморозков, чтобы покалечили советского

разведчика. Значит, что-то личное, Шон? Без сомнения. Но особо самовольничать Шон бы не стал — человек на службе, это видно невооруженным глазом. Значит, руководство не возражало видеть Большакова прикованным к больничной койке. Совмещалось, так сказать, приятное с полезным…

Он стоял, охваченный липким оцепенением. Сделал усилие, медленно пошел прочь. Марию трогать не будут, Майлзу она безразлична. Отпустили так отпустили — и не просто ради красивых глаз Большакова, а в обмен на ценного агента. Дай бог ей добраться до родины. Но то, что Большаков каким-то боком связан с Марией, теперь для Майлза не секрет. Не просто же так он здесь появился? Еще один факт в копилку собранных доказательств? Пройдя квартал, Георгий успокоился. Подозрительные личности не возвращались. Но Шон обязательно соберет доказательства его преступной деятельности, и рано или поздно Большакова прикроют. А не получится — иначе выведет из строя. Не ожидалось, честно говоря, что этот тип вернется и станет вставлять палки в колеса. В бухте Свиней пленили не одну тысячу контрас. Не все они были кубинцами. Хватило и прочего сброда, включая

действующих сотрудников американских ведомств. Фидель к вопросу подошел благоразумно — никого не расстрелял. Незадачливых десантников развели по тюрьмам, где они и томились целый год в не лучших условиях. Кубинские власти оценили ущерб от вторжения в 53 миллиона долларов — что и выставили правительству США. В апреле состоялся судебный процесс над «гусанос», каждый получил что заслужил, но Фидель опять сделал красивый жест: пообещал всех выпустить в обмен на продовольствие и медикаменты — на упомянутую сумму. Власти США согласились. Деньги переводили через благотворительные фонды, в итоге вся сумма нашла своих получателей. Куба на какое-то время вздохнула свободно. Фидель пообещал до декабря всех освободить. Похоже, кто-то вернулся раньше…

Воцарилось затишье — словно перед бурей. Противник затаился, наблюдал. Эти люди добивались своего — нервам не прикажешь! Усиливалось состояние дискомфорта. Вечером в дверь позвонили. В квартиру вошла Франческа. Георгий хотел возмутиться — договаривались же! Но сдержался — девушка была бледная, вялая. Раньше улыбалась при встрече, смеялась, бросалась на шею, а сегодня даже жалкой улыбки не

вымучила. Бросила сумку на тумбочку, неохотно подставила щеку для поцелуя. Вывернулась из объятий, пошла в гостиную. Георгий выглянул за дверь, убедился, что лестничная клетка пуста. Франческа сидела на кушетке, сжав коленки, — какая-то выжатая, бесцветная. Большаков пристроился рядом, обнял за плечо.

— Что-то случилось, милая? Неприятности на работе?

— Джордж, во что ты ввязался? — Она повернула голову и пронзительно уставилась ему в глаза. Желчь подступила к горлу. Не весь арсенал еще исчерпал старина Майлз. Сущая классика — зайти через женщину, которая тебе небезразлична. Он уже понимал, куда она клонит.

— Только не говори, что ты ни в чем не виноват, что это удел всех твоих соотечественников… — Она не стала сбрасывать его руку, но спина напряглась. — Я еще в Западной Вирджинии поняла, что с тобой что-то неправильно… Эта ночь, когда у дома слонялись люди, затем слежка на дороге… Подожди, не возражай. — Она приложила ладонь к его рту. — Я не дура, работаю в газете, кое-что понимаю, вижу, что происходит в мире… Люди… определенного типа прикрываются работой в посольствах, в каких-то представитель-

ствах или — вон как ты — в крупном издании… Все так делают, да и мы тоже… Но так хотелось, чтобы тебя все это не касалось, чтобы ты оказался нормальным человеком, не замешанным в эти игры… Наивно, да, но ведь все не могут быть в этом дерьме…

— Не объяснишь, в чем дело?

— Садилась в машину, ко мне подошли трое, показали документы, вежливо предложили поговорить. Двое были из ФБР, третий из ЦРУ. Довольно странный симбиоз, не знаю, бывает ли такое…

Такое бывало. Для выполнения важной задачи формировались группы, куда входили представители разных ведомств. Исключение из правил, но задачи бывают разные. Есть еще АНБ, занимающееся технической разведкой, Министерство финансов, госдеп, Министерство обороны — пресловутый Пентагон, — а точнее военная разведка, которая может работать и с гражданскими…

— Со мной разговаривал человек из ЦРУ… Как же его… О, Иисусе… Майерс, Майлз… Неприятный человек, голос утробный, глаза колючие… Он сказал, что я связалась с советским шпионом, чем весьма усложнила себе жизнь. Теперь меня могут уволить с работы, могут даже отправить в

тюрьму до конца моих дней…

— Какая глупость, — поморщился Георгий. Сохранять спокойствие пока удавалось, но из глубин сознания выбиралась тьма, начинала затягивать. — Франческа, милая, они не сделают тебе ничего плохого, эти люди блефуют. Человек по имени Шон Майлз предвзято ко мне относится, у нас давние неприязненные отношения. Это не связано ни с каким шпионажем, он просто водит тебя за нос. Это аморальный циничный тип, который не гнушается идти на откровенный подлог…

— Вот и про тебя он говорил то же самое, — вздохнула Франческа. — Называл тебя двуликим Янусом, коварным человеком… Заявил, что ты используешь меня, а потом выбросишь… Признайся, Джордж, что это так? Ты ведь не будешь до конца жизни пребывать в этой стране?

— Вдумайся, милая, — настаивал Большаков. — В чем я тебя использую? Припомни хоть один случай. Я не шпион, я просто здесь работаю, выполняю задания, возложенные на меня моей страной…

— Не знаю, Джордж, — шептала Франческа, терла виски. — Не знаю, кому верить…

Он уверял, что верить надо сердцу, он никогда не причинит ей вреда. Понимал, что лукавит,

что дыма без огня не бывает, чувствовал себя последним обманщиком — и сгорал от стыда. Эта женщина ему действительно была небезразлична. И оппоненты знали, куда ударить.

— Давай успокоимся, милая. — Большаков улыбался, тянулся губами к побелевшим щекам. — Они не смогут тебе навредить, потому что ты ни в чем не виновата. Что хотел Майлз? Чтобы ты разорвала со мной отношения?

— Нет, наоборот… — Франческа поколебалась. — Сказал, что я смогу искупить свою вину только в том случае, если стану с ними сотрудничать. Им нужно знать о тебе все — где бываешь, с кем общаешься, кому звонишь. Любое нехарактерное поведение, странные поступки — и после каждой встречи с тобой я должна отчитываться Майлзу. Он дал номер, по которому я должна звонить и подробно отчитываться. Джордж, я не хочу это делать, это как-то… нехорошо…

И все-таки она пришла и рассказала. Смертельно напуганная — но все сделала правильно. Большаков смотрел на эту девушку, и ком подступал к горлу, охватывала волна какой-то нежности. Франческа успокоилась, но еще поблескивали слезинки в уголках глаз.

— Ты не грубила Майлзу во время разговора?

— Я была напугана, — призналась девушка. — Он это видел. Я почти ничего не говорила…

— Отлично. Вернее, плохо, но ты вела себя правильно. Надеюсь, согласилась на его предложение?

— Согласилась. — Франческа поежилась. — Но ты сам пойми…

— Все в порядке, ты поступила правильно. Не надо злить эту публику. Будешь ему звонить после каждой нашей встречи, докладывать о всех нюансах моего поведения, о нечаянно срывающихся фразах. Мы решим, что ты должна говорить. Это не сложно, главное, веди себя естественно. Ты в ужасе, ты не хочешь остаток жизни провести в федеральной тюрьме…

— Но это так, — подметила Франческа.

— Им нечего тебе предъявить. За знакомство с иностранцами в Америке не судят. И Майлз может лезть из кожи, сколько ему вздумается. Все образуется, милая, и со временем они отвяжутся от тебя.

Тучи сгущались над головой, он это чувствовал. Майлз энергично взялся за дело. Чем он мог располагать? Затея с Франческой — всего лишь элемент психологического давления. Девушка не пострадает, в этом он был глубоко уверен. Что

еще? Через Марию? Пусть попробует. Поездка на Кубу, участие в боевых действиях на стороне Кастро, убийство агента ЦРУ, пленение самого Майлза — обвинения серьезные, но как Шон намерен это доказать? Очевидцев нет, и взять их неоткуда. В тот период времени Большаков находился в Москве, что могут подтвердить десятки человек. Вот Майлз и бесится от бессилия. Он может пойти ва-банк, сфабриковать улики — и когда-нибудь это сделает, но пока еще время не наступило…

Франческа неприкаянно блуждала по квартире, стояла у окна, с тоской смотрела на улицу. Что-то не рассказала? Георгий боялся спрашивать, останется ли она на ночь. Казалось, все висит на волоске, уйдет и больше не вернется. Она гремела посудой на кухне — просто бессмысленно переставляла тарелки. Потом вернулась в гостиную, села рядом — какая-то другая, изменившаяся, смотрела на него, не отрываясь. Сейчас скажет, что между нами все кончено, — решил Большаков. И будет в принципе права.

— Я должна тебе кое-что сказать. — Голос у Франчески тоже изменился.

— Говори, — вздохнул Георгий. — Только подумай хорошенько, прежде чем сказать.

— Бесполезно, — девушка тоже вздохнула. — Думала — не помогает. Я, кажется, беременна, Джордж.

Он не сразу понял, что она имеет в виду. Глупо смотрел, пытался перестроиться. Видимо, не все в этом мире вертится вокруг шпионажа. Хотел пошутить: креститься, дескать, надо, если кажется. Но передумал. И все равно задал не самый умный в текущей ситуации вопрос:

— От кого?

— От тебя, дорогой, — обреченно вымолвила Франческа. — Больше не от кого. У меня уже два года, кроме тебя, никого не было. Сначала была задержка, показалась долгой, заставила себя сходить к врачу… Подтвердились самые мрачные опасения. Пятая неделя. Где-то мы с тобой прокололись, Джордж…

Причем в прямом и удручающем смысле этого слова… Голова отказывалась уживаться с новой реальностью, новость не лезла ни в какие ворота. Шон Майлз отдыхает, а назревающий кризис на Кубе, Роберт Кеннеди и президент USA нервно курят в сторонке… Франческа молчала, пытливо вглядывалась в его лицо.

— Осознаешь масштаб бедствия, дорогой?

— И что ты собираешься делать? — задал он

второй не лучший вопрос.

— Сначала хотела сделать аборт, — призналась Франческа. — Дорого, опасно, но кто виноват? Потом задумалась. Я не такая уж девочка, Джордж, годы идут, и отражение в зеркале перестает хорошеть. Сделаю аборт — и никакой уверенности, что смогу когда-нибудь родить. Я рожу твоего ребенка, Джордж, — вынесла безжалостный вердикт Франческа. — И не важно, будем ли мы еще вместе. Что-то подсказывает, что нет, не будем. Но сейчас не хочу об этом, пусть все идет своим чередом. Это, кстати, забавно. — Девушка вяло улыбнулась. — Будет бегать по дому такой маленький русский, похожий на тебя, будет хулиганить, ругаться… Кто еще может таким похвастаться? Подожди. — Франческа осеклась, нахмурилась. — Я разве сказала что-то смешное?

Большаков припадочно смеялся, слезы выступили на глазах. Вздрагивая от смеха, дотянулся до женщины, прижал к себе…

Глава девятая

Он старался не думать о будущем. Это было неправильно, стоило сесть и все хорошенько обдумать. Но откладывал, гнал от себя неудобные мысли. Типичная мужская позиция — потом. Ситуация между тем усугублялась. Плановая встреча с Робертом Кеннеди не состоялась. Филипп Левинсон туманно выразился, что возникли обстоятельства неодолимой силы и стоит временно воздержаться. Давили, похоже, не только на Большакова. Осложнялась обстановка вокруг Кубы. На остров продолжали прибывать грузы и специалисты. Транспорты шли в разные порты: Гавана, Сантьяго-де-Куба, Муэвитас, Кабаньяс, Касильда — но везде по ходу разгрузки и транспортировки соблюдался режим секретности. Шпионов, пытавшихся выяснить характер грузов, ловили и наказывали. Информация не просачивалась, что лишь усиливало «чувство глубокой озабоченности». Корабли Атлантического флота США все чаще выходили на боевое дежурство, сужали полукольцо вокруг Кубы. Фидель Кастро выступал с пламенными речами, грозился

дать решительный отпор американским агрессорам, заявлял, что у него есть все возможности — и, похоже, не блефовал, чувствовал за спиной растущую поддержку.

Через день после разговора с Франческой Большаков поздно вернулся домой. Задержала работа — к печати готовился очередной номер журнала. Несколько раз в течение дня возникал дискомфорт, тянуло спину. К этому следовало привыкнуть, но пока не получалось. Еще на лестнице он почувствовал неладное. Волосок из-под косяка не выглядывал — значит, дверь открывали. «Сигнализация» старая как мир, но работает. Нормальный профессионал такого бы не допустил. Значит, действовали демонстративно? Помедлив, он все же открыл дверь ключом, переступил порог, одновременно включив свет в прихожей. В квартире было тихо, но о коврик за порогом явно вытирали ноги. Разуваться гостям было лень, а топтать не хотелось. Входная дверь осталась приоткрытой, он обошел квартиру, затем вернулся в прихожую, заперся. Использовал дополнительную защелку, чтобы не лезли. Вроде не напакостили. Он еще раз все осмотрел, заглянул в потайные уголки. Поставили прослушку? Но зачем? Кроме Франчески, никто сюда не ходит,

по телефону планы строительства социализма в Америке не обсуждает. Становилось неприятно. Он осмотрел одежду в шкафах, прошелся по полкам. Демонстративно насвистывал «Боже, храни Америку», гремел на кухне плошками, кастрюлями. Технический прогресс еще не достиг таких высот, чтобы прятать шпионскую аппаратуру в спичечном коробке. В нижнем белье Франчески на верхней полке явно покопалась озабоченная рука. Зубная щетка в ванной была развернута на 180 градусов. Смазали ядом? Смешно. Закончив вояж, он поставил на плиту кофе, сел рядом, задумался. Очень странные дела. У него будет ребенок? Решительного неприятия мысль не вызывала. У полковника разведки никогда не было детей, надо же с чего-то начинать? Но данный факт порождал бесчисленную цепочку вопросов. Вовремя ли это? Не станет ли он очередным отцом-негодяем, презревшим свой отцовский долг? Остаток вечера Георгий шатался по квартире, насвистывал песни советских композиторов…

Наутро из зеркала смотрело мятое незнакомое существо. Голова была пуста, как барабан. Ночь прошла спокойно, никто не посягал на частную жизнь. Через час он вышел из дома при полном параде — поглаженный, выбритый до синевы.

Хрустела под пиджаком накрахмаленная рубашка. Обошел машину, попинал колеса, сел на водительское место и запустил двигатель. Выезжая со двора, обратил внимание: в хвост пристроилась машина. Тоже «Форд», но новее и с хищным бампером, похожим на распахнутую пасть акулы. Он собирался перед работой навестить посольство, поговорить с резидентом. Теперь перехотелось. Георгий повернул в ближайший двор — и машина «сопровождения» повернула за ним. Несколько минут он кружил по дворам, примыкающим к Портсмут-драйв, в итоге вернулся к своему дому, поставил машину на прежнее место. Сам отправился пешком — до редакции на 11-й улице было четыре шага.

В течение дня Георгий несколько раз выглядывал в окно. Снова в душе поселялась тревога. Теперь пасли плотно, и это вызывало дополнительные вопросы. «Форд» с акульей пастью пристроился на дальнем конце стоянки. Из открытых окон вырывались клубы табачного дыма. Потом оба пассажира возникли во плоти. Какие-то одинаковые — в шляпах, в плащах песочной раскраски. Один был упитан, щекаст, второй регулярно посещал спортзал. Но курить любили оба. Соглядатаи обменялись парой фраз, мордатый

поднял голову, отыскал глазами редакционные окна. Возникло желание попятиться, но Большаков стоял — словно прирос к подоконнику. Взгляды встретились, агент отвел глаза. Они не уезжали, весь день стояли как привязанные. И ведь добивались так нужного им психологического эффекта! Нервы звенели, работа не клеилась, невольно вспоминалось предложение Роберта Кеннеди обеспечить Большакова охраной…

После работы он сел в свой «Форд» и проехал полквартала до Портсмут-драйв. Здесь работали кафе, и кухня во многих заведениях была вполне приличной. Георгий поставил машину у заведения «Дикси», где готовили вкусные шотландские пироги с мясом, отправился ужинать. Посетителей в заведении было немного. Любезно улыбнулся знакомый официант, выслушал пожелания и убежал. Георгий устроился у окна, уставился на улицу. Трафик к концу рабочего дня уплотнился, пешеходов на тротуаре заметно прибыло. В «Дикси» обслуживали быстро: сигарета не успела прогореть. Пирог, нарезанный ломтиками, источал душистый аромат. Чай тоже подвали густой, с приправами. Посетителям предлагали влажные салфетки, чтобы не тратили время на мытье рук. Полковник приступил к трапезе. Но

не успел доесть, как отворилась входная дверь и вошли знакомые агенты. Пристроились за столиком в другом конце зала — при этом сели так, что оба могли видеть объект. Даже шляпы не сняли. Впрочем, плащи расстегнули. У мордатого слева на груди имелось подозрительное уплотнение. Это мог быть и портсигар или, скажем, карманная Библия — почему сразу пистолет?

Чувство голода им, похоже, было неведомо. Метнувшегося официанта остановило короткое слово из трех букв — паренек кивнул и заспешил обратно. Мордатый безучастно поглядывал на Большакова. Его коллега взял меню, стал без интереса вглядываться в буквы. Аппетит пропал. Вот какого уставился? Георгий отодвинул остатки пирога, допивал остывший чай. Усиливалось беспокойство. Что происходило? Раньше так навязчиво над душой не висели. Какая же полезная привычка занимать место у окна! На другой стороне дороги остановилась машина, вышел Шон Майлз в расстегнутом темно-фиолетовом плаще. Погода в последние дни установилась прохладная, население Вашингтона извлекало из гардеробов куртки и плащи. Майлз натянул на глаза шляпу, нетерпеливо ждал, пока пройдут машины. Вышли еще двое, пристроились в хвост.

Сердце беспокойно екнуло. Майлз ступил на проезжую часть, уверенно зашагал через дорогу. Он направлялся к кафе «Дикси». Лицо у агента было решительное, брови сомкнуты. Не осталось времени на колебания! Агенты в зале своего шефа пока не видели. Но насторожились, когда клиент сунул под блюдце купюру и поднялся.

— Эй, Джеки! — окликнул он пробегающего официанта. — Санузел там? — показал подбородком.

— Там, сэр, — согласился паренек. — Последняя дверь по коридору, увидите.

Сомнений не было — Майлз прибыл, чтобы его задержать. Что-то изменилось в диспозиции сил. Агент еще не вошел в заведение, когда полковник скрылся в указанном направлении. Присутствующие сопровождать его не стали. Хоть и могли, имей в головах чуть больше серого вещества. Георгий молил: хоть бы там было окно! Первый этаж, почему нет? Окно имелось, он облегченно выдохнул, заперся. Окно не открывали тысячу лет, пользовались форточкой! Дерево рассохлось, трещало, сыпалась краска, когда он тащил на себя фрамугу. Санузел выходил на задний двор, беспорядочно произрастал кустарник, грудились мусорные баки. Георгий сел на подоконник,

развернулся с задранными ногами, спрыгнул. Упражнение удалось, почти не испачкался. Шпиков здесь не было, с какой стати? Он с натягом закрыл за собой обе рамы. Зачем, спрашивается? Да потому что так было, во всем должен быть порядок! Размашисто зашагал по отмостке, свернул за угол. Через минуту он вышел в боковой проезд, быстро удалялся от Портсмут-драйв. Сзади нарастало гудение автомобильного мотора. Спина покрылась холодом, но Георгий не оборачивался. Водитель кратко просигналил. Большаков посторонился. Мимо проехал пожилой «Студебеккер» с несуразным багажником на крыше. Водитель прибавил скорость, автомобиль удалялся. Под рубашкой становилось горячо. Он облегченно выдохнул, устремился к ближайшему проулку. Дальше, увы, придется без машины…

Подходы к посольству на 16-й улице еще не перекрыли. Особняк в викторианском стиле, где размещалась дипмиссия, идеально вписывался в ландшафт. Таксист доставил прямо к порогу. Учтиво поздоровался курящий у входа сотрудник безопасности. Здесь, на территории площадью в пять гектаров, он находился в полной безопасности. Это была территория Советского Союза.

Отчет резиденту занял несколько минут. Сегод-

ня Константин Васильевич не язвил и не лучился сарказмом.

— Если все так, как ты говоришь, то это серьезно, Георгий. Они найдут, за что тебя закрыть. Потом извинятся — мол, ошибочка вышла, но время уйдет. Или вообще не выпустят, отыграются на тебе. Проверять, я думаю, не стоит. В своей квартире на Портсмут-драйв ты больше не появляешься. И вообще за пределы посольства не выходишь. Имеешь квартиру в жилом комплексе — в ней и сиди. Про вещи забудь, новые купишь. Документы взял, партбилет?

Это была, по-видимому, шутка.

— Повторяю, Георгий, посольство не покидать. Это не просьба. С некоторых пор ты важная персона, и нам приходится печься о твоей безопасности. В город можешь звонить — наши линии имеют одностороннюю защиту. С наличием прослушки на аппарате абонента решай сам — здесь мы бессильны. Сегодня-завтра постараюсь выяснить, что думают и планируют в Москве. Сиди и жди. Что-то еще? — Резидент прищурился, пытливо уставился на разведчика.

— Ничего, Константин Васильевич.

— Уверен? — Слуцкий не спускал с него глаз. — Мне кажется, ты сказал не все, Георгий. Да и не

выглядишь ты особо расстроенным.

— Вам показалось, Константин Васильевич.

Не оценил бы резидент его «дополнительные» новости. Сутки прошли в томительном ожидании. В шкафах была какая-то одежда. Выпросил у завхоза утюг, все перегладил. Курил в посольском скверике, поедал котлеты в столовой, невольно сравнивая казенную еду с ресторанной. К вечеру следующего дня резидент пригласил на рандеву.

— Мария Добрянская уже в Москве, — сообщил Слуцкий, неодобрительно покосившись на сверкающие ботинки сотрудника. — Передает тебе горячий привет.

— Отличная новость, — оценил Большаков. — И ей передавайте — если подвернется оказия.

— Сам передашь, — огорошил Слуцкий. — На самом высоком уровне принято решение отправить тебя в месячный отпуск. Завтра вылетаешь в Москву — наши сотрудники сопроводят тебя до самолета. Спорить бесполезно, Георгий, так надо. Это связано с безопасностью тебя и твоей миссии. Не волнуйся, вернешься, — смягчился Слуцкий. — Кто, если не ты?

Это было неожиданно. И очень болезненно. Остаток дня мрачные мысли не выходили из головы. Он не был так уверен, что вернется. Хрущева

могли убедить закрыть этот «бесполезный» канал связи. Он мог утратить доверие Никиты Сергеевича. На место Большакова могли предложить более достойную кандидатуру. Вариантов множество. Американцы сами могли разувериться в целесообразности данного вида связи. Ситуация вокруг Кубы только ухудшается. Хрущев прет как танк, не желая идти на компромиссы. Генералу Кертису Лемею и иже с ним тоже не нужен мир, они готовы идти до эскалации и физически уничтожить режим Кастро. Франческа останется одна — в весьма затруднительном положении. То же самое, что бросил! К ночи он, впрочем, успокоился. Московское руководство в чем-то право: в текущей ситуации, когда над Большаковым нависла явная угроза, канал не может функционировать. ФБР и ЦРУ постоянно висят на хвосте. Нужно их убедить, что связь прерывается, а по возвращении действовать тоньше. Но пусть его и вернут через месяц — за это время ситуация может просто обрушиться…

Утром он позвонил Франческе, сообщил, что на месяц отзывают в Москву. Девушка подавленно молчала, и можно было только представлять, какие мысли витают в ее головке. Дать волю эмоциям она не могла — находилась на работе в

окружении коллег.

— От меня ничто не зависит, — сказал Большаков. — Я вернусь, обязательно.

Верил ли он своим словам? Были времена, когда дипломатов и разведчиков вот так же под благовидными предлогами отзывали домой, а по прибытии арестовывали и пытали, предъявляя вздорные обвинения. Времена уже не те, методы другие, но что, по сути, изменилось? Недоброжелателей хватало. Фрэнк Холлман тоже без восторга выслушал известие.

— Подожди, — растерялся он. — То есть мы с тобой уже не выпьем в «Белом льве»? А как же мой день рождения, до которого осталось две недели?

— Не убежит твой день рождения, — проворчал Георгий. — Вернусь — отметим задним числом. Передавай мои лучшие пожелания Шелли — ведь она столько натерпелась, пока тебя вырастила. Сообщи нашим общим знакомым…

— Об этом можешь не волноваться, сообщу, — буркнул Фрэнк. — Ладно, что с тебя взять. Вы — советские журналисты — народ подневольный. Возвращайся скорее, Джордж.

В аэропорт он ехал почти спокойным. Пусть все идет своим чередом. Он всего лишь переда-

точное звено, а не тот герой, что спасет мир. ФБР препятствий не чинило. Уезжающий Большаков — может, не такая приятная картинка, как Большаков за решеткой, но тоже сойдет. Турбовинтовой пассажирский лайнер «Ту-114» взмыл в небо, заложило уши. Улыбчивые стюардессы разносили леденцы. Симпатичная девушка в форме, наклонившись к нему, что-то спрашивала по-английски. Неужели он настолько изменился?

Лето еще не кончилось. В Москве стояла жара, плавился асфальт. Люди искали тень. При возможности устремлялись к воде. Ностальгия еще не замучила — он приезжал сюда меньше года назад. И все равно все было необычно, ново. Новые микрорайоны на подступах к столице — возвышались светлые многоэтажные здания. Зеленели парковые зоны, высились новые виадуки через трассу на Шереметьево. Водитель, присланный из управления, невозмутимо крутил баранку новенькой «Волги ГАЗ-21». Москва зеленела и сверкала в солнечных лучах. Транспаранты, призывающие неустанно следовать курсом партии, органично дополняли городскую среду. Крупных репрессий, похоже, не предвиделось. На Хорошевском шоссе его встретили как родного. Генерал Спиваков пожимал руку,

хлопал по плечу, благодарил за службу. Устный отчет отнял несколько часов — присутствовали несколько человек. «Письменного рапорта не требую, — поставил в известность генерал. — Ты не Лев Толстой, чтобы писать эту «Войну и мир». Но под запись ты нам, дружок, расскажешь все». Только к вечеру он вырвался на волю, оставив в задумчивости группу ответственных товарищей. «Можете отдыхать, Георгий Никитович. Но советуем не расслабляться. Оставайтесь на связи». Тот же водитель отвез домой на проспект Мира. Дом располагался в глубине квартала, недалеко от ВДНХ. Ходил по пустым комнатам, где никто не жил, гадал, как бороться с пылью. Ведомство в его отсутствие вносило квартплату — работало электричество, текла вода, функционировал телефон. Такое ощущение, что здесь витали призраки прошлого. Родители умерли, сестра проживала бог знает где. Рады бы общаться, но как? На генеральную уборку ушло минут сорок — и то много. Ликвидировал пыль, вымыл полы. Снова неприкаянно слонялся, борясь с мрачными мыслями. Все мысли были далеко, смена обстановки на пользу не шла. Забрался зачем-то в холодильник, обозрел пустые полки. Словно джинна вызвал: в прихожей прозвенел звонок, и

в квартиру вторгся знакомый водитель с двумя тяжелыми авоськами.

— Срочная доставка, Георгий Никитович, — прокряхтел он, пристраивая авоськи в угол. — Начальство приказало купить вам продукты — так что нате вам. За деньги не волнуйтесь, бухгалтерия оплатит.

— А что, растроган, — оценил Большаков. — Спасибо, дружище, с меня причитается.

— Бросьте, — отмахнулся «доставщик». — Всего лишь выполнял приказ. Приятного аппетита, товарищ полковник. Все свежее, с колхозного рынка: телятина, курица, яйца, колбаса, сметана. Теперь не пропадете. Ну, наше вам с кисточкой.

Пожали руки, и посланник светлых сил испарился. Настроение улучшилось. Напевая под нос, он загружал продукты в холодильник. Все для автономного плавания добрый человек, конечно, не предусмотрел, предстояло совершить вояж по окрестным гастрономам. По имеющейся информации, привольнее в них не стало, но определенный перечень продуктов всегда присутствовал. Разгуляться можно было только на рынке.

На лестничной площадке он столкнулся с молодой особой — она управляла тяжелой коляс-

кой, въезжала в соседнюю квартиру. Большаков помог. В коляске что-то всплакнуло — но без последствий. Проконсультироваться бы надо, — мелькнула странная мысль, — что такое дети и как с ними обращаться. Соседка задумалась, разглядывая смутно знакомое лицо.

— Знаете, товарищ, мы с вами где-то встречались, — с сомнением заметила соседка. — Меня Наташей зовут. Вы здесь живете?

— Живу, — признался Большаков. — Но бываю здесь очень редко. Работа, знаете, такая.

— Понимаю, — кивнула Наталья. — Вы, наверное, человек героической профессии? Позвольте догадаться. Военный-ракетчик, нефтяник, геолог, моряк дальнего плавания, разведчик…

— Последнее, — выбрал Георгий из предложенного списка и засмеялся. — Нет, конечно. Профессия почетная, но, увы, не для меня. Я инженер, проектируем электростанции, в том числе атомные, работа секретная, постоянные командировки, дома практически не бываю.

— Да, я должна была догадаться, — с важностью кивнула соседка. — Вы работник умственного труда. На моряка, геолога, а также разведчика вы не похожи.

Действительно, зачем разведчику ум? У сосед-

ки, к счастью, имелся муж, поэтому беседа не затянулась. И человеческий детеныш в коляске подавал признаки нетерпения. Он снова все раскладывал по полочкам — и не только в голове. Что ему тут делать целый месяц? По театрам ходить? Но театральный сезон еще не начался.

Все оказалось гораздо хуже, чем представлялось. Ничегонеделание доканывало. Руководство и коллеги про него забыли. Несколько дней Георгий бесцельно слонялся по Москве, подмечал приметы времени. Город развивался, превращался в огромный мегаполис. Строились новые ветки метро, возникали новые микрорайоны. Народ ударно трудился и не менее ударно отдыхал. Парки и скверы в выходные наполнял народ, кинозрители рвались на премьеры: «Девчат» режиссера Юрия Чулюкина, «Девять дней одного года» Михаила Ромма. На «Гусарскую балладу» Эльдара Рязанова выстраивались дикие очереди, граждане спрашивали лишний билетик. Спустя неделю Георгий навестил редакцию журнала «Советский Союз» — вспомнил, что он все-таки журналист, причем не худший. Главред встретил с распростертыми объятиями: пламенный привет американцам! Ну, как вы там, догниваете?

— Слушай, Георгий Никитович, ты только ска-

жи, — бормотал главный редактор. — Работой завалю по самые уши. С твоей-то квалификацией — да тебя в любом издании с руками оторвут! Мы сейчас выходим на Африку, продолжаем экспансию в Азию, нам сотрудники твоего уровня вот так нужны! Не знаешь, как долго пробудешь в Москве, — устроим временно, по самой высокой ставке — хоть на неделю, на две. Ей-богу, нам с этими завалами не справиться…

Георгий согласился, но с условием — немедленно уволится, как позовет труба. Событий в стране происходило много — и их требовалось донести до иностранного читателя. Впервые в истории советская подлодка достигла Северного полюса. Активно запускались спутники, и их характеристики значительно превосходили американские. Первый групповой полет советских космических кораблей — спускаемые аппараты совершили успешную посадку в степях Казахской ССР. Строился научно-производственный город Зеленоград с крупнейшими институтами по электронной технике — будущий флагман советской электронной промышленности.

Имелись и неприятные моменты. О них, как правило, не сообщали. Под Красноярском потерпел крушение самолет компании «Аэрофлот»,

погибли все 84 пассажира. Что случилось в начале лета в Новочеркасске? Что за провокация антисоветских сил? Или не было никакой провокации? Рабочим вагоноремонтного завода не понравилось повышение цен и увеличение норм выработки. Вспыхнули беспорядки, митингующие шли через весь город. Стреляли в райотделе милиции, стреляли в горкоме. Настоящий народный бунт. Милиция и армия жестоко подавили беспорядки, погибли десятки людей, включая подростков. Множество рабочих получили тяжелые ранения. Виновных наказали, КГБ засекретил происшествие, и правда практически не вылезла. Но западные СМИ пронюхали, кричали о подавлении свобод в СССР, оседлали любимого конька о кровавом коммунистическом режиме. Вынесла ли власть уроки?

Никто не отрицал — есть еще отдельные недостатки. Но КПСС неустанно с ними борется. Большаков принял предложение и с головой ушел в работу. Он искренне верил, что советская власть — всерьез и надолго. Немного смущало: надолго — это сколько? Он подверг бы ревизии бессмертный ленинский слоган: «Советская власть — навсегда». Поработать с недостатками, подтянуть экономику, сельское хозяйство — и

почему не жить, как в Америке? Война ничего не решит — ни холодная, ни горячая, только мирное существование, здоровая конкуренция между системами: трудись, развивайся, доказывай преимущества своего строя. А противостояния точно не надо. Разве что немного шпионажа, но с самыми благородными целями…

Работа избавляла от тяжелых дум. Прошлое по-прежнему стояло перед глазами, но уже не вызывало приступов тоски. А вернется ли он на работу в Вашингтон? — все чаще возникал вопрос. Ситуация с Кубой усугублялась, но ни одна из сторон пока границу не переходила. Армия Кастро спешно вооружалась, корабли ВМС США патрулировали Карибское море. Генералы ждали отмашки от президента. Пошла четвертая неделя пребывания в Москве, шел сентябрь. Осень уже чувствовалась — похолодало, солнце стало пропадать. Вечером в дверь позвонили, в квартиру вошел незнакомый товарищ с непроницаемым лицом.

— Большаков Георгий Никитович? — он предъявил удостоверение. — Майор Чернышев, отдел связи.

Екнуло сердце. Неприятности? Или что-то другое?

— Поручение от генерал-майора Спивакова, — сообщил посланник. — Завтра в 13:40 — ваш рейс. Аэропорт «Домодедово», компания «Аэрофлот». Пункт назначения — аэропорт «Адлер», город Сочи. Билет забронирован, получите в кассе. По прилете вас встретят и отвезут куда нужно.

А куда нужно? — возник резонный вопрос. Сочи, бархатный сезон в разгаре. Ну что ж, могло быть хуже…

— Мне брать… какие-то вещи?

— В расчете на пару дней, — сухо проинформировал майор. — Не больше. Теплые вещи можете не брать.

Интрига сохранялась до последнего. Странная ночь, насыщенная догадками, расстроенный редактор, такси в Домодедово. Аэропорт был новый, открылся лишь в апреле текущего года, осуществлял рейсы по стране и за рубеж. Чем не новое достижение «бесчеловечного коммунистического режима»? Аэропорт гудел, регулярно взлетали и садились самолеты. Южные направления пока еще пользовались успехом. Дорога заняла полтора часа. В зале прилета Адлерского аэропорта подошли двое.

— Большаков Георгий Никитович? Следуйте, пожалуйста, за нами.

У крыльца стоял микроавтобус «РАФ-977», окрашенный в однотонный серый цвет, — со шторками на окнах. Взглянуть на номера не было возможности — один из сопровождающих отворил заднюю дверь, ждал. Внутри было комфортно и ни одной живой души. Мужчины сели в кабину. Болтунами они точно не были. Георгий не проявлял любопытства, ждал, чем все закончится. На черноморском побережье было тепло, дул освежающий ветерок. Микроавтобус выехал за пределы аэропорта, на шоссе водитель повернул налево. Ехали недолго, минут сорок. На прямых участках разгонялись, шли под сто. Справа в окне голубело море. Иногда его закрывали шапки деревьев, поросшие лесом возвышенности. Снова появлялось — нереально синее, искрящее в солнечных лучах. Вдоль обочин бежали вереницы пирамидальных тополей, мелькали темно-зеленые кипарисы. По ощущениям, проехали километров 60. Показался населенный пункт — светлые пятна санаториев, жилые здания. Домишки частного сектора сползали с горы. На развилке водитель ушел в сторону, стал объезжать населенный пункт. Пошла густая зелень, пестрели цветы на кустарниках.

— Где мы находимся? — спросил Георгий.

— Поселок городского типа Пицунда, — сообщил сопровождающий, — Абхазская АССР, Грузия.

Дважды останавливались у шлагбаумов, в салон проникали какие-то люди. Последняя проверка у решетчатых ворот оказалась дотошной: проверили документы, провели личный обыск, покопались в вещах. Кивнул сопровождающий: удачного дня, товарищ. На территорию участка «РАФ» не пустили, он стал разворачиваться. По дорожкам, вьющимся вдоль деревьев, сопровождала женщина — молчаливая, лаконично одетая, явно строгих нравов. За деревьями возвышался двухэтажный красивый особняк, облицованный кремовой горной породой, — с большими окнами, впечатляющими балконами. Справа зеленая зона обрывалась, просвечивало море. Беседки, открытый бассейн с панорамными окнами. Все вокруг красиво, ухожено, уютно. Из-за деревьев доносился детский смех. Госдача — догадался Георгий. Но в особняк его не повели.

— Вам налево, товарищ, — сухо произнесла сопровождающая, показав на дорожку. — Пятьдесят метров, увидите флигель, дверь открыта. Дойдете самостоятельно? Ждите внутри, к вам придут.

Флигель был компактный, одноэтажный. Внут-

ри — никого. Обстановка, невзирая на скромные площади, располагала к приятному проведению времени: мягкие сиденья, ковры, журнальные столики. На одном из последних стояла ваза с фруктами. Виноград и груши выглядели, как настоящие, — возможно, и были настоящими. Георгий помялся на пороге, присел в кресло. Ничего, он подождет. Однажды Джона Кеннеди ждал — и не развалился…

В помещение бодро вкатился упитанный невысокий человек — улыбчивый, с немного приплюснутым добродушным лицом. Он носил просторную рубаху, стилизованную под косоворотку, парусиновую белоснежную шляпу с черным ободком. Большаков поднялся. Немного неожиданно, но в принципе чего-то подобного и ожидал.

— Ну, здравствуйте, Георгий Никифорович, именно таким я вас и представлял. — У него и голос был беззлобный, добродушный. Развел руки, словно собрался обнять, похлопал по плечам, пожал руку.

— Здравствуйте, Никита Сергеевич, рад, что вы нашли для меня время. Разрешите поправить? Мое отчество — Никитович.

— Вот голова садовая! — Первый секретарь ЦК

КПСС хлопнул себя по лбу пухлой ладошкой. — Виноват, Георгий Никитович, не велите казнить старого склеротика. Вы присаживайтесь — ага, вот сюда, к столику. Нормально долетели?

— Да, Никита Сергеевич, спасибо.

— Голодны?

— Нет, Никита Сергеевич, в самолете покормили. Да и дома успел перекусить.

— Хорошо. Но когда мы с вами закончим, вас обязательно накормят — я распоряжусь. Пробуйте фрукты, не стесняйтесь, — он не удержался, проверил ногтем грушу, засмеялся. — Смотри-ка, и впрямь фрукты. А то взяли за моду всюду подсовывать папье-маше. А они, зараза, на вид как настоящие…

У Хрущева было хорошее настроение. А может, намеренно хотел показаться своим парнем — простым, от народа. Знающие люди уверяли, что в гневе первый секретарь бывает страшен и под руку лучше не попадаться. Он использовал несложные речевые обороты, много улыбался. Но глаза у первого человека в государстве были внимательные — на это Большаков сразу обратил внимание.

— Вы мне вот что расскажите, Георгий Никитович. — Хрущев сменил тональность, заговорил

вкрадчиво. — Какой он, Джон Кеннеди, — как человек я имею в виду. Чего хочет, чего боится. Какие силы стоят за ним, какие против него. Вы ведь встречались с президентом?

— Один раз, Никита Сергеевич.

— И тем не менее. Хочу выслушать все, что вы о нем думаете. Ваше мнение очень важно для нас. О его окружении, о его брате Роберте, с которым вы встречались гораздо чаще. Мы должны все знать — особенно сейчас.

Почему «особенно сейчас»? Фраза насторожила, но уточнять Большаков не стал. Никита Сергеевич мог просто оговориться. Вполне естественное желание — знать все о своем глобальном противнике. По встрече в Вене он мнения не составил — там Кеннеди играл на публику.

— Джон Кеннеди определенно не хочет войны, Никита Сергеевич. Он готов маневрировать, чтобы избежать самого страшного. Но когда его припрут к стенке собственные генералы, он на это пойдет. Импичмент Кеннеди не нужен, быть объявленным предателем нации — тем более. А недоброжелателей у него хватает — во всех ведомствах, особенно в сенате и Министерстве обороны. Но повторяю, он будет искать лазейки до последнего. Джон Кеннеди готов мирно со-

существовать с нами. Его любит публика, и он любит свою публику. Он хочет всем нравиться, хочет, чтобы его любили женщины, — и, безусловно, хочет оставить свой положительный след в истории. Эдакий настоящий американец, симпатичный плейбой… Ну, плейбой — это…

— Не утруждайтесь, — снисходительно улыбнулся Хрущев. — Знаю.

Большаков продолжал говорить, ничего не скрывая. Нюансы поведения братьев, какие-то незначительные моменты, хорошо их характеризующие. У обоих многодетные семьи — а это о многом говорит. Оба красавчики, имеют оглушительный успех у женской части электората. Хрущев не перебивал, внимательно слушал. Крепкой памятью и природной смекалкой этот человек обладал. Конфуз с отчеством не в счет, это другое. А еще он был хитрый, как лис.

— Вы говорите, Георгий Никитович, не стесняйтесь. Все это крайне важно, даже мелочи.

Хрущев впитывал информацию, размышлял. Большаков подметил одну странность: люди говорили, что Хрущев часто проявляет небрежность в беседе, показывает свое превосходство, «тыкает» даже людям с положением. В беседе с Большаковым он проявлял учтивость, использо-

вал исключительно местоимение «вы».

— Вы весьма наблюдательны, — похвалил Хрущев. — Как считаете, мы правильно сделали, что установили этот неофициальный канал связи? Такого ведь ни у кого еще не было?

— Это верный ход, Никита Сергеевич. Вы поступили весьма прозорливо. Да, вы правы, подобный вид связи между главами государств ранее не использовался. Это быстрое реагирование, скорость и точность передачи информации, невозможность посторонним вмешаться в процесс. Хочу также выразить благодарность за доверие.

— Расскажите, что они собираются предпринять в отношении Кубы? Что их вообще не устраивает?

— Их не устраивает все, Никита Сергеевич. В первую очередь сам Фидель Кастро, фактически объявивший Соединенные Штаты своим непримиримым врагом. Боюсь, они не оставят попыток его свергнуть. Их позицию можно понять — коммунистическое государство, поддерживаемое Советским Союзом, практически у них в огороде…

Сравнение Хрущеву понравилось, он посмеялся. Но быстро сделался серьезным.

— Ваше мнение: чего в первую очередь опаса-

ется Кеннеди? Он боится потерять власть?

— Думаю, да. Это его естественное желание. Но потеря власти будет сопровождаться обвинением в предательстве интересов нации. Этого он боится больше всего. Кеннеди боится показать слабость, пойти на уступки, которые ему потом не простят. С существованием коммунистической Кубы он бы смирился. Но не может, поскольку на него оказывается сильное давление. Братьев Кеннеди очень беспокоят наши секретные поставки на Кубу. Вот уже несколько месяцев на остров прибывают наши корабли, разгружается техника, в том числе военная. Прибывают наши войска, и это не может остаться для них незамеченным…

— А что их удивляет? — усмехнулся Хрущев. — Куба — наш партнер, и мы имеем право защищать наших партнеров от американской агрессии. Имеются соответствующие договоренности, мы ничего не нарушаем.

— Они боятся, что мы завозим наступательное вооружение и сможем напрямую угрожать их безопасности.

— Какая глупость! — Хрущев отмахнулся. — Мы завозим исключительно оборонительное вооружение — только для того, чтобы кубинцы могли отражать атаки агрессора. Я это заявляю

со всей ответственностью. Что они хотели после неудавшегося прошлогоднего вторжения? Это же понятно — они не оставят попыток свергнуть демократическое правительство Кубы. Прошу вас, Георгий Никитович, передайте президенту Кеннеди мои слова. Ему не стоит переживать по поводу наших поставок.

Наступило недолгое молчание. Первый секретарь потянулся к яблоку, стал подбрасывать его на ладони.

— Никита Сергеевич, я обязательно передам президенту ваши слова, — осторожно начал Большаков. — Но… мне пока никто не предлагает вернуться в Вашингтон…

— То есть вам требуется отдельное предложение? — пошутил Хрущев. — Разумеется, вы возвращаетесь в Вашингтон и продолжите работу на благо нашей страны. Я извещу товарища Серова. Но придется подождать. — Никита Сергеевич задумался. — Неделю, может, больше. Это связано с техническими вопросами. Ну, все, пожалуй. — Хрущев хлопнул себя по коленям, поднялся. Большаков встал вслед за ним. — Я многое от вас узнал, благодарю за подробную консультацию, мой друг, и не смею вас задерживать. Ого. — Никита Сергеевич посмотрел на часы. —

Мы с вами беседовали три часа — больше, чем я беседовал с президентом Соединенных Штатов. Сейчас вас покормят и сопроводят в аэропорт. Самолеты в Москву летают, если не ошибаюсь, каждые четыре часа?

Глава десятая

Конгресс США в подавляющей массе голосов настаивал на интервенции на Кубу. 27 сентября обе палаты выпустили совместную резолюцию, дающую право президенту использовать против Кубы вооруженные силы. А через неделю парламент рекомендовал правительству начать вторжение. Новости поступали одна другой неутешительнее. Большаков прилетел в Вашингтон 8 октября — с опозданием на две недели, так и не выяснив, в чем же заключались «технические причины». Все средства массовой информации кричали о Кубе. Наиболее ярые журналисты призывали правительство начать уже сегодня и избавить наконец страну от трехгодичной головной боли. Послания Хрущева для передачи Роберту Кеннеди пока не было. Сам Роберт тоже на связь не просился. Резиденту в отсутствие Большакова ничего не передавали — подобный вид связи допускался лишь в экстренном случае.

— Рад тебя видеть, Георгий Никитович, — приветствовал Слуцкий сотрудника. — Надеюсь, отдых пошел тебе на пользу. Не охренел еще от

безделья?

— В журнале работал, Константин Васильевич, — объяснил Георгий. — То есть выполнял свои прямые обязанности. Будет чем заняться, когда попросят со службы.

— А я на рыбалку поеду, — размечтался резидент. — У нас под Тулой знаешь какие озера? Срублю себе домик два на два, поселюсь на бережку… — Он задумался. — Нет, я не о том. В общем, сделаем вид, что этих пяти недель не было. Продолжай работать. Про съемную квартиру на Портсмут-драйв забудь. Считай, что ее конфисковали за коммунальные долги. Твои вещи перевезли в посольство, можешь ими пользоваться. Надеюсь, те люди, что устраивали тебе веселую жизнь, больше не появятся. Не хочешь жить в посольстве — есть резервная «ведомственная» квартира на 12-й улице, Саутвест. Выразишь желание — номер дома и квартиры тебе сообщат, ключи выдадут и даже благословят. Не твои, конечно, предыдущие хоромы, но извини, чем богаты.

Жить в посольстве Большаков не хотел. Слишком много нюансов. В посольстве, конечно, безопаснее, но меньше возможностей для продуктивной работы. Опять же эта штука под

названием частная жизнь… Знал ли Хрущев, что в Вашингтоне его «почтальон» подвергался непрерывным гонениям? Или про такие мелочи Никите Сергеевичу не докладывали? Какие, право, пустяки, разве боятся трудностей советские люди? Машина работала, добрые люди в его отсутствие проверили ее техническое состояние и залили полный бак бензина. Он привычно проверялся по боковым зеркалам, вскидывал голову. Соскучились по острому сюжету, товарищ полковник? Район Саутвест был неплохой — магазины, заведения, не самая высокая в городе преступность, — но предыдущее место жительства было лучше. Здание углублялось в квартал — мрачноватое, неинтересное. Четыре этажа, несколько подъездов. Георгий встал на углу, курил, не выходя из машины. Слежки не было — пока. Как там себя чувствует дружище Шон Майлз? Не дошла еще информация о возвращении Большакова?

Квартира находилась на первом этаже. Единственный плюс такого расположения — можно бежать, не ломая ноги. Комнаты небольшие, душ рядом с туалетом, кухня узкая и безбожно вытянутая. Мебели немного, в интерьере — полный декаданс. Грустно, девочки. Но лучше, чем

ночевать под мостом через Потомак, как делают некоторые представители незащищенных слоев населения. В квартире было душно, как в газовой камере. Георгий открыл все форточки и отправился к машине, стал вытаскивать вещи.

Уже темнело, когда он подошел к дому Франчески на Каролина-авеню. Волновался, как школьник перед первым свиданием, трудно дышалось. Ужасные мысли лезли в голову. Уехала, сделала аборт, нашла другого… В окнах на втором этаже горел свет. Давно вернулась с работы. Он поднимался по лестнице весь в растрепанных чувствах, страдал одышкой, как старый дед. Мялся под дверью, теребил в руках букетик роз, купленный за углом у цветочницы. Зачем купил? Неудобно, стыдно. Спрятать за спину, чтобы не видела?

Франческа открыла — и он не сразу ее узнал. Осунулась, темные круги обрисовались под глазами. Куталась в платок — немудрено, октябрь в разгаре, а здесь вам не Советский Союз с его отопительной системой… Она не поверила своим глазам, ахнула, отступила. Георгий двинулся на приступ, захлопнул дверь, обнял ее, прижал к груди. Букет, брошенный на тумбочку, соскользнул на пол, да и бог с ним… Он целовал ее стреми-

тельно розовеющее лицо, смеющиеся глаза. Как же он соскучился! Девушка облегченно стонала, льнула к нему.

— Ты вернулся… — шептала она, подставляя губы. — А значит, случилось чудо, на которое я точно не рассчитывала…

Она смеялась, стаскивала с него куртку, тянула в комнату, при этом постоянно ощупывала, словно проверяла на подлинность. Долго не могли оторваться друг от друга, потом Франческа погнала его на кухню, с чего-то решив, что он голоден. В общем-то, так и было, давно не ел, волновался, но разве это важно? Франческа шмыгала носом, вытирала слезы, не знала, за что хвататься. Куда бы ни пошла, перед ней всегда оказывался этот парень, лезущий целоваться.

— Я была уверена, что ты не вернешься, — бормотала она. — Вы же все такие… Особенно ты, Джордж… Как это удобно — сбежал от беременной девушки и доволен… Я хотела аборт сделать, никак не могла решиться, откладывала это удовольствие на каждую пятницу… Теперь решила твердо: сделаю аборт через неделю. До одиннадцати недель вроде позволительно, хотя это дорого и опасно, можно умереть, можно остаться навсегда бесплодной…

Аборты по пятницам? — чуть не вырвалась дурацкая шутка. Прерывание беременности в США фактически находилось под запретом. Исключения имелись, но Франческа под них не подпадала. Аборты, безусловно, проводили, но нелегально, за большие деньги.

— Никакого аборта, — решительно заявил Большаков. — Я здесь, я с тобой, и все теперь будет хорошо. Пусть только попробует не быть!

Подруга плакала от счастья, а потом в постели рассказывала, как жила, что нового случилось на работе. Что там нового могло случиться, кроме нарастающей истерии по поводу Кубы? Ей так хотелось верить его словам о том, что все будет хорошо. Большаков верил — во всяком случае, сегодня. Гнал мысли о будущем. Когда он собрался уходить, Франческа встала грудью у запертой двери: ни за что! Опять сбежит, и ищи ветра в поле. Сегодня он будет ночевать у нее! Предложение было принято единогласно. Она уснула, а Большаков курил у открытой форточки, боролся со здравым смыслом. Будущее рисовалось отнюдь не в радужных тонах и могло наступить уже завтра…

На фоне ухудшения обстановки в Карибском бассейне создавался какой-то вакуум. Сообщений

от Хрущева для Кеннеди не поступало. Связь в обратном направлении тоже не работала, хотя о его возвращении не могли не знать. Редакция журнала работала в прежнем режиме. «А вы куда-то уезжали, Георгий Никитович? — пошутил редактор Стариков. — Вы и раньше появлялись по большим праздникам, так что мы просто не заметили вашего отсутствия». Фрэнк Холлман не звонил, в барах «Чарлиз» и «Белый лев» не появлялся. Георгий позвонил в редакцию «Дейли ньюз». Коллеги сообщили, что Фрэнк уехал по делам в Миннесоту, когда вернется, не знает никто. Это было странно. Текли дни. Ухудшалась погода — округ Колумбия накрыл циклон, над головой постоянно висели тучи. В один из дней, когда он садился в машину, заскребло под лопаткой. Ну что ж, это должно было произойти. Возвращались демоны — во плоти и при исполнении. В зеркале заднего вида отражался субъект в плаще и шляпе. Он сидел на металлической оградке, читал газету. «Форд» медленно тронулся, филер поднялся, дал кому-то знак, сам отправился в обратную сторону. Выезжая из квартала, Георгий обнаружил на хвосте легковую машину, она свернула за ним на 12-ю улицу. Возвращались старые добрые времена. И что дальше? Обыщут

и эту квартиру? Будут повсюду таскаться, пока не сдадут нервы? И что насчет Майлза? Во время инцидента в «Дикси» он явно собирался задержать Большакова. Больше месяца прошло, что у них на уме? Ждут, пока его действия примут откровенно угрожающий характер?

В этот день бог миловал. Группа вела наружное наблюдение, границы не переходила. Вечером в понедельник 15 октября резидент озвучил сообщение: Москва велела Большакову убедиться в исправности функционирования канала. Назревал, похоже, новый раунд. На следующее утро пришлось покрутиться по городу, чтобы избавиться от наблюдения. Он позвонил из таксофона недалеко от Национального дендрария. Филипп Левинсон снял трубку, но голос его звучал прохладно, сдержанно. Условная фраза не звучала, значит, мог говорить свободно. Но почему-то не хотел.

— Все в порядке, Фил? — осторожно спросил Большаков. — Это Джорджи, я в Вашингтоне. В ближайшее время — через день, два — хотелось бы провести встречу. Мы можем ее организовать?

— Прошу прощения, сэр, — последовал ответ, — но мое руководство занято и не имеет

возможности провести встречу. Вас известят, когда мы посчитаем это целесообразным. Хорошего дня, сэр.

Левинсон отключился. Полковник озадаченно смотрел на телефонную трубку. Неспокойно делалось на душе. Что произошло? Почему такой холодный прием после долгой разлуки? Перезванивать было неприлично и бессмысленно. Из того же таксофона он позвонил Марку Ромеро — помощнику пресс-секретаря Сэлинджера. Телефон не отвечал. Беспокойство усилилось. На такси он прибыл в редакцию «Советского Союза», мазнул взглядом скучающих у серого «Мустанга» людей в штатском — тех явно порадовало его появление. Уединился за рабочим столом, отгородился от внешнего мира, стал гадать, что могло случиться. Неожиданно позвонил Фрэнк Холлман.

— Привет, дружище! — обрадовался Большаков. — Хоть одна живая душа на горизонте. Уже вернулся из своей Миннесоты?

— Вернулся, — подтвердил Фрэнк. Он тоже не лучился жизнерадостностью, голос звучал глуховато. — Можешь в ближайшее время подъехать ко мне в редакцию?

— Хорошо, через час подъеду.

Фрэнк поджидал его у входа в редакцию, мял в руках кожаную папку. В кулуары не повел, беседовали на лавочке в редакционном сквере. Фрэнк долго молчал, собираясь с мыслями, Георгий не выдержал:

— Да что происходит?

— Ну, хорошо, — решился Холлман. — Неприятно, что именно мне поручили эту миссию… Но ладно. Начну издалека, если позволишь. О вашем военном пребывании на Кубе известно с мая. Никто и не скрывает, есть соглашения, и вы им следуете. Другое дело — места дислокации. Разведка хотела об этом знать. Наши самолеты-разведчики «У-2» делали облеты Кубы до 5 сентября, проводили аэрофотосъемку. Потом президент запретил это делать — чтобы не повлечь эскалацию. Весь сентябрь и половину октября «У-2» над Кубой не летали. Раньше как ориентировались? Увидели на побережье футбольные поля — значит, неподалеку русская база. Логика железная: кубинцы играют в бейсбол, а в футбол — только русские. Президент попросил более веских доказательств пребывания на Кубе советских войск. После этого, собственно, и начались облеты. Засекали палаточные лагеря, тренировочные полосы, позиции зенитных комплексов С-75…

— И что? — не выдержал Георгий.

— К слову, — буркнул Холлман, — все это проанализировали, и Джон 4 сентября заявил в Конгрессе, что на Кубе нет наступательных ракет. И в этой связи отдает приказ прекратить полеты «У-2». Все, что мы видели, строилось открыто. Но параллельно шли замаскированные работы, которые невозможно засечь с воздуха.

— Не понимаю, куда ты клонишь.

— До 14 октября, то есть до позавчерашнего дня, облетов не было. Частично из-за паршивой погоды — а в это время в регионе постоянные штормы и тайфуны; частично из-за опасений, что самолеты могут обстрелять… Первый полет после долгого перерыва состоялся позавчера. На море установился штиль, и сенаторы решили, что давно не напоминали президенту о войне. Раньше эти миссии осуществлялись с ведома ЦРУ, теперь они в юрисдикции ВВС — то есть генерала Лемея. Состоялся одиночный полет. Самолет взлетел с авиабазы Эдвардс в Калифорнии, за несколько часов достиг острова и облетел его значительную территорию. Бортовая аппаратура вела съемку. Вернувшись, он передал фотопленку ЦРУ. Вчера аналитики ее расшифровали, изучили — и вот что увидели… — Холлман открыл

папку, достал несколько снимков. Большаков машинально к ним потянулся. И почувствовал, как холодеют ноги. Не требовалось быть «узким» специалистом, чтобы понять, что на них изображено. — Это строящиеся стартовые позиции для советских баллистических ракет Р-12 — или SS-4, по классификации НАТО. На следующих снимках — обрати внимание — сами баллистические ракеты средней дальности Р-12, способные лететь на расстояние 4000 километров. Полученную информацию довели до сведения высшего военного руководства. Через несколько часов эти веселые картинки лежали на столе президента.

Холлман сделал паузу, пытливо изучал лицо собеседника. Георгий поедал глазами фотографии, будто искал в них какой-то подвох. Не было там никакого подвоха! Американцы — мастера провокаций, любители передергивать факты, зачастую — банально их фабриковать, но сегодня предъявляли то, что было! На снимках отчетливо были видны ракеты и пусковые установки.

— Разведка энергично взялась за дело, — продолжал Фрэнк. — Одновременно поступили данные от законспирированного источника ЦРУ в Москве. Первую партию баллистических ракет доставили в Гавану 8 сентября — через два дня

после прекращения пролетов «У-2». Совпадение? До этого доставляли обычное вооружение и разобранные на узлы стартовые установки. Вторая партия пришла через неделю. Строительство позиций завершается, а где-то уже завершено. Дивизионы баллистических ракет развернуты на западе Кубы у деревни Сан-Кристобаль и в центре острова у порта Касильда. Личный состав сконцентрирован вокруг ракет, однако часть наступательного ракетного вооружения и мотострелковый полк перебросили на восток Кубы. Сейчас эти подразделения находятся недалеко от нашей военно-морской базы в Гуантанамо. То есть могут уничтожить ее в считаные минуты. Каково, Джордж?

Большаков молчал, сказать было нечего.

— По сведениям источника в Москве, к текущему времени на Кубу доставили все ракеты, что планировали — примерно сорок единиц. Это Р-12 и Р-14. Также доставлено почти все оборудование. Однако морские транспорты еще идут. Мы знаем, что в операции, которую вы назвали «Анадырь», участвуют 85 судов. Капитаны даже не знали, что у них в трюме. Маршрут держался в тайне даже от команд. Сейчас на острове — примерно сорок тысяч ваших военнослужащих. На

аэродромах развернуты советские истребители, бомбардировщики… А теперь самое главное, мой друг, — Холлман выдержал драматическую паузу, — подводными лодками на Кубу доставляются ядерные заряды для баллистических ракет. Пока неизвестно, все ли боеголовки доставлены… Скажи, как можно верить вашему Хрущеву, который до сих пор клянется, что на Кубу доставляется только оборонительное вооружение?

Георгий потрясенно молчал. По приказу Хрущева его отъезд в Вашингтон задержали на две недели. За это время на Кубу доставлены все ракеты и, возможно, все ядерные заряды. Это тоже совпадение?

— Вы же не будете утверждать, что это очередная провокация? — спросил Фрэнк. — Все подтверждается, коллега. Мне поручили поставить тебя в известность. Кто поручил — можешь догадаться. Ты, кстати, в курсе, что я никогда не участвую в фальсификациях — по крайней мере осознанно? И всегда стараюсь придерживаться объективности.

— Именно поэтому я считаю тебя своим другом… — пробормотал Георгий. — Можешь не верить, Фрэнк, но я не знал…

— Отчего же, верю. — Холлман пожал плеча-

ми. — Видел бы ты свое лицо. Вас обвели вокруг пальца: и тебя, и многих чинов из вашей разведки. Об этом не знает ни ваш посол, ни представитель СССР в ООН. Ты представляешь, Джордж, что сейчас начнется? Обстановка и без этого чревата взрывом, а что будет теперь? Генералов не остановить. Знаешь, — Холлман с усилием пошутил, — обычная-то зима — ничего хорошего, а тут ядерная… Ладно, приятель. — Холлман посмотрел на часы. — Бежать надо. Оставайся во всем этом. Тебе же есть о чем подумать?

Резидент смотрел как на умственно отсталого. Начал злобствовать: кого ты слушаешь? Пошел на поводу у наших врагов?! Но осекся, подключил голову. Большаков не мог разбрасываться такими словами. Константин Васильевич осмысливал сказанное, бледнел, он также был не в курсе. Пойти на столь грандиозную мистификацию ЦРУ не могло — все данные легко проверялись. Любая экспертиза подтвердит фальшивость снимков. Критиковать решения партии и правительства резидент не мог. Поддерживать… тоже язык не поворачивался. «Наверху виднее, Константин Васильевич? — думал Большаков, наблюдая за душевными метаниями резидента. — Надули нас всех. Мы на горе всем буржуям мировой пожар

раздуем?»

Потрясение не проходило. Его использовали, как последнюю проститутку! Сам Хрущев в глаза божился, что на Кубе только оборонительное оружие! То есть беззастенчиво врал? Хрущев не мог об этом не знать, только он отдает подобные приказы. Почему Хрущев так поступил? Ложь не должна быть политикой государства! Тем более легко опровергаемая ложь! Большаков лично с пеной у рта уверял Роберта Кеннеди, что Хрущев никогда такого не сделает. И убедил. А Роберт убедил брата, и Джон Кеннеди тоже принял ложь на веру…

Этим вечером он впервые за много лет напился. Отказали тормоза. В бар не пошел, приобрел в супермаркете увесистый штоф бурбона, заперся в квартире. Употреблял в кромешном одиночестве, таращась в телевизор с отключенным звуком. Шло дурацкое шоу, сменилось выпуском новостей. Беззвучно открывал и закрывал рот диктор, яростно вещал конгрессмен, при этом надувал щеки и имел лицо, исполненное собственной значимости. Мелькали лица Хрущева, Кеннеди, что-то орал с трибуны и потрясал кулаком Фидель Кастро. Выслушивать все это не было желания. Алкоголь отключал голову. Он выдернул шнур

телевизора из розетки — даже в беззвучном режиме это было невыносимо. Слонялся из угла в угол, обкуривал помещения. Он чувствовал себя до предела униженным, разжеванным и выплюнутым. Интересно, Хрущев боялся, идя на авантюру с ракетами? Появлялось в памяти лицо Никиты Сергеевича, когда тот убеждал Большакова, что Кеннеди нечего бояться. Да, Хрущев боялся, нервничал, пару раз облизнул губы. Прятал свой страх за деланым добродушием. Все-таки понимал, что идет на отчаянную авантюру с непредсказуемыми последствиями. И отвечать придется именно ему. Решение единоличное — члены Президиума всего лишь послушно подняли руки. Генералы не возражали, на то и генералы. Был ли Хрущев убежден в своей правоте? Видимо, нет. Но упрямый, пер как танк, не считаясь с преградами. Командующим группой советских войск на Кубе назначил генерала Плиева — решительного и исполнительного. У Иссы Александровича впечатляющий послужной список: лихой кавалерист, форсировал с войсками Южный Буг, освобождал Одессу от немецко-фашистских захватчиков. После капитуляции Германии громил Квантунскую армию, командовал Кавказским военным округом. Именно он жестоко подавил

бунт рабочих в Новочеркасске…

Пиком вечерних терзаний стало решение оставить службу. Какой в этом смысл, если ему не доверяют? Пусть работают другие — послушные и услужливые. Рапорт на стол — и будь что будет. А у него еще осталась гордость… Решение было твердым, безоговорочным. Но недолгим. Сунул голову под кран с холодной водой, ждал, пока фрагменты мозаики встанут на место. Страна — не один Хрущев, это 220 миллионов людей, не считая, сколько в ней лесов, полей и рек. Уйти сейчас — не проявление мудрости. Не Хрущев его поставил на этот пост. А также личное: напишет рапорт — покинет Америку, оставив в интересном положении любимую женщину. И больше не вернется. А кто еще вчера убеждал Франческу, что аборт — это зло и все будет хорошо?

В дверь стучали. Он еле соображал, снова вливал в себя ядовитую золотистую жидкость. Видимо, решил не оставлять на завтра то, что можно выпить сегодня. Стучали упорно, долго. Возможно, явился сам дружище Шон Майлз, но ему уже виски не осталось. Полковник грузно поднялся, побрел в прихожую. Что-то повалил по пути, но это не имело значения. Насилу разобрал, что за дверью — встревоженная Франческа:

почему не открывает? Она знает, что он дома — свет горит, мебель падает. Кто бы подумал, что и ангелы являются, когда их поминают? Потерялся ключ — спрятал сам от себя, чтобы спьяну никуда не понесло. Они о чем-то говорили через дверь — вернее, говорила Франческа, а он лишь гнусно хихикал. Проблему все же решили, но он не помнил как. Перед глазами мелькало испуганное лицо Франчески, она ужасалась, хваталась за голову — что произошло? На кого он похож? Теперь такое будет всегда? Большаков вел себя смирно, только мычал, порываясь что-то сказать в свое оправдание. Его тащили в спальню, раздевали, укладывали в постель. Ночью рвало, и было очень стыдно. Франческа бегала с тазиками, ругалась на какой-то ядреной англо-итальянской смеси. Состояние было омерзительным, он метался по кровати, давал волю конечностям. Утро было страшным, безысходным. Голова болела, как последняя сволочь. Насилу разлеплял глаза, пытался что-то вспомнить. Ужас накрывал с головой. Франческа сидела рядом на кровати — уже одетая, подкрашенная.

— Доброе утро, мой хороший. Это была незабываемая ночь, мы прекрасно провели время. Догадываюсь, что у тебя имелась причина так

поступить. Надеюсь, никто не умер? А остальное — решится. Должна бежать на работу, извини, у меня свидание со злобным редактором. Забыла, кстати, тебе сказать — с того дня, как ты улетел в Москву, ко мне ни разу не приходили ни из ФБР, ни из ЦРУ. Но вчера у дома, кажется, кто-то крутился… Ладно, не уверена, что до тебя доходят мои слова. Чао, дорогой.

Она еще раз звонко чмокнула его в щеку и убежала.

Желание оставить службу не возвращалось. Но тьма заглатывала, и тяжелое похмелье лишь усугубляло состояние. Но он нашел в себе силы вернуть человеческий облик. Полчаса под душем, ударная доза кофеина, гладил рубашку, драил щеткой ботинки. Завтракал в кафе, и официантка поглядывала со смешанными чувствами: вроде и приличный человек, но что-то с ним не так. В восьмой раз прогонялась в голове Пицунда. Хрущев определенно находился не в своей тарелке, пытал Большакова, надеясь услышать то, что хотел услышать. А эта фраза: «Мы должны знать все — особенно сейчас»? Он чуть не выдал себя, но полковник не придал значения.

Снимки с самолета-разведчика просочились в прессу, и началась форменная свистопляска.

«Советы хотят нас уничтожить!» — кричали газетные заголовки, «Не позволим им это сделать, дадим отпор коммунистам!» У посольства Советского Союза на 16-й улице толпились люди, что-то скандировали, устраивали мелкие провокации. Полиция наблюдала, не вмешиваясь. Обстановка искусственно нагнеталась. На объединенных собраниях палат Конгресса с гневными речами выступали представители Пентагона, призывали поставить СССР на место. «С кем вы, господин президент? — риторически вопрошали представители власти. — Доколе мы будем терпеть, что отсталое тоталитарное государство диктует нам свою волю?» Приходила свежая информация: на бомбардировщики, дислоцированные на базе в Ла-Коста, устанавливают ракеты, оснащенные ядерными боеголовками. А два дивизиона баллистических ракет уже готовы к стрельбе — их ракеты нацелены на Майами.

Простые граждане уже не на шутку тревожились. Начиналась паника. Пробраться в посольство оказалось не так-то просто. Но вызвал Слуцкий, отказавшись сообщать информацию по телефону. «Рашенз, гоу хоум!» — скандировала толпа у посольства. Какая-то юркая мадам старательно лезла под ноги. В дипмиссии за закры-

тыми дверями было спокойнее, но шум с улицы долетал. Пришла шифрованная радиограмма от Первого секретаря ЦК КПСС. Никита Сергеевич убедительно просил повлиять на Кеннеди — чтобы тот не велся на провокации, принимал только взвешенные решения. Кому сейчас нужна война, тем более ядерная? Это выглядело как издевательство. Кто заварил эту кашу? Кто тащил через океан ракеты с ядерными боеголовками? Хрущев играл в опасную игру. Возможно, он имел в голове некий план, знал, где остановиться, но пока ничто на это не указывало.

Упрашивать Роберта Кеннеди не пришлось. Что-то сошлось в небесных сферах, и именно сегодня американские официальные лица вспомнили о канале. Большаков находился на рабочем месте. Искоса поглядывала Изольда Юрьевна, потягивала носом воздух. Укоризненно покачивал головой в своей загородке редактор Стариков. Позвонили из автомастерской на Потомак-драйв, спросили, оставлял ли он заявку на ремонт стартера. Узел действительно барахлил (но не критично), Георгий ответил утвердительно. Абонент сообщил, что им поступила партия новых узлов с завода и они с удовольствием сегодня вечером проведут ремонт. Садиться за руль после

вчерашнего было страшно, но чего не сделаешь ради дела мира? «Поступаешься принципами, товарищ полковник, — напомнил критик в голове. — Вчера поступился, сегодня поступаешься». В восьмом часу вечера он подъехал на «Форде» к мастерской, занял очередь. Следом въехал черный «Понтиак», встал на другом краю площадки. Вышли и закурили два агента. Их лица были смутно знакомы — кажется, они участвовали в задержании Марии Добрянской. Шон Майлз не объявлялся.

Через пять минут подошел рабочий в комбинезоне, взглянул на номера. Показал пальцем: заезжайте в третий бокс. Григорий заехал, опустилась железная шторка за капотом. Подошел тот самый специалист.

— Все сделаем, мистер. Управимся меньше чем за час. Можете подождать вон за той дверью. Там уютная комната, в ней всегда дожидаются наши клиенты. Можете попить кофе, почитать журнал.

Георгий поблагодарил. Направляясь по указанному маршруту, посмотрел в окно. «Понтиак» стоял на том же месте. Агенты переговаривались, один из них посмотрел на часы. Заходить внутрь вроде не собирались. В указанном помещении

с дивана поднялся человек, в котором он узнал Фила Левинсона. Посланник был спокоен, но заметно напряжен. Обменялись рукопожатием.

— Пойдемте, сэр. — Фил показал на другую дверь, в глубине помещения. — Это черный ход. У нас мало времени.

Они прошли полутемным коридором, выбрались на задний двор. Приземистый «Шевроле» стоял у крыльца. Сели одновременно, Левинсон запустил мотор. Он молчал всю дорогу, и Георгий не напрашивался в собеседники. От разведчика еще попахивало — Левинсон невольно принюхивался. Ударно вчера потрудился полковник советской военной разведки… Ехали недолго. В здании Национального Мемориального комплекса сегодня чествовали героев корейской войны. Благотворительное мероприятие закончилось. Видимо, Роберт принимал в нем участие. Но не спешил возвращаться домой. В кулуарах здания горело дежурное освещение. Роберт ждал в небольшой комнате, отгороженной от мира вереницей дверей и охраной. Он изменился с последней встречи — выглядел нервным, взвинченным. Узел галстука был расслаблен, задрался ворот сорочки — он этого не замечал. О нормах приличия пока еще помнил, изобразил улыбку,

протянул руку. Помещение предназначалось для отдыха — с баром и парой диванчиков. Роберт в это время дня предпочитал пиво — на столике стояла открытая банка.

— Приветствую, Джорджи, рад вас видеть, — у него был севший голос — накричался на мероприятии.

— Взаимно, Роберт, мы с вами давно не виделись. — Мужчины пожали руки. Роберт поводил носом.

— Прошу простить, — извинился Большаков. — Вчерашняя история, так сказать. Таким образом мы в России избавляемся от стресса.

— Понимаю, — кивнул Роберт. — Так принято везде. Но у нас в США еще существуют психологи. Иногда помогают.

— А в России — только водка, — вздохнул Георгий. — Она и психолог, и советник, и самый преданный друг. Не хотелось бы оправдываться за создавшуюся ситуацию, но для меня она тоже стала сюрпризом.

— Да, мы поняли, что премьер Хрущев полон загадок и не всегда доверяет даже самым близким людям… К вам нет претензий, Джорджи. Теперь вы, надеюсь, полностью в курсе? И как вам это нравится?

— Простите, Роберт, я не вправе обсуждать, а тем более осуждать решения своего руководства. Это произошло, все усложнилось, а значит, надо искать выход. Уверен, он есть — мы еще не достигли точки невозврата.

— Да, конечно… Вы присаживайтесь, Джорджи, не стойте. Но если откровенно, вы же недовольны решением своего руководства? Разве это похоже на доверительные партнерские отношения?

— Это неожиданный шаг, согласен, Роберт. Но позвольте также откровенно: разве это решение незаконно? Оно не противоречит никаким договоренностям. Баллистические ракеты НАТО стоят на боевом дежурстве в Европе — в Италии, Великобритании. Они нацелены на Советский Союз. А «Юпитеры» в турецком Измире? Это еще хуже, они практически у нас под боком и могут в считаные минуты достичь любого объекта в европейской части СССР. Нам нечем на это ответить.

Вернее, теперь есть — но данную новость он предпочел не озвучивать. Что позволено «Юпитеру», не позволено быку?

— Вы не понимаете, Джорджи, это другое, — поморщился Роберт. — Наши ракеты вам не угрожают, они…

«Для красоты», — мысленно закончил Григо-

рий. Разворотил, конечно, Никита Сергеевич осиное гнездо…

— Все это полностью укладывается в доктрину НАТО, и речь сегодня не об этом, — продолжал Роберт. — Прошло расширенное заседание Совета национальной безопасности. Президент видит прямую и явную угрозу в действиях своего советского коллеги. Решение пока не принято, Джон колеблется. Есть три варианта развития событий. Буду с вами откровенен, Джорджи. Первый вариант: купировать угрозу ядерного удара по нашей стране: бомбардировщики наносят точечные удары по пусковым позициям ракет, по хранилищам ракет и по советским самолетам, способным доставить на территорию США ядерные боеприпасы. Второй вариант: полномасштабное вторжение всеми родами войск и полное уничтожение кубинского военного потенциала. Это повлечет колоссальные жертвы. Третий вариант, в принципе щадящий. Джон вводит военно-морскую блокаду острова, то есть режим Кастро подвергается тотальным санкциям. Корабли в порты пропускаться не будут. По первому же требованию они должны развернуться и отправиться назад. То же касается субмарин. В случае неподчинения капитаны военных ко-

раблей вправе применять самые решительные меры. Джон склоняется к третьему варианту. Но голоса в Совете национальной безопасности разделились. Представители Пентагона настаивают на втором решении. В качестве компромисса — на первом. Они считают, что иным способом остановить Хрущева невозможно. Первые два варианта — это война, понимаете, Джорджи? Хрущев немедленно отреагирует, ведь пострадают советские граждане, находящиеся на Кубе. Мы ввергнем себя в пучину горячей войны…

«Да еще и у ваших берегов», — подумал Георгий.

— Если я что-то понимаю в международном праве, Роберт, — отозвался Георгий, — то с блокадой тоже не все просто. Она является актом войны. А между тем размещение ваших ракет в Турции, равно как и наши ракеты на Кубе, актом войны не являются. Ни то ни другое никаких договоренностей не нарушает. Такая вот юридическая казуистика. Фактически это проявление равновесия сил, и с этим можно смириться. Вы же не думаете, что премьер Хрущев без всяких оснований нанесет удар по США?

— Мы с братом можем не думать о чем угодно, — пробормотал Кеннеди, — но ситуация

развивается так, что на первое место выходит мнение военных. На брата давят очень серьезно, поймите. И аргументы сторонников войны убедительны, согласитесь. Возможно, ему удастся протащить вариант с блокадой — или, говоря другими словами, карантином. Но это ненадолго. Да, согласен, блокада — акт войны. И мы оказываемся в роли стороны, которая ее развязывает. Реакция последует от всего мирового сообщества. Но у Джона есть решение. Данный вопрос будет вынесен на обсуждение Организации американских государств. Нормы международного права будут соблюдены. Организация проголосует как надо. И слово «карантин» вместо «блокады» не случайно — речь не идет о полном прекращении морского сообщения, а лишь о прекращении военных поставок. Но эта мера, повторяю, временная, она едва ли поможет… — Роберт вскочил и стал нервно расхаживать по комнате. — Какие бы меры мы ни применяли, ситуацию уже не повернуть вспять. Скоро все общество перейдет на сторону войны, и Джону ничего не останется, как возглавить этот общественный порыв…

— Роберт, я обязательно свяжусь с Хрущевым и сделаю все возможное, чтобы смягчить его позицию, — пообещал Большаков. — Передай-

те Джону, что ему стоит подумать об отказе от планов захвата Кубы. Объявите, что навсегда откажетесь от попыток свергнуть Кастро. Это может подействовать на Хрущева, и он вывезет ракеты. Останется ограниченный воинский контингент с оборонительным оружием, который никак не сможет угрожать вашей безопасности. Пусть Куба живет и развивается, они и так настрадались. Большинство населения острова так или иначе поддерживает Фиделя — это невозможно отрицать.

— Хорошо, я поговорю с братом, — после долгого молчания произнес Роберт. — Но вы же знаете наших военачальников, а слово вашего премьера, как показывает жизнь, не такое уж железное… Я понял вас, Джорджи. — Роберт вскинул руку с часами. — Не буду вас больше задерживать…

Глава одиннадцатая

Ровно через пятьдесят минут после заезда в бокс он вывел машину задним ходом. Стартер поменяли, взяв за работу восемь долларов. Шпики в «Понтиаке» уже теряли терпение. Но успокоились, выбросили окурки и дружно полезли в салон. Кажется, ничего не заподозрили. В почетном сопровождении Георгий прибыл к своему дому в Саутвест, вошел в квартиру. Он наблюдал за обстановкой из-за шторы. Два силуэта мерцали у подъезда, иногда стояли как вкопанные, иногда прогуливались. В дом не заходили, от провокаций воздерживались. Послышался шум подъезжающей машины, свет фар озарил придомовую территорию. Георгий подобрался. Машина под окном не возникла, встала где-то слева. Погасли фары. Оживились соглядатаи, куда-то заспешили. Завелся двигатель, отъехал автомобиль. Но тот, что прибыл позднее, остался. Снова в поле зрения обозначились двое — теперь другие. Пост сдал, пост принял? Похоже, установили плотный и постоянный присмотр. Подозревают, что он взялся за старое? Доказательств нет, а хочется.

Значит, кому-то крайне важно, чтобы даже теоретическая вероятность мирного решения кризиса устремилась к нулю. Хорошо, что у Франчески сегодня неотложные семейные дела…

Кризис усугублялся. Встреча Кеннеди с послом Добрыниным и министром иностранных дел Громыко ни к чему не привела. Громыко, невзирая на все предъявленные доказательства, категорически отрицал наличие на Кубе наступательных вооружений, а посол Добрынин при этом благоразумно помалкивал. «Министерство странных дел», — думал Георгий, знакомясь в «Вашингтон пост» с соответствующим материалом. Данная встреча явно не пошла на пользу престижу советского государства. На следующий день фотосъемка с У-2 выявила новые замаскированные ракетные позиции, а также реактивные фронтовые бомбардировщики «Ил-28» на северном побережье Кубы. Все свежие данные немедленно появлялись на столе президента, как новые доказательства агрессивных действий Советского Союза. Военное командование реагировало на каждое подобное сообщение. В штат Джорджия на юге США были передислоцированы одна танковая и пять общевойсковых дивизий. Войска приводились в состояние повышенной боевой

готовности. Бомбардировщики B-47 среднего радиуса действия были переброшены в гражданские аэропорты южных штатов. Стратегические бомбардировщики B-52 перевели в режим постоянного боевого патрулирования. Джону Кеннеди все же удалось протолкнуть решение о введении блокады острова. 20 октября за него проголосовало большинство членов Совета национальной безопасности. С Организацией американских государств утрясли быстро. 24-го числа решение вступило в силу. Почти две сотни кораблей ВМФ США окружили остров. Но четкий приказ пока не отменяли: ни в коем случае не открывать огонь по советским судам без приказа президента. На Кубу все еще везли ракеты для двух последних дивизионов БРСД, а также крылатые ракеты. К острову подходили четыре дизельные подводные лодки со спецгрузом.

Кремль жестко отреагировал на решение о введении карантина. Хрущев заявил о незаконности блокады и о том, что советская сторона ее игнорирует. Он пригрозил, что, если советские суда будут остановлены или, не дай бог, атакованы, ответ последует моментально. Капитанам подходящих к Кубе транспортов и подводных лодок он лично отдал приказ двигаться строго очерченным кур-

сом и игнорировать любые происки. Эта группа судов уже подходила к Карибскому морю…

— Проблемы на работе, — объявил Георгий забежавшей на огонек Франческе. — На будущей неделе мы вряд ли сможем видеться. Это же не проблема? Я никуда не уезжаю, остаюсь с тобой в этом городе. Просто… в общем, не хочу забивать твою голову и портить жизнь нашему будущему ребенку.

Супертайфун не обрушился. Но Франческа погрустнела, смотрела волчонком.

— Пойми, так надо, — настаивал Большаков. — Это в первую очередь для твоей же безопасности. У тебя есть местечко помимо твоей квартиры? Скажись больной — я не знаю, возьми работу на дом. Всего лишь неделю, милая…

— Проблемы на работе? — вздохнула Франческа. — На какой из них?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — рассердился Георгий. — У меня одна работа, и вот в связи с ней складывается непростая ситуация.

— Хорошо, — обреченно вздохнула Франческа. — Я не буду ни о чем спрашивать. Не могу понять, Джордж, кто ты такой. Ты хороший человек. Но все эти драматические обстоятельства… Хорошо, я согласна, если это поможет. Старая

подруга Лаура — мы с ней когда-то учились в колледже — живет на Флорида-авеню, недавно избавилась от очередного бойфренда и не будет против приютить меня на недельку. О, святой Иисусе, как я дошла до такой жизни…

Он отвез Франческу домой, взял с нее обещание тут же начать собирать вещи. Словно чувствовал: что-то случится. По дороге Франческа мрачно призналась: на днях опять появился Шон Майлз. Она испугалась, словно привидение увидела. «Задание» прежнее: собирать информацию о своем русском друге и ничего не скрывать. Он также в курсе, что она беременна, хочет оставить ребенка, — при этом криво усмехался и сверлил ее взглядом.

— Знаешь, Джордж, иногда он кажется нормальным человеком. А иногда — ну просто мороз по коже, этакий классический злодей…

Она печально смотрела, как он выезжает со двора, пытается разминуться с застрявшей в подворотне машиной со шпиками. Через полчаса он должен был находиться у картинной галереи Сильвии Винчеро близ Базилики непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии. Машину пришлось оставить во дворе — там имелась специально оборудованная площадка, — а затем пешком воз-

вращаться на оживленную магистраль. Частная галерея современного искусства размещалась в помпезном георгианском здании с видом на самый большой в США католический собор. Помимо галереи в здании размещались несколько ювелирных магазинов. На подобную архитектурную вычурность в Советском Союзе обрушились бы с гневной отповедью, «излишества» нынче были не в чести. С легкой руки Никиты Хрущева в Союзе массово лепили дешевые пятиэтажки с квартирами-каморками, призванные решить жилищную проблему. В галерею он не пошел — не оставалось времени. Да и современное искусство в «свободном мире» порой принимало такие формы, что тошнило. Слежки не было — уезжая от Франчески, он сделал все, чтобы сбросить посторонних с хвоста. Он прохаживался взад-вперед, посмотрел на часы. Время вышло. Никто не появлялся. Вдоль проезжей части выстроились лавочки, Георгий присел на одну из них, вынул сигаретную пачку. Прошло еще несколько минут. Странно. И вдруг обнаружил «посторонних» на противоположной стороне дороги! Сердце екнуло. А ведь молчала интуиция — подлая предательница! На противоположной стороне дороги, справа от остановки, у тротуара

стоял светло-бежевый «Бьюик», а из окна в его сторону поглядывал не кто-нибудь, а мистер Шон Майлз! Георгий похолодел. Вот и встретились после долгой разлуки… Этот черт совсем не изменился, смотрел угрюмо, с далеко идущими намерениями. Как он тут оказался? Считалось, что избавился от слежки, а на самом деле играли в поддавки. Он спохватился, взгляд скользил дальше, к кафедральному собору — безусловному произведению искусства. Мог ведь и не заметить Майлза?

Мысли кипели — что делать? Подняться и уйти? А как же назначенная встреча? Сейчас, когда дорог каждый день… К остановке на противоположной стороне подошел муниципальный автобус, высаживал пассажиров. Бежевый «Бьюик» продолжал стоять, Георгий наблюдал за ним боковым зрением. На подходе образовался второй автобус, медленно подъезжал. Водитель ждал, пока отъедет первый. В какой-то момент он перекрыл «Бьюик». Самое время исчезнуть! Но не успел. Слева, метрах в сорока, оторвался от тротуара бледно-серый «Кадиллак», стремительно подлетел, водитель прижал машину к бордюру. На месте водителя сидел Фил Левинсон и энергично жестикулировал. Вот так номер! Георгий

быстро поднялся, сел на заднее сиденье. Машина отлетела от тротуара, и через тридцать метров Левинсон стал выкручивать баранку, направляя «Кадиллак» в переулок. Полковник обернулся. Автобус, сослуживший добрую службу, занял свое место на остановке. Открылся обзор. Распахнулась дверь «Бьюика», выбрался Майлз, злой как черт, завертел головой: куда пропал подопечный?! «Кадиллак» уже ушел за угол. Проулок был пуст. Фил пролетел метров сто, снова свернул. Оба одновременно вздохнули с облегчением.

— Добрый вечер, сэр. — Филипп поднял глаза к зеркалу. — Прошу простить за опоздание, но сами видите… Я не стал подъезжать, выявил наблюдение за вами, ждал удобного момента.

— Спасибо, Фил, вы наблюдательный человек. А я, кажется, напортачил.

— Да уж, сэр, не без этого. Будьте внимательнее.

Очередная встреча состоялась на берегу Потомака в отдаленном районе. Река несла мутные воды, дул прохладный ветер. Роберт Кеннеди, закутавшийся в плащ, облокотился о бетонный парапет, мрачно смотрел на воду. Площадку ограждали поперечная бетонная стена и несколько телохранителей. Желающих прогуляться в

этот час было немного. Поодаль стояли два автомобиля — и возле них мерцала фигура сотрудника безопасности. Роберт повернулся, протянул руку. Блеклая улыбка осветила осунувшееся лицо. Он достаточно промерз на промозглом ветру.

— Досадная задержка, сэр, — объяснил Левинсон. — Возникли технические сложности.

— Я так и подумал, — кивнул Роберт. — Наш советский друг — образец пунктуальности, без причины не опаздывает. Главное, чтобы эти технические трудности не превратились в неразрешимую проблему.

В сгущающихся сумерках выделялось обостренное лицо генерального прокурора. Он кусал губы, не знал, с чего начать.

— Ситуация серьезнее, Джорджи, чем могла бы показаться… У нас есть часов десять-двенадцать, после чего может произойти непоправимое…

«Нашла коса на камень», — подумал Большаков и в принципе не ошибся.

— Вы знаете об объявлении Джоном карантина в отношении Кубы,… Советским судам запрещено входить в государственные воды Кубы, а тем более в порты. К тем, кто ослушается, будут применены самые суровые меры. Мы не хотим стрелять по вашим кораблям, даже существует

тайный приказ этого не делать, но не все зависит от нашего желания… На подходе к острову — четыре транспорта с ракетами Р-14… уж не обессудьте, что нам все известно. Помимо них параллельным курсом следуют две подлодки с грузом ядерных боеголовок. Примерно через десять часов группа кораблей войдет в территориальные воды Кубы. Их перемещения будут тщательно отслеживаться. На пути у группы — несколько эсминцев и ракетный крейсер с полным боекомплектом. Премьер Хрущев объявил на весь мир, что эти суда не остановятся, что наша сторона не имеет права их задерживать. Сейчас уже не важно, насколько законны действия той или этой стороны. У меня есть достоверные сведения, что генералы Тейлор и Лемей готовы идти до конца. Другого удобного случая им может не представиться. Команды судов получат приказ остановиться, но приказ они проигнорируют, пойдут дальше. Нет уверенности, что наши суда станут производить предупредительные выстрелы. Они откроют огонь на поражение. И технически будут правы — советские моряки не выполнили законный приказ президента. Поверьте, дальше никто не будет разбираться, кто прав, кто виноват. Начнется эскалация… Дай

бог, если ядерные заряды применят не в первую очередь… У Хрущева недостаточно сил в Карибском бассейне, здесь он не сможет нас одолеть. Но что, если он ударит в другом регионе мира — например, в Берлине? Вы представляете, куда мы тогда покатимся? Угроза реальна, Джорджи, наши генералы очень надеются, что капитаны советских судов откажутся подчиниться…

— Понимаю проблему, Роберт, — задумчиво кивнул Большаков. — Но не думаю, что ваши корабли не откроют предупредительный огонь. Стрелять без приказа на поражение — полное сумасшествие.

— Пусть так, — допустил Роберт. — Но Тейлор и Лемей намерены именно из этого инцидента выжать все возможное. Пускай произойдет предупредительный выстрел. Суда встанут. Капитаны сообщат в Москву. Сами догадаетесь, что ответит Хрущев? Продолжайте движение, американцы блефуют, они побоятся стрелять на поражение… Вам не кажется, что мы играем в смертельно опасную игру? Прошу вас, сообщите Хрущеву о том, как складывается ситуация. Пусть он развернет свои суда. К черту амбиции! Разве мы мало шли вам на уступки? Ваша боеспособность на Кубе не пострадает — это всего лишь несколько

судов. Главный груз давно доставлен, разве не так? Стоит ли ради пустых амбиций рисковать нашим миром? Простите, если выражаюсь недостаточно дипломатично…

— Все в порядке, Роберт. Для того и создавался этот канал — открыто выражать мнения и совместно искать выход. Вы правы, ситуация опасна. Постараюсь урезонить премьера Хрущева.

— Уж постарайтесь. — Роберт передернул плечами. — Очень хочется, знаете ли, проснуться не только завтра, но и послезавтра. Также хотелось бы вас предостеречь, Джорджи, — будьте осторожны. Я получил доклад, что за мной пытались установить наблюдение. Уверен, что это недоброжелатели Джона — те люди, что рвутся развязать войну. Охране удалось избавиться от посторонних. Уверен, что и вами интересуются. Если вас задержат, мы останемся без связи, и тогда все окончательно полетит к черту. Советую находиться в безопасном месте — например, в вашем посольстве. Очень жаль, что вы отказались от охраны…

Проникнуть в посольство пока еще было реально. Помощь со стороны не потребовалась. У главного выхода по-прежнему толпились люди. Но вели себя без огонька — видимо, провокаторы

и подстрекатели отбыли на ужин. С обратной стороны у запасного выхода все было тихо. Охрана впустила внутрь, посочувствовала: чертовски ненормированный день у советских журналистов. Шифрованная радиограмма ушла через час. Пришлось поломать голову над текстом, чтобы Никита Сергеевич понял, куда катится этот мир.

И на сей раз не обошлось без уступок и компромиссов. Хрущев был крепким орешком. Наутро по дипломатическим каналам прошло его предложение. Суда «Артемьевск», «Дубна», «Дивногорск» и «Николаев», находящиеся в территориальных водах Кубы, продолжат движение по намеченному курсу. Подводные лодки — также (впрочем, две из них всплыли, не имея возможности двигаться дальше — разрядились аккумуляторные батареи). Остальные же суда, находящиеся в Атлантике и идущие на Кубу, будут развернуты и отправятся домой. Хрущев явно смягчил риторику: заговорил о недопустимости столкновения советских и американских кораблей.

Условие было принято американской стороной. Президент приказал пропустить упомянутые суда. Можно представить, как скрипели зубами военачальники! Инцидент оказался исчерпан, но общая ситуация накалялась. Всплывали новые

данные о нацеленных на США ракетах, о боевых заданиях, полученных советскими пилотами. Корабли окружали остров. Судовые орудия находились в расчехленном положении и готовыми к стрельбе. Из Кремля звучали гневные выпады о незаконности действий американских властей и грядущем сокрушительном ответе. Решением Президиума ЦК КПСС Вооруженные силы СССР и стран Варшавского договора были приведены в состояние повышенной боеготовности. Отменили увольнения, приостановили демобилизацию. Хрущев слал послания Кастро, заверяя в непоколебимости позиции Советского Союза. К вечеру пятницы 26 октября ситуация обострилась настолько, что достаточно было одной спички, чтобы все вспыхнуло. Посол США в ООН Стивенсон резал правду-матку, представлял на экране компрометирующие снимки стартовых позиций и язвительно интересовался у советского представителя Зорина, готов ли тот под присягой поклясться, что на Кубе нет советских баллистических ракет. Советский представитель был спокоен, как удав, отшутился, что они не в суде, чтобы давать присягу. От прямого ответа уклонился, заверив, что в скором времени американцы получат точный и правдивый ответ.

Вечером в пятницу Большаков вернулся на 12-ю улицу, район Саутвест, чтобы забрать машину. Покинуть посольство удалось незаметно, воспользовавшись запасным выходом. Он покинул такси в соседнем квартале, пешком дошел до дома. Соглядатаи не высовывались, «Форд» стоял в нескольких шагах от подъезда. Посторонних не было — он достаточно долго наблюдал издалека. Возможно, с дома сняли наблюдение, решив, что он сюда не вернется. Георгий скверно себя чувствовал, практически всю ночь не мог уснуть, болела голова, заплетались ноги. Первую половину дня как-то выдержал, но сейчас был полностью разбитым. Возможно, он принял не лучшее в жизни решение. Но должен был помыться, переодеться, по-человечески выспаться…

В квартире свет не включал — обследовал помещения, постоял у запертой двери, прислушиваясь к тишине в подъезде. Рухнул без задних ног — только и успел раздеться…

Утром вскочил в половине одиннадцатого — все пропало! Сидел на кровати с колотящимся сердцем, слушал. Осторожно подошел к окну, затем к противоположному. Все было спокойно. Проходили какие-то люди, но без печатей на лицах. Что в мире? Он мог пропустить что-то

важное. Направился к телевизору, но передумал, лучше не шуметь. Быстро принял душ, выпил кофе, извлек из шкафа чистую одежду.

Через двадцать минут он был готов к труду и обороне. Критически обозрел отражение в зеркале, проверил содержимое карманов: ничто не забыто? Невольно усмехнулся — партбилет на месте? Перед уходом все же подошел к окну, отогнул пальцем шторку. Сердце тревожно екнуло. Тип, гуляющий у соседнего дома, был явно не из местных. Худощавый, с продолговатым лицом, в надвинутой на глаза шляпе. Навстречу показался еще один — в принципе похожий. Субъекты встретились, закурили, устремили взоры на окна первого этажа. Медленно стали приближаться, перебрались на дорожку, тянущуюся вдоль дома, стали прохаживаться по ней.

Георгий проклинал себя последними словами: поддался человеческой слабости! Добро пожаловать в мышеловку? Но вечером здесь точно не было чужаков, и он, находясь в квартире, не подавал признаков жизни. Накапал кто-то из жильцов, проявил гражданскую позицию? Он заспешил к противоположному окну. Но и там ситуация не радовала. За деревом присутствовал посторонний господин, курил, привалившись

к стволу. Заскрипит оконная рама — обязательно проявит интерес. А вот теперь мышеловка захлопнулась. Или нет? Крутились колесики в мозгу. На втором этаже, если память не подводила, имелся продольный коридор через весь дом, связующий подъезды. Странная конструкция, но у них так принято, в каждом здании — свои фишки. Не СССР, где все одинаково. Георгий натянул шляпу, снял с вешалки плащ. С улицы донесся шум — подъехала машина. Не удержался, забежал на кухню, отогнул шторку. Подошел знакомый «Бьюик», высадились двое. Проходило рабочее совещание — к сожалению, короткое. Личности в шляпах устремились к подъезду. Мелькнула сосредоточенная физиономия Шона Майлза. Как же без него! Попытка номер два?

Считаные мгновения — отнюдь не фигура речи. Он выскользнул из квартиры в тот момент, когда отворилась наружная дверь. В тамбур вошли люди. Закрывать квартиру времени не было — плотно натянул ее в створе и бросился на лестницу. Сначала постучат, реакции не дождутся, обнаружат, что дверь открыта… Фора маленькая, но есть. Он бежал на цыпочках, перепрыгивал через ступени. И когда кучка агентов собралась под его дверью, сворачивал в коридор. Двигался

быстрым шагом, намеренно не переходя на бег. Свернул на лестницу, вышел из последнего подъезда, предварительно подняв воротник плаща. Не оборачиваясь, он зашагал к выходу со двора. Свернул в боковой проезд, заспешил к таксомотору, который высаживал пассажиров. Хорошо, что обернулся. У подъезда на дальнем конце дома остались двое, и спешащий гражданин в шляпе им не понравился. Лица они не видели, но могли изучить походку и манеру одеваться. Агенты переглянулись и, как-то колеблясь, потянулись за ним, стали ускоряться, побежали! Георгий забрался на заднее сиденье, дружелюбно улыбнулся обернувшемуся водителю. Это был пожилой негр — худой, как Кощей Бессмертный.

— Добрый день, приятель, — поздоровался Большаков. — На 16-ю улицу, окей? Только можешь побыстрее? Страшно опаздываю.

— Успеете, мистер, доедем быстро, — уверил водитель — и не стал тянуть резину, сдал назад, лихо развернулся. Агенты выбежали в проезд, когда машина сворачивала в подворотню. День был пасмурный, в воздухе стояла изморось — номер вряд ли разглядели.

До 16-й улицы таксист домчал за десять минут, лихо объезжал попутный транспорт, рискованно

проскакивал на желтый свет. У пышного особняка в стиле бозар по-прежнему толпились люди. Митингующие обедали за пределами проезжей части, валялись в ногах плакаты, призывающие поставить на место великий и ужасный Советский Союз. Отдельные личности слонялись по дороге, пренебрежительно поглядывали на вынужденных их огибать автомобилистов. Георгий собрался выходить, но вдруг увидел ИХ! Эти люди выделялись из общей массы. Хорошо, но скучно одетые, они следили за обстановкой, встречали и провожали глазами проезжающие машины, при этом держались близко ко входу в посольство. Возникло ощущение, что международный скандал им малоинтересен. Мужчина пристально сканировал взглядом проезжающее такси. Георгий сполз с сиденья, утопил подбородок в вороте плаща.

— Где остановить, мистер? — спросил водитель.

— Пока прямо, приятель. Как проедем это здание, поверни налево, затем опять налево.

Таксист послушно следовал указаниям, направил машину к заднему крыльцу посольства, утопленному в крохотный садик.

— Напротив крыльца, приятель.

Темнокожий таксист начал тормозить. Но и здесь все было непросто! Два характерных субъекта вышли из-за дерева, двинулись наперерез.

— Гони, друг! — ахнул Большаков. — Десять долларов!

— Но, мистер… — растерялся водитель. Агент уже подходил к его окну. Другой пустился в обход капота. Они уже видели, кто сидит на заднем сиденье.

— Гони, говорю! — выкрикнул Большаков. — Пятнадцать долларов!

Имелась у мужичка авантюрная жилка. И хорошие деньги в хозяйстве не лишние… Он резко утопил педаль газа. Машина взбрыкнула, понеслась вперед. Отпрыгнул агент, чтобы не стать украшением капота, что-то возмущенно закричал. Негр страдальчески закусил губу, гнал вперед. Улочка впереди была пуста. Незадачливые агенты метались, натыкались друг на друга. Бросились куда-то вбок — видимо, поставили там машину. Георгий командовал: налево, направо. Мелькали дворы, узкие проезды. Удивленно поглядывали пешеходы: не белены ли объелся этот темнокожий таксист?

— Что же я делаю-то, Иисусе праведный… — пробормотал водитель, останавливаясь за

мусорными баками.

— Все правильно делаешь, друг, — отозвался Георгий. — Спасенный мир тебя не забудет. Держи, здесь двадцать долларов, — он сунул в трясущуюся длань свернутые купюры. — За качество, так сказать, выполненной работы.

По меркам текущего года это было целое состояние. Водитель судорожно запихивал «гонорар» за пазуху.

— Спасибо, мистер… Послушайте, мистер, мне плевать, кто вы такой и кто эти люди… Можно просьбу, мистер? Если меня найдут и станут допрашивать, могу я сказать, что вы приставили мне нож к спине, поэтому я не стал останавливаться?

Георгий засмеялся — и не узнал свой механический смех.

— Именно так, приятель, ты схватываешь на лету. Приставил нож — но только не к спине, а к печенке, — и ты погнал как ужаленный. Ничего они тебе не сделают, ты имеешь право бороться за свою жизнь. Ну, будь здоров, привет семье.

Отныне он находился в интересной ситуации. Домой нельзя, в посольство не пробраться. В мире — какой-то бардак… Он уходил вглубь кварталов, путал следы. Из закрытой будки таксофона позво-

нил резиденту. Прямой контакт допускался, но только в исключительных случаях. Сегодняшний случай был именно такой.

— Влип ты, конечно, милый друг, — проворчал Слуцкий, выслушав краткое изложение событий. — Можем, в принципе, тебя вытащить и отправить в Союз, но ты же не захочешь?

Разговаривать можно было безопасно. Подслушать то, что исходит из резидентуры, было невозможно.

— Хорошо, что позвонил, поставил в известность, — продолжал Константин Васильевич. — В посольство мы можем тебя завести, но ты же и на это не согласишься? Кстати, для тебя сообщение. Позвонили на открытый номер, попросили коечто передать журналисту Большакову. Это номер телефона, по которому тебя просили перезвонить. — Резидент продиктовал несколько цифр.

— Спасибо, Константин Васильевич.

— Спасибо — много, — наставительно произнес резидент. — Отплатишь самоотверженным трудом. И пива купи, когда все рассосется. Если рассосется…

Могло и не рассосаться. Нервы барахлили, дрожащими пальцами он набрал продиктованный номер, произнес «ничего не значащую» фразу

— важную для человека на другом конце провода. Выслушал аналогичную.

— 179, Рок-Крик-Роуд, 6 PM, — ровным голосом произнес абонент. — Постарайтесь не опаздывать, сэр.

Несколько часов ему предстояло провести в подвешенном состоянии. Ухудшалась не только международная обстановка, но и погода в Вашингтоне. Сгустились тучи, непрерывно моросил дождь. В лавочке недалеко от таксофона Большаков купил зонт с массивной костяной ручкой — такую штуку можно использовать не только по назначению. Передвигаться по городу приходилось с оглядкой, его наверняка искали. В заведении братьев Шерман кормили курицей в кляре, цветной капустой и жареными патиссонами. Страшно хотелось есть. В заведении работал телевизор. Посетители молча ели, угрюмо слушали последние новости. Ситуация, по мнению журналистов, была аховая, военные корабли готовились нанести удар по кубинским военным базам и аэродромам. Появилась информация, что это произойдет завтра. Президент уже готов отдать приказ. Снова мелькали кадры аэрофотосъемки, на которых явственно запечатлелись пусковые установки с заряженными ракетами.

Журналист задавался резонным вопросом: если ракеты заряжены и нацелены, то не для того ли, чтобы произвести залп? Присутствующие глухо переговаривались. Лица были напряженные, растерянные. Кто-то предлагал уехать в сельскую местность, пока не поздно. Кто-то натужно шутил: можно ли за ночь вырыть бункер? Третьи ругали Хрущева, но при этом не исключали, что Кеннеди тоже не подарок к Рождеству — его предшественник Эйзенхауэр давно поставил бы на место зарвавшегося кремлевского тирана!

Выслушивать все это было трудно. Насытившись, Георгий вышел в дождь, блуждал по каким-то аллеям, стоял под навесом, когда дождь перешел в ливень. К шести часам вечера он вышел на Рок-Крик-Роуд, машинально прикрылся зонтом, когда мимо проехала полицейская машина. Шелестя шинами, у тротуара остановился темный «Крайслер», глухой голос произнес:

— Садитесь.

Георгий пристроился на пассажирском сиденье, захлопнул дверь.

— Добрый вечер, Джорджи. — Марк Ромеро, помощник Пьера Сэлинджера, оторвал руку от руля, протянул. Больше никого в машине не было. «Крайслер» отъехал от тротуара. В седьмом

часу вечера уже смеркалось. Фары встречных машин слепили глаза. Стекло покрывалось дождевыми разводами, скрипели дворники, разгоняя мокрую муть. Несколько раз Ромеро сворачивал, поднимал глаза к зеркалу. Мимо проплывали сумрачные здания западной части города. Выезжая на дорогу, Марк резко затормозил, выругался — мимо с лязгом промчалось что-то большегрузное. Изучив дорожную обстановку, он повернул направо.

— Все плохо, Марк? — спросил Георгий.

— Хуже бывает, Джорджи, — неохотно отозвался Ромеро. — Все летит к чертовой матери, мы на пороге апокалипсиса, и только недалекие люди это не понимают. Вы не представляете, как много в мире недалеких людей — и у вас, и у нас…

«Особенно в погонах», — подумал Большаков.

— По телевизору сказали, что все может начаться уже завтра…

— Если не сегодня, — фыркнул сопровождающий. — Слышали про летчика?

— Про какого летчика?

— Ну да, эту информацию лишь час назад выпустили в свет… Сегодня ракетой зенитного комплекса С-75 был сбит самолет «У-2», совершающий полет над Кубой…

— Разведывательный полет над территорией другого государства? — уточнил Георгий.

— Пусть так, — поморщился Ромеро. — Руди Андерсон был хорошим парнем, он просто выполнял приказ…

— Подождите, пилот не выжил? — Георгий вздрогнул.

— Было прямое попадание, пилот не успел покинуть самолет… Его, похоже, не сразу решились сбить. Наши специалисты перехватили переговоры. Зенитчики вызывали начальство, его не оказалось на месте, сами это сделать не решались, в итоге получили распоряжение действовать по обстановке… Вы представляете, что теперь произойдет? Скрыть эту новость не удалось, она уже разлетелась по СМИ… Вот черт!

Ромеро резко затормозил, когда из переулка выскочил черный фургон. Тот явно намеревался перекрыть дорогу! Машины едва не столкнулись, сильно тряхнуло, Георгий уперся ладонью в приборную панель. Ромеро, надо отдать ему должное, не терял хладнокровия. Из открытых дверей выскакивали люди, а «Крайслер» уже откатывался на задней передаче. Он перевалился через бордюр, что-то смяв под бампером, зацепил колпаком фары стену здания. Скрипела коробка

передач, бешено вращался руль. Задняя скорость сменилась первой, второй, теперь уже передний колпак чуть не хрустнул при лихом вираже. Гудели машины, собравшиеся сзади. Люди из фургона постеснялись стрелять, а догнать машину уже не смогли. Бросились обратно к своему фургону. «Крайслер» летел по узкому проезду, надрывался двигатель. Дорога вывела к мосту, под опорами шумела мерно текущая вода. За спиной мерцали фары, но понять, кто это едет, было невозможно.

— Потрясающе, — бормотал американец. — Они вели меня с самого начала, а я даже не заметил. Ждали удобного момента, чтобы перехватить…

— Надеюсь, Марк, вы исправили свою оплошность. — Георгий не отрывал глаза от зеркала.

— Очень на это надеюсь, Джорджи…

За мостом дорога уходила вправо. От нее имелся еще один отворот — почти на 180 градусов, Марк едва в него вписался. Проезжая часть здесь носила весьма условный характер. Слева за бетонными плитами шумела река. Справа проплывала массивная мостовая опора. Здесь стояли какие-то фургоны, трейлер, прицепленный к минивэну. Марк проделал еще один маневр — заехал за ближайший фургон, прижался к опоре. Он

выключил двигатель, погасил фары. Несколько минут сидели неподвижно. Мимо проезжали какие-то машины, потом настала тишина. Только волны разбивались о бетонные надолбы.

— Вы неплохи в уходе от погони, Марк, — похвалил Большаков. — Вы точно помощник пресс-секретаря?

— Точно, — проворчал Марк, — но иногда вспоминается военная юность. В 44-м нацисты хорошо накостыляли нам в Арденнах. Я тогда водил армейский грузовик. Помню, по горам уходили от преследования, а в кузове тряслась дюжина раненых парней… Но это лирика, сэр, сейчс нам надо отсюда выбираться…

Новых приключений не было, кроме инцидента с бродягой, который решил погреться и безуспешно дергал ручку задней дверцы. Минут через двадцать «Крайслер» подъехал к сумрачному особняку на западной окраине города. Ромеро с кем-то перекинулся парой слов, затем отправились в обход дома — дорожка тянулась вдоль облетающего кустарника.

— Где мы, Марк?

— Это частный особняк, Джорджи. Вам лучше не знать, кому он принадлежит. Здесь безопасно. Прошу вас, проходите. До конца коридора и на-

право. Роберт уже ждет — его люди здесь…

Снова заставляли ждать большого чиновника. В особняке было уютно. Роберт Кеннеди отрешенно смотрел на аквариум, по которому сновали рыбьи стаи и каждую секунду, как в калейдоскопе, что-то менялось.

— Снова технические трудности? — Он поднялся, протянул вялую ладонь. Судя по воспаленному взору, последние сутки он не смыкал глаз. Поднялся Левинсон, с ним тоже поздоровались.

— Мы чуть не попались, Роберт, — объяснил Ромеро. — Придется машину ремонтировать.

— Понятно, — вздохнул Кеннеди и обратил на гостя какой-то обреченный взгляд. — Вы в курсе про летчика Андерсона, Джорджи?

— Да.

— А про письмо Фиделя Кастро премьеру Хрущеву?

— Нет.

— Написал письмо. — Кеннеди усмехнулся одними губами. — Он решил, что завтра мы нанесем массированный удар по Кубе, и передал через советского посла письмо Хрущеву. Просит нанести превентивный ядерный удар по Соединенным Штатам. При этом все решил за кубинский народ, объявив, что тот готов принести себя в жертву

ради победы над Америкой.

— Совсем из ума выжил, — пробормотал Левинсон и отвернулся.

— Все очень плохо, Джорджи. С каждым часом у Джона все больше оснований уступить генералам и отдать приказ. Настаивает Конгресс, настаивают спецслужбы. Мы не хотим войны, Джорджи, но и выглядеть предателями в глазах американцев — не хотим. Генералы уверены, что в ответ на нашу бомбардировку Кубы Хрущев не осмелится ударить ядерным оружием. А в обычных вооружениях мы сильнее. Но мы в этом не уверены — особенно зная непредсказуемость и вспыльчивость вашего премьера… Что нам делать, Джорджи? Тянуть больше некуда, все идет к тому, что на рассвете, если не раньше, Джону придется отдать приказ.

Большаков молчал, выдерживал паузу.

— Джон уже намекал премьеру Хрущеву, что мы готовы оставить Кубу в покое, лишь бы он вывез с острова свои ракеты. Но ответа от Хрущева не поступало…

Роберт смотрел угрюмо, скорбно, а из глубин его глаз так и взывало: помоги! Холодела спина, Георгий понимал, что сейчас опять пойдет на грубое нарушение инструкций. Не может не пой-

ти. Другой возможности не будет. Мир летит в пропасть. Он должен принять решение за Хрущева. Душу сверлил червячок: ты кто, Большаков? Царь, бог, Первый секретарь ЦК КПСС?! Не берешь ли на себя лишнего?

— Роберт, я вижу только одно решение. Откажитесь от притязаний на Кубу. Отведите войска и флот. Официально заявите, что отказываетесь когда-либо предпринимать попытки свергнуть кубинскую власть. Второе: пообещайте в разумные сроки — скажем, три-четыре месяца — демонтировать пусковые установки в турецком Измире и вывезти из Турции «Юпитеры». Согласен, это болезненный удар по репутации Джона, но можно ограничиться тайными договоренностями, не объявлять об этом на весь мир. Все равно эти ракеты морально устарели… Я уверен, Хрущев на это согласится.

Присутствующие молчали. Роберт усиленно размышлял. Видимо, о том, как представить поражение победой.

— Роберт, мы можем прямо сейчас все остановить, — тихо добавил Георгий.

Роберт недоверчиво кривился, вновь уставился на аквариум.

— Нет, — встрепенулся он. — Прямо сейчас мы

не можем все остановить. Я должен передать ваше предложение Джону, а Джон должен принять решение. И только после этого вы передадите его ответ Хрущеву.

— Пусть так, — согласился Большаков. — Но если все действительно должно произойти утром, то нам лучше поспешить.

— Да. — Роберт встрепенулся. — Мне потребуется несколько часов. Вам придется подождать, Джорджи… Черт, в этом доме нельзя больше оставаться… Вам есть где провести несколько часов, не подвергаясь опасности?

— Я что-нибудь придумаю, — улыбнулся Большаков.

— Поезжайте в гостиницу «Анакостия», — предложил Левинсон. — Однажды нам уже доводилось поселять там людей, гм… — Фил немного смутился, но не стал развивать тему. — Это полная дыра, скажу откровенно. Старый район на востоке города. Туда ведет почти прямая дорога, можно добраться за пятнадцать минут. Персонал не страдает любопытством, им все равно, кто вы и откуда. Там вас никто не будет искать. Я приеду за вами, Джорджи, — может быть, под утро. В этой гостинице вы сможете отдохнуть хотя бы несколько часов.

— Принимается, Фил, — кивнул Георгий. — Отсюда можно вызвать такси?

Глава двенадцатая

Он не мог найти себе места, нервы отказывали — шарахался из угла в угол, дымил как паровоз. Свет не включал — непонятно почему, ведь его убеждали, что здесь безопасно. Время тянулось невыносимо медленно. Из полумрака проступали ободранные стены, висящие на соплях розетки, устрашающий крюк на потолке. Можно представить, сколько постояльцев, доведенных до отчаяния, им воспользовались… От такого напряжения действительно хоть в петлю! Гостиница «Анакостия» была, мягко говоря, не очень. Пятиэтажное кирпичное здание, опутанное угловатыми пожарными лестницами. Практически впритирку — еще пара зданий. Для кого построили этот «постоялый двор»? Впрочем, публики хватало, далеко не все сказочно богаты и согласны жить только в фешенебельных районах. Таксист был не в восторге от поездки в эту дыру, получил деньги и поспешил убраться. «Брутальный» латинос, сидящий за стойкой администратора, уверил, что это самый безопасный район и здесь постояльцу будет комфортно. Есть

электричество, отчасти водопровод, канализация, а остальное уж — извините, а что вы хотели за пять долларов? Район готовится под снос, об этом неоднократно сообщали городские власти — значит, лет через двадцать его точно снесут…

Снимать покрывало со скрипящей кровати совершенно не хотелось. Георгий сидел на кровати, сжимая руками гудящие виски, пытался успокоиться. Кто он такой, чтобы брать на себя смелость вершить судьбу мира? Герой американских комиксов — «веселых картинок» жутковатого содержания, которые обожает местное подрастающее поколение? Но ведь это реально шанс — пусть бледная, но все же возможность все исправить! Он снова хватался за сигарету, обнаружил, что в пачке осталось только три штуки, лучше поумерить аппетиты…

Метаться надоело, Георгий лежал на кровати, проваливаясь в какое-то странное состояние, лишь поверхностно напоминающее сон. Но это не спасало, опять шатался по свободному пространству, вглядывался в циферблат на руке. Время практически застыло.

Осталась последняя сигарета — не выдержал, подошел к окну, стал жадно затягиваться. Ничего, можно спуститься к «ночному портье», спросить

у него. Такое ощущение, что небо посерело. Нет, показалось, просто тучи раздвинулись — и снова сошлись. До рассвета — маленькая вечность. Но три часа он все-таки отвоевал у этого безвременья… Упитанные тучи окружили город. Моросил дождь — по грязному стеклу текли ручейки. В окрестных домах почти не горел свет. Георгий вздрогнул: между зданиями мелькнул огонек. Машина проехала. Может быть, Фил? Но нет, огонек больше не возникал, это была другая машина. Пора бы появиться Левинсону — или кто его заберет? Долго думает президент. О чем тут думать? Вариантов нет, он загнан в угол — и это единственный способ остановить безумие и сохранить хоть какое-то лицо…

Большаков застыл. В просвете между домами — примерно там, где мелькнули фары, — что-то шевельнулось. Показался человек — он шел к гостинице. Ничего конкретного, просто пятно. Следом еще двое, за ними — четвертый. Люди быстро приближались ко входу в «Анакостию». Спина вспотела, жгучий ком образовался в горле. Георгий застыл с тлеющей сигаретой, не донесенной до рта. Оставили за домом машину, дальше решили пешком, чтобы не светиться? Что-то другое? Город большой, у людей свои дела. Да как

бы не так! Если неприятность может случиться, то она непременно случится! Он спохватился, бросил под ноги сигарету, затоптал. Засекли огонек? Машинально попятился. Люди в темном пересекли пустое пространство и подходили ко входу. Они становились четче — плащи, шляпы. Посланцы от Кеннеди не повалили бы такой гурьбой — с какой стати? Но как нашли? Кто знал, что он будет находиться в этой гостинице? Только все свои — Левинсон, предложивший это убежище, Марк Ромеро, Роберт Кеннеди…

Ничего себе «свои»! Попались в западню, товарищ полковник? Он задыхался от отчаяния, пытался успокоиться, найти решение. Натянул плащ, шляпу, приоткрыл дверь. Лестничная клеть, высокие потолки, мутное марево проникало сквозь широкие оконные рамы. Номер находился на четвертом этаже. Постояльцев в гостинице было мало, да и те спали. Снизу доносился гул голосов. Пока опросят «портье», выяснят, в каком номере постоялец… Он выскользнул за дверь, завертелся. Вломиться к кому-нибудь в номер, отсидеться? Да кто пустит? Та же самая западня, только с другого ракурса. Черный ход — внизу, за спиной администратора. Сквозные коридоры — увы. Полезная привычка

— изучить обстановку, прежде чем вселяться. Но сегодня от нее — никакой пользы! Он бросился наверх — на последний этаж. Люк на чердак присутствовал, но требовалась стремянка, чтобы до него дотянуться. Он скатился на половину лестничного марша, стал карабкаться на подоконник. Где тут, интересно, пожарная лестница? Ржавый шпингалет задубел в деревянной раме, рвал его, сдирал кожу с пальцев. По лестнице уже поднимались. Быстро поднимались! Он возился с окаянной рамой, насилу отклеил створки. Рама открывалась тяжело, с пронзительным скрипом. Холодный ветер ударил в лицо. Он высунулся наружу. Пожарная лестница находилась слева — вся в «зигзагах», с рифлеными площадками на каждом этаже. В принципе можно дотянуться. Подался вперед, извернулся, схватился левой рукой за косяк.

— Он здесь, сэр! — ахнули за спиной. Агент прыжками преодолел оставшиеся ступени, схватил за щиколотку. Большаков вырвал ногу, ударил пяткой в грудь. Кажется, перестарался — бедолагу отнесло назад, он с воем покатился по ступеням! Григорий прижался к косяку. Вытягивал руку. Кажется, зацепился, оторвался от карниза, искал ногой ступень, нашел…

— Эй, вы, вниз! — заорал знакомый голос. — Ловите его у лестницы!

Третья попытка, мистер Майлз? Ну, что ж, возможно, что сегодня вам повезет… Карабкаться вниз смысла не было — спрыгнет прямо в объятия. Стиснув зубы, Георгий полез наверх — до крыши было рукой подать.

— Эй, ты куда? — с ядовитой усмешкой прозвучало из окна. На кудыкину гору, мистер Майлз! Плана не было, откуда ему взяться? Он видел краем глаза, как из окна на лестницу перебрался человек. Такое бы упорство — да на благие дела! Георгий рывком, вцепившись в поручни, перебросил ноги на крышу. Шляпу сорвало с головы. За бетонным бортиком простиралось ровное пространство — крыша была без уклонов. Наросты воздуховодов, телевизионные антенны… Куда бежать. Он перегнулся через борт, чтобы скинуть Майлза с лестницы. Выстрел грянул в упор, ошеломил. Стрелял ли Майлз на поражение? Большаков отшатнулся, бросился бежать куда глаза глядят — на обратную сторону дома. За спиной прозвучал язвительный смех. Права Франческа — натуральный злодей… Он пробежал часть открытого пространства, снова грохнул выстрел. Пуля прошла над головой. Георгий

метнулся за кирпичную отдушину, побежал дальше, пригнув голову. Майлз топал за ним. До конца здания оставалось метров двадцать, рябил перед глазами бетонный барьер. Неподалеку — пожарная лестница, увы, не вариант — отличный способ получить пулю в макушку. Соседняя крыша находилась рядом, метрах в трех. Ничего невозможного, если есть соответствующие навыки. А есть у него такие навыки? Размышлять было некогда, страх отсутствовал. Георгий с разбега вскочил на бетонный бортик, прыгнул дальше.

Главное, вниз не смотреть. Он приземлился на соседнюю крышу обеими пятками, замахал руками, отставил ногу, чтобы не поехать. А вот у этой крыши был скат! Пусть не крутой, чтобы покатиться кубарем, но все же… Он балансировал почти на краю, удержался, мелкими шажками стал поднимать вверх. Майлз припозднился — споткнулся, искал выпавший пистолет. Возможно, этим и объяснялась сдавленная ругань. Когда он возник у края пропасти, Большаков уже бежал по коньку, смещаясь к противоположному краю. Стрелять резона не было, слишком далеко. Майлз разбежался, без усилий перемахнул через пропасть и вскоре выбрался на конек. Он бежал, сосредоточенно сопя. Вновь отчаяние

поселялось в душе. Не успеть! Георгий выбежал к торцу строения. Почти на краю — наплыв со слуховым оконцем, правее от него — пожарная лестница. Если двинуться прямо к ней, съехать на пятой точке…

Но это была утопия. Ужас нарастал, он чувствовал, как ступни скользят по крыше. Георгий съезжал к краю обрыва — медленно, но от этого лишь острее испытывая страх. Он и не мог остановиться. И это было так далеко от пожарной лестницы! Бездна открывалась в полный рост — двор, какие-то деревья-доходяги. Пять этажей, бывает и выше, но человеку достаточно — если он не герой Голливуда… До провала осталось метра полтора, когда он догадался опуститься на колено, прижал ладони к крыше, отыскал пальцами неровность в стыке жестяных листов. Скольжение прервалось. Георгий перевел дыхание. Медленно поднимался, стараясь не смотреть вниз. Слуховое оконце находилось слева — раскрытое, ободралась вся краска. Вроде рядом, но проще до Москвы добраться, чем до него…

Майлз стоял в двух метрах от него, на краю конька. В руке пистолет, он язвительно скалился, в глазах переливался злорадный огонек. Это было скверно — ничем не лучше, чем навернуть-

ся оземь с пятого этажа. Большаков с усилием распрямил спину. Правая пятка отыскала выпуклость в поверхности крыши, внезапное падение теперь не грозило.

— Отбегался, Большаков, — прокомментировал Майлз. — Ну что ж, это должно было случиться. Не с теми ты решил сразиться, мог бы сразу это понять.

Слово «Большаков» он произносил практически без ошибок — видно, натренировался. Только с мягким знаком были проблемы.

— И что дальше, Майлз? — угрюмо бросил Георгий. — Как ты меня собираешься брать?

— Сам поднимешься, — пожал плечами Майлз. — А не поднимешься — дело твое. Ты убил Билли, с которым мы дружили полтора десятка лет, — скажи, какой резон мне оставлять тебя в живых? Ты — препятствие, досадная помеха, и не важно, каким способом это препятствие будет ликвидировано.

Майлз покосился через плечо. Кроме них, на крыше никого не было. И внизу не кричали. Заблудились помощники. Снизу неясно, куда сместились события, и по выстрелам трудно ориентироваться: акустика — штука обманчивая. «Может и пристрелить, — мелькнула мысль. — А

потом скажет, что был вынужден».

— Надеюсь, у тебя есть полномочия, Майлз?

— Можешь не сомневаться. — Язвительная ухмылка не сходила с самодовольного лица. — Выполняется особое распоряжение генерала Кертиса Лемея, начальника штаба ВВС. Давно пора прикрыть вашу лавочку. Сначала не было доказательств, потом не могли поймать вас за руку, потом вы стали увертываться… Все, Большаков, это финал. Куба никогда не будет вашей — это дело принципа. И не важно, сколько крови при этом прольется. Джон Кеннеди будет низложен, с позором изгнан из Белого дома. Другого быть не может — скоро появятся доказательства его связи с советской разведкой. Ты ведь не просто журналист, Большаков?

— А ты неровно дышишь к нашей стране, верно, Майлз?

— Ненавижу вас… — Визави побагровел, глаза сжались в колючки. — Просто хронически не выношу, Большаков, уж прости. Вы не люди, вы не имеете права на существование, вас нужно устранять физически, желательно целыми народами, чтобы эта ядовитая бактерия больше не выделялась… Завтра мы нанесем такой удар, от которого Куба не устоит. Все сгорит в огне — чертовы

коммунисты, ваши солдаты, все ваши долбаные ракеты… Хотите поиграть с ядерным оружием? Поиграйте, если успеете. Не получится у вас ничего, Большаков, нас больше, мы сильнее…

Он снова посмотрел через плечо, затем через другое. Свидетелей не было. Ядовитая улыбка стала растягиваться до ушей.

— Я передумал, Большаков, живым ты отсюда не уйдешь. Зыбко это, все равно ведь выкрутишься, нет? Извини, ты набросился на меня, я был вынужден применить оружие… — Майлз поднял пистолет, угрожающе засмеялся. — Сдулся, Большаков? Даже не попытаешь уда…

Георгий оттолкнулся пятками и бросился! Но только в сторону, к слуховому окну, вытянув обе руки, чтобы схватиться за раму. Мысль мелькнула: не оторвется? Оконце не оторвалось, но яростно заскрипело, перекосилось. Одновременно правая нога проделала дугу, ударила американца по коленке. Майлз не ожидал, нога подломилась, он ахнул от неожиданности, качнулся. Выстрел прогремел, и пуля ушла вбок. Пистолет выпал из руки, поехал к краю крыши. За ним отправился сам Майлз, махал руками, чтобы удержаться на скате, повалился на бок, но и это не спасло — он перевалился через край, с ревом полетел вниз…

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Жилы натянулись, руки отрывались от болтающейся рамы. Георгий забросил правую ногу за выступающую часть слухового сооружения, зацепился за что-то, перевел дыхание. Стал подтягиваться, перебирал руками. Оказавшись на другой стороне, пополз к пожарной лестнице, схватился за поручень…

Когда он спрыгнул на землю, округа стала пробуждаться. Открывались окна, шумели люди, напуганные выстрелами. Георгий бросился вдоль дома. Потрясающе! Майлз сверзился в груду бесхозных картонных коробок — метко, нечего сказать. Он ворочался в этой груде, мучительно стонал. Большаков не мог не задержаться. Майлз перекатился на бок, заорал от боли. Лицо перекосилось, глаза вылезали из орбит. Георгий нагнулся. Американец, похоже, сломал обе ноги — посадка вышла не совсем мягкой. И переломы были открытыми, во всяком случае, на одной ноге — неестественно выпирала кость, штанина взмокла от крови.

— Сочувствую, приятель, отслужил ты свой срок службы…

— Помоги… — прохрипел Майлз.

— Ты серьезно? Ничего не перепутал? — Георгий поколебался, но времени на сантименты не

было, стал пятиться. Развернулся, побежал в подворотню. Он миновал арочный проход, пробежал мимо жилого дома, выбрался на широкую улицу, где изредка проносились машины. Телефонная будка находилась в десяти шагах от переулка. Ругая себя последними словами, он вошел внутрь, закрылся и набрал номер экстренных служб. Платы за такие действия таксофон не требовал. Отозвался оператор, Большаков скупо описал ситуацию: человек упал с крыши, находится в крайне тяжелом состоянии, приблизительный адрес…

— Назовите себя, мистер, — попросил оператор. Это было лишним. Большаков повесил трубку, пробормотал:

— А вы у нас гуманист, батенька…

Хорошо, что не вышел из будки. Из переулка выбежали трое, завертелись. Нашли, слава богу, потерявшийся вчерашний день! Разделились, один побежал в одну сторону, двое — в другую. Георгий рухнул на корточки, пригнул голову. Двое пробежали мимо будки, припустили дальше. Вот и делай после этого добрые дела… Видимо, рано он покинул свое убежище, терпения не хватило. Не успел добежать до переулка, как в спину прогремело:

— Я вижу его! Всем назад!

Георгий бросился в переулок. Опомниться не успел, как заскрипели тормоза, что-то ударило по бедру, и он оказался на крышке капота с распростертыми руками! Вот это да! Из салона таращились перепуганные глаза водителя.

— Джорджи, быстро в машину!

Левинсон? Он колебался.

— Да садитесь же быстрее! — кричал Фил. — Это не я вас сдал! Я понятия не имею, как они вас нашли!

Черт… Георгий бросился в машину, запрыгнул на пассажирское сиденье. Дверь захлопывать пришлось уже на ходу. Филипп взял с места в карьер. Трое выбежали навстречу с улицы. Двое успели отскочить, а третий тоже оказался на капоте, но не задержался, скатился с него.

— Да что же вы сегодня… — бормотал Левинсон, выворачивая руль. Бурлило что-то в животе, самое время повеселиться. Машина выворачивала на дорогу. Георгий обернулся. Поднимался пострадавший, держась за поврежденную ногу. Метались двое не пострадавших. Улица была пуста. Рычал мощный мотор, мелькали дома. На перекрестке Левинсон повернул направо, втиснулся в узкий проезд между зданиями. Филипп

трясся от страха, это было заметно, но выполнял свою работу.

— Вы в порядке, Джорджи?

— Да, вполне. А вы?

— Не сказать. Перенервничал. Прибыл за вами, а тут такое… Выстрелы, какие-то люди бежали… Будем молиться, чтобы все закончилось благополучно. Я боялся, что вы на меня подумаете. Но это было бы странно, согласитесь. Видимо, вычислили особняк, где вы встречались с Робертом, опросили таксистов, работавших в том районе… У них большие возможности, могут привлекать значительные ресурсы…

— Я уже понял, Фил. Спасибо, что во второй раз вытащили из дерьма.

— Это моя работа, сэр… Да, забыл вам сказать: мы едем в отель «Мэйфлауэр». 1127, Коннектикут-авеню. Но зайдем с черного хода, нас не должен никто видеть…

К отелю подбирались какими-то мрачными закоулками. Красоты ночного Вашингтона оценить не удалось. Левинсон поставил машину у кирпичной стены без окон, дальше двигались пешком — по диагональной аллее, мимо зарослей кустарника, с которых почему-то не желала осыпаться листва. Посторонился человек, дежурящий в

конце аллеи. Еще один — на крыльце — уступил дорогу. Гулко отзывались шаги в коридоре. Еще третий охранник заступил дорогу, вежливо попросил показать содержимое карманов…

В комнате было красиво. Высокий потолок с лепниной, картины патриотического содержания. Присутствующие натянуто улыбались, в воздухе витало напряжение… Кивнул старому знакомому Роберт Кеннеди — он сидел на стуле в углу, скрестив руки на груди. Из-за стола, где беспорядочно валялись бумаги, поднялся президент Кеннеди, протянул руку.

— Здравствуйте, мистер Большаков… Или Джорджи? Как вам будет удобно? Мы с вами уже встречались, я помню…

Надо же. Инкогнито из Петербурга? Волновались все присутствующие, напряжение просто зашкаливало.

— Рад вас приветствовать, господин президент. — Георгий пожал протянутую руку. — Обращайтесь, как вам удобно, это не важно.

— Присаживайтесь, Джорджи, будьте как дома. Персонал отеля не знает, кто здесь. Их припугнули национальной безопасностью, и они будут держать язык за зубами. К вам тоже убедительная просьба, Джорджи. Чем бы ни закончилась наша

встреча, сохраняйте все в тайне.

— Разумеется, господин президент.

На этой встрече не было даже помощников. Страх впитался в лица и в души государственных деятелей. Но что-то еще он видел в их лицах. Не надежду ли? Кеннеди сел за стол, машинально перебирал бумаги. Он был взволнован, требовалась поддержка. Роберт помалкивал, и его обуяло волнение. Минута молчания казалась бесконечной. Американского президента было в чем-то жаль. Нормальный, в сущности, парень, попал между жерновами, вынужден лавировать, переходить на конспирацию. Совсем недавно, в начале августа, умерла при загадочных обстоятельствах Мэрилин Монро, с которой у Джона был тайный роман. Как, интересно, справлялся?

— Я правильно понял предложение вашего премьера, Джорджи? — как-то с усилием вымолвил Кеннеди. — Мы отказываемся от намерений сменить власть на Кубе, предоставляем Кубе гарантии безопасности, и вы вывозите с острова ракеты? Также мы должны демонтировать пусковые установки в Измире…

— Да, господин президент, таково условие премьера Хрущева. Мы не требуем это сделать немедленно, можно установить разумные сроки.

— Полгода… это, по-вашему, разумный срок?

Что поменялось в душной наэлектризованной атмосфере? Словно воздухом подуло. Начинается конкретная торговля?

— Хотелось бы побыстрее, господин президент. Эти ракеты направлены на Москву.

— Да, я понимаю… Хорошо, мы закончим демонтаж раньше. Но все равно это будет конец февраля — начало марта.

— Это разумные сроки, сэр. О ракетах можно подписать двустороннее соглашение. Уже завтра командование ВМС США должно начать отвод кораблей от Кубы. Снимается карантин — что следует из официального заявления. Войска, дислоцированные в южных штатах, а также авиационные группы возвращаются в места постоянной дислокации. Вам следует выступить с трибуны ООН, господин президент… или вашему вице-президенту — с докладом об отказе от каких-либо притязаний на Кубу. Навсегда. Вы отказываетесь от поддержки кубинской оппозиции.

— Но мы не можем отвечать за действия кубинской оппозиции, Джорджи, — подал голос Роберт.

— При всем уважении, господа, — это не так.

Перестав получать поддержку, в том числе финансовую, они быстро потеряют силу и авторитет.

— Допустим. — Джон сделал сосредоточенное лицо. — Этот вопрос не столь значительный, он будет решен. В отличие от наших ракет в Турции, вы свои установки на Кубе демонтируете сразу и в ближайшее же время вывозите ракеты.

— Да, господин президент, мы не будем тянуть. Но существует технический регламент, последовательность действий — и вряд ли все это произойдет в один день. Но работы начнутся сразу, уверяю вас. Ракеты с пусковых установок будут сняты. Советский контингент будет вывезен в полном составе. Ведь ему нечего делать на острове? Допускаю, что останутся инструкторы для тренировок кубинских военнослужащих. А также оборонительное оружие для нужд кубинской армии.

Кеннеди поморщился.

— На этот раз действительно оборонительное оружие, господин президент, — добавил Большаков.

Роберт издал нервный смешок.

— Вы обязуетесь не менять где бы то ни было существующие границы? — спросил Джон. — В

первую очередь это касается Берлина.

— Разумеется, господин президент. Границы Западного Берлина останутся незыблемыми.

— Черт… — Кеннеди откинулся на спинку стула. — Хорошо, я согласен…

Это был момент истины. Рубашка прилипла к спине, отмечалось затрудненное дыхание. Большаков уже не следил за своим лицом, а с последним явно происходили пертурбации. Облегченно выдохнул Роберт, подавил очередной смешок.

— Но мы должны выслушать решение премьера Хрущева, — напомнил Джон. — Поэтому ваша личная безопасность, Джорджи, для нас в приоритете. Здесь есть телефон, вы сможете позвонить в свое посольство. Пусть они пришлют за вами своих людей. Но, бога ради, чтобы не подъезжали к отелю, пусть остановятся за квартал — мы продиктуем адрес. Фил вас отвезет к месту встречи. Надеюсь, через два часа в Москве уже будут знать о нашем решении.

— Уверен, господин президент. Позвольте личную просьбу?

— Да, конечно, Джорджи. — Кеннеди удивился. — Все, что смогу.

— Не хотелось бы с судеб мира переходить на

судьбу отдельного человека, но… Прошу гарантий моей безопасности, господин президент. В последние дни люди, связанные с ЦРУ и Пентагоном, объявили на меня охоту, несколько раз пытались задержать — и даже кое-что похуже… Уходя от преследования, приходилось нарушать закон, кое-кто получил травмы…

Братья озадаченно переглянулись.

— Но вы же никого не убили? — спросил Джон.

— О нет, господин президент…

— Тогда не вижу ничего невозможного, — пожал плечами Кеннеди. — Вам не о чем беспокоиться, Джорджи. Эти люди не посмеют ослушаться личного приказа их президента. Тем более что в этом больше не будет никакого смысла.

— Благодарю, Джон… простите, господин президент.

Хмарь какая-то навалилась, он держался из последних сил. От дикого напряжения осталась рваная боль в голове. Братья Кеннеди учтиво распрощались, поспешили уехать. Был телефонный звонок, поездка с Филом «огородами», передвижение в посольском микроавтобусе, который никто не посмел остановить. Шифрограмма в Москву ушла только под утро — на ее составление ушло немало мучительных минут. Трудно,

но в принципе возможно заставить человека поверить, что все это придумал он, а не ты… Оставалось только потерять остатки нервных клеток. Вдруг Хрущев не согласится? Тогда полковнику Большакову останется только застрелиться. А у него даже пистолета нет. Пойти поискать среди картонных коробок?

28 октября Никита Хрущев объявил на заседании Президиума ЦК, что невозможно держать на Кубе ракеты, не вступая в конфронтацию с США. На этом же заседании решили сделать американцам предложение: демонтировать ракеты на Кубе в обмен на гарантии оставить в покое Кубу и обещание демонтировать «Юпитеры» в Турции. Это выглядело почти как победа и еще одно гениальное решение советского руководства. Через некоторое время было объявлено, что Кеннеди согласился с условиями Кремля. Приказ о сокрушительном ударе по Кубе повис в воздухе. Позднее оба лидера выступили перед нациями и объявили, что решение найдено, кризис преодолен. Каждая сторона считала, что именно она осталась в выигрыше. А уступки другой стороне — столь незначительные, что ими можно пренебречь.

— А ты неплохо выкрутился, Георгий, — при-

знал резидент Слуцкий. — Действуй в том же духе, полковник, глядишь, и будет из тебя толк.

Висела на шее и целовала во все щеки Франческа — она не знала, что произошло, но новость о том, что они могут встречаться, девушке понравилась. Отдельная благодарность Господу выражалась за то, что его не убили и не упрятали за решетку.

— С меня сегодня пиво, — расщедрился Фрэнк Холлман, разливая по бокалам пенящуюся жидкость. — Давай, приятель, за мир и дружбу. — Чокнулись. — Представь, несколько дней мы находились на грани глобальной ядерной войны.

— Представляю, — согласился Георгий. — И только благодаря титаническим усилиям глав наших государств этот кризис удалось преодолеть.

— Как скажешь, — усмехнулся Фрэнк. — Ходили слухи об одном парне, внесшем свой вклад, но мало ли какие слухи ходят… Кстати, есть информация об еще одном парне, возможно, тебя заинтересует. Его зовут Шон Майлз, сотрудник ЦРУ, некоторое время сотрудничал с высокопоставленными деятелями из Пентагона. Лежит в больнице со сложными переломами обеих нижних конечностей. Ему буквально размозжило

кости. К нормальной жизни он, по-видимому, не вернется. После выписки из больницы будет уволен из ЦРУ — а может, сжалятся, отправят куда-нибудь в архив или юридический отдел. Оценил новость?

— Жалко человека, — вздохнул Большаков, — Нелепая случайность — и вся жизнь насмарку.

Частичка правды все-таки выплыла. В прессу просочилась информация о существовании между Кеннеди и Хрущевым неофициального канала связи. Передаточным звеном являлся некий журналист Большаков. О его причастности к советской военной разведке не звучало ни слова, а сама установка канала связи ставилась в заслугу Джону Кеннеди. Но и здесь русские обманули! Газеты писали взахлеб, как Кеннеди в период Карибского кризиса обратился к Большакову за разъяснениями по поводу действий советского правительства. А Большаков, следуя указаниям из Москвы, активно лгал: мол, Москва поставляет Фиделю только оружие оборонительного характера. Это ввело президента в заблуждение и подорвало доверие к Большакову. Поэтому после 22 октября встречи Роберта Кеннеди и советского журналиста прекратились. В журнале «The Saturday Evening Post» появилась разгром-

ная статья: на всем протяжении кризиса Советы дезинформировали президента через свое доверенное лицо — того же журналиста Большакова. Роберт Кеннеди предложил Георгию приехать к нему в Министерство юстиции. Теперь это можно было делать, не скрываясь.

— Джорджи, простите этих писак, — просил он. — И меня — за то, что не уследил за этими прощелыгами. Сами не ведают, что пишут. А может, отрабатывают заказ проигравшей стороны. Мы с Джоном так не считаем. Вы благородный и честный человек. А если и ввели кого-то в заблуждение, то потому, что сами в нем оказались. Поверьте, сотрудничать с вами — это большая для нас честь.

В начале декабря пришло официальное распоряжение: Большакова отзывали в Советский Союз. Вместо него в Вашингтон направлялся другой сотрудник. Целый час он сидел в оцепенении, не мог поверить, что это происходит на самом деле. Что это было — маленькая месть Хрущева? Он был раздавлен и лишь усилием воли сохранял спокойствие. Насторожилась Франческа, но он молчал как партизан — не знал, как эту новость преподнести.

Расстроился Фрэнк Холлман, поносил злобные

темные силы. К вечеру пригласил Большакова к себе в редакцию, назвав намечающееся мероприятие званым приемом. Подтягивались журналисты из других изданий, многим хотелось посмотреть на этого парня. Звенели бокалы с шампанским, смеялись женщины. Настроения не было, но приходилось соответствовать. Многие уже знали, что Роберт Кеннеди принес журналисту извинения за клевету в прессе. Он благодарил бога, что на приеме не было Франчески — девушка неважно себя чувствовала.

— Мистер Большаков, вы когда уезжаете? — спрашивали журналисты.

— Через два дня.

— Не связан ли ваш отъезд с неким недовольством, которое затаил на вас премьер Хрущев?

— Не думаю, Крис. Насколько помню, с премьером Хрущевым у меня ровные рабочие отношения, и нам нечего делить. И вообще, где он и где ваш покорный слуга?

— Мистер Большаков, что вы можете сказать о неуступчивости вашего премьер-министра? О его упрямстве уже слагают легенды.

— У вас неверные сведения, Натали. Мы постоянно идем вам на уступки. Посудите сами. Вы потребовали вывести ракеты с Кубы — мы

вывели. Приказали убрать бомбардировочную авиацию — мы убрали. Потребовали отозвать Большакова — и вот я уезжаю. Но учтите, господа, больше уступок не будет!

Журналисты аплодировали, смеялись, кто-то уверял, что эта шутка тянет на шутку года. А Большакову, глядя на это, хотелось плакать.

— Ты уезжаешь? — вздрогнула Франческа. — Надолго?

Георгий подавленно молчал. Вселенская тоска сжимала грудь. Он победил, почему же у этой победы столь явственный привкус поражения?

— Ты уезжаешь… навсегда? — прошептала Франческа. До нее пока неважно доходило. Но дошло, окаменела. Руки стали холодными. Он не знал, что сказать, чем утешить, а врать не хотелось. Он уедет и больше никогда не увидит эту женщину, которую искренне любил. Никогда не увидит своего ребенка — тот всю жизнь проживет в Америке и, вероятно, не узнает, что у него есть русский папа. Это неправильно, противоестественно. Но он не мог ослушаться приказа. Свою родину он тоже любил — какой бы она ни была. Пакостно было на душе. Он обнял молчащую девушку, стал говорить какие-то глупости: что они еще встретятся, обязательно встретятся!

Он когда-нибудь приедет, и они будут вместе. У ребенка должен быть отец! А пока можно писать письма, обмениваться фотографиями — он журналист, у него есть связи! Франческа не шевелилась, только лицо темнело. Потом забралась с ногами на кушетку, закрыла лицо руками и горько заплакала…

Он улетал из Америки — сникший, побежденный, с разрывающимся сердцем. «Ил-114» начинал движение. Франческа не пришла в аэропорт — это было выше ее сил. Бежала под иллюминатором взлетная полоса, отрывались шасси от земли. Он откинул голову на спинку сиденья, сжал тоску зубами. Георгий понятия не имел, как будет жить дальше, знал лишь одно — надо…